Заслуженный профессоръ Д-ръ Н. Н. ГЛУБОКОВСКІЙ.

# Св. Апостолъ Лука, Евангелистъ и Дѣеписатель.

Явися благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ.
Тим. II, 11.

СОФІЯ (БОЛГАРІЯ).
1 9 3 2.

Во славу
„святой Академіи“ С.-Петер-
бургской, обезпечившей мнѣ
научное „служеніе Слову“,
признательный сочленъ

# Внутренняя исторіографическая связь третьяго Евангелія и книги Дѣяній.

Бываютъ блестящія идеи, которыя быстро тускнѣютъ при своемъ осуществленіи и становятся даже мрачными или зловѣщими. Каждый знаетъ и множество теорій, обѣщающихъ обновленіе, созиданіе и прогрессъ, а при своемъ приложеніи оказавшихся мертвящими и разрушительными. Еще болѣе такихъ „практическихъ" проектовъ, которые манятъ творческою активностію, на дѣлѣ же получается, что это— вздорныя фантазіи, вносящія хаосъ и ужасъ. И безконечно количество этихъ страшныхъ и мучительныхъ контрастовъ, терзающихъ и калѣчащихъ всю человѣческую исторію. Только сама жизнь даетъ истинную, этически-фактическую цѣнность нашимъ замышленіямъ, которыя оправдываются ею и въ свою очередь сообщаютъ всякой феноменальной реальности внутреннюю устойчивость и принципіальное достоинство.

Обѣ эти стороны необходимы объективно, почему обязательно соображать ихъ и при разсмотрѣніи всякаго важнаго историческаго явленія, чтобы выяснить Его подлинную природу и надлежащее мѣсто въ преемственномъ развитіи мірового процесса. Именно этимъ рѣшающимъ масштабомъ св. Лука соизмѣряетъ христіанство, показывая намъ последнее и въ собственномъ исповѣданіи и въ фактическомъ утвержденіи соотвѣтственно своему ученію, когда они должны были взаимно гармонировать и другъ друга обезпечивать по бытію и вліянію. Это есть безусловно геніальная концепція, свидѣтельствующая объ исключительной ученой проницательности великаго мастера исторіографіи, но она же говоритъ и о безмѣрной вѣрѣ вдохновеннаго христіанина, который не побоялся повергнуть свой идеалъ на судъ исторіи и въ такомъ видѣ завѣщать всѣмъ будущимъ вѣкамъ, какъ неугасаемый и спасительный свѣтильникъ всякой разумной жизни, гдѣ онъ засіялъ чудотворною зиждительностію съ самаго начала своего возникновенія и практическаго примѣненія.

Въ этихъ отношеніяхъ третье Евангеліе и книга Дѣяній эссенціально неразрывны между собою и направляютъ къ совмѣстному разсмотрѣнію, открывая намъ всѣ удобства постигнуть исторіографическую концепцію во всей идейной и реалистической глубинѣ и всецѣло понять самое явленіе христіанства по его существу и значенію.

Но какое фактическое касательство имѣлъ къ нему авторъ? Съ какими особенностями выступаетъ онъ на страницахъ своего труда?

## Писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній по указаніямъ ихъ.

Здѣсь имѣется нѣсколько опорныхъ пунктовъ, которые должны обезпечить прочные результаты, если мы не будемъ напередъ отказывать въ историческомъ довѣріи къ наличнымъ каноническимъ документамъ. Въ нихъ прежде всего съ полною рѣшительностію выражается, что третье Евангеліе и книга Дѣяній принадлежатъ одному автору [1]). Затѣмъ съ достаточною убѣдительностію можно теперь утверждать, что вторая обязана тому же лицу, что̀ и отрывки ея, гдѣ выступаетъ самъ повѣствователь подъ формою „мы" въ качествѣ непосредственнаго спутника эллинскаго благовѣстника [2]), а изъ всѣхъ близкихъ сотрудниковъ его наиболѣе отвѣчаетъ всѣмъ отмѣченнымъ условіямъ Апостолъ Лука.

Значитъ, оба писанія мы должны относить именно къ послѣднему, при чемъ — кромѣ тѣсныхъ связей со св. Павломъ — характернымъ для него будетъ, что онъ былъ врачъ (Кол. IV, 14) и посему обладалъ общею культурно-

---

[1]) Ср. и J. Friedrich, Das Lucasevangelium und die Apostelgeschichte Werke desselben Verfassers, Halle a. S. 1880, гдѣ основной тезисъ аргументируется вполнѣ убѣдительно, хотя статистика разныхъ сближеній не всегда исправна. Сомнѣнія по сему предмету патентованныхъ критиковъ (напр., J. H. Scholten'a) отвергаетъ и Prof. Ad. Jülicher (Einleitung in das N. T., Freiburg i. Br. und Leipzig 1894, S. 261).

[2]) Лишь по предзанятому пристрастію Prof. Ad. Jülicher категорически утверждаетъ (Einleitung, S. [1]262), что авторъ книги Дѣяній — не ученикъ и не спутникъ Апостола Павла. Наоборотъ, Sir. John Hawkins свидѣтельствуетъ (Horae Synopticae, Oxford 1899, p. 154), что писатель отдѣловъ „мы" тожественъ съ „главнымъ авторомъ" третьяго Евангелія и книги Дѣяній.

стію и спеціальною образованностію тогдашняго интеллигентнаго человѣка, въ частности и исторіографическою [1]).

Въ результатѣ выходитъ, что возможнымъ писателемъ для третьяго Евангелія и книги Дѣяній является св. Лука, но — въ случаѣ несомнѣнности этой мысли — самыя произведенія должны отличаться двумя особенностями: — 1) тѣсной близостію къ Апостолу Павлу и 2) безспорной „ученой" интеллигентностію автора.

Находятъ ли эти черты потребное соотвѣтствіе въ теперешнемъ текстѣ?

1) По первому признаку мы должны заключать, что, будучи въ постоянномъ общеніи со своимъ великимъ учителемъ, Лука неизбѣжно проникался его настроеніемъ и воззрѣніями, носящими павлинистическій характеръ. Разумѣется, это должно было оставить и на писаніяхъ типическій слѣдъ, для котораго обязательно прямое вліяніе или косвенное преломленіе благовѣствующей личности св. Павла. Но здѣсь только псевдо-Дороѳей и одинъ Московскій манускриптъ [2]) говорятъ о зависимости Луки отъ Петра, а всѣ прочіе авторитеты древности отсылаютъ къ Апостолу языковъ. Такъ, уже Мураторіевъ фрагментъ констатируетъ у Луки отраженіе мнѣній Павловыхъ (ex opione, sc. ejus — beati Pauli, conscripsit) и Ириней утверждаетъ, что „послѣдователь Павла изложилъ проповѣданное имъ ученіе" (Contra haer. III, 1: Migne gr. VII, col. 845). Поэтому въ опроверженіе Маркіонитовъ и другихъ лжеучителей, навязывавшихъ эллинскому благовѣстнику свои доктрины, Ліонскій епископъ — ересеологъ смѣло аппеллируетъ къ ограждающему покровительству Луки, ибо онъ вѣрно сохранилъ проповѣдь Павлову (III, 14: Migne gr. VII, 914). Тертулліанъ не менѣе рѣшительно называетъ Апостола Павла „озарителемъ Луки" (illuminator Lucáe), категорически заявляя, что во всѣхъ церквахъ апостольскихъ Lucae digestum Paulo adscribere solere (Adv. Marc. IV, 2, 5: Migne lat. II, 364, 367). Сходнымъ образомъ мыслилъ и Климентъ ал. (Strom. I, 21: M. gr. VIII, 885), Оригенъ даже допускалъ (in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; cnf. Eus. h. e. VI, 25: 6), что третье Евангеліе было

---

[1]) Лукіанъ Самосатскій (II в. по р. Хр.) сообщаетъ (Quomodo historia sit scribenda, 16), что врачъ Каллиморфъ въ предисловіи къ исторіи Парѳянъ рѣшительно утверждаетъ: οἰκεῖον εἶναι ἰατρῷ ἱστορίαν συγγράφειν.

[2]) Christ. Frid. Matthaei, Evangelium secundum Lucam graece et latine, Rigae 1786, p. 4—5. Архим. Владиміръ, Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (патріаршей) библіотеки, ч. I (Москва 1894), стр. 15—16, № 14, что это есть греческое Четвероевангеліе X вѣка.

одобрено Павломъ (τὸ τρίτον τὸ κατὰ Λουκᾶν, τὸ ὑπὸ Παύλου, ἐπαινούμενον εὐαγγέλιον), при чемъ въ словахъ послѣдняго о своемъ благовѣствованіи (Рим. II, 16, 25. 1 Кор. XV, 5. 2 Кор. VIII, 18) — вмѣстѣ съ Іоанномъ Златоустомъ (in Act. Apost. hom. I, 1: M. gr. LX, 15; cnf. in Matth. hom. IV, 1: M. gr. LVII, 40) — видитъ (in Luc. hom. I: M. gr. XIII, 1804) ясное указаніе на письменное произведеніе своего спутника (ср. Eus. h. e. III, 4 и Hieron. De viris ill. 7). Амвросій Медіоланскій былъ не чуждъ такого пониманія (Expos. Evang. sec. Lucam I. 11: denique etiam a sancto apostolo Paulo testimonium meruit diligentiae. Sic etiam laudat Lucam въ 2 Кор. VIII, 18), которое Евсевій приводитъ въкачествѣ распространеннаго преданія (h. e. III, 4: 8: полагаютъ — φασὶ δέ, что о его — *Луки* — *Евангеліи упоминаетъ Павелъ* — μνημονεύειν ὁ Παῦλος εἴωθεν, когда, будто о какомъ то собственомъ, говоритъ: „*по благовѣствованію моему*"), а блаж. Іеронимъ сообщаетъ это, какъ догадку другихъ (De viris ill. 7 ap. M. lat. *XXIII, 621: quidam suspicantur, quotiescunque in* epistolis suis Paulus dicit „juxta Evangelium meum", de Lucae significare volumine). Въ „Синопсисѣ" псевдо Аѳанасія (п. 76: M. gr. XXVII, 433) выражено съ рѣшительностію, что третье Евангеліе „продиктовано Апостоломъ Павломъ, записано же и издано блаж. Лукой, Апостоломъ и врачемъ".

Безспорно, что въ этихъ свидѣтельствахъ многое преувеличено, а другое и совсѣмъ сомнительно [1]), но для насъ важно только основное положеніе, что вся древность находила у третьяго синоптика живые и типическіе отголоски проповѣди Павловой. При этихъ предвареніяхъ непрерывнаго и твердаго историческаго преданія получаютъ особенную силу пункты сходства между обоими писателями съ формальной стороны и по содержанію. Въ лексическомъ отношеніи языкъ третьяго Евангелія и книги Дѣяній весьма близокъ къ вокабуляру писаній Павловыхъ [2]) и даже настолько, что Евангеліе Луки и подлинныя Павловы посланія имѣютъ общихъ между собою 83 слова, какихъ нѣтъ въ другихъ Евангеліяхъ; изъ нихъ 32 встрѣчаются въ книгѣ Дѣяній, гдѣ еще около 65 общихъ съ Павломъ [3]). И замѣчательно, что подобныя совпаденія не рѣдко захватываютъ цѣлыя выраженія, по самому строенію фразъ, при идейной родственности (см. у Rev. A. Plummer, p. XLIV—XLV, гдѣ

---

[1]) См. A Critical and Exegetical Commentary on the Gospel according S. Luke by the Rev. Alfred Plummer, Edinburgh 1896, p. XLV.

[2]) См. таблицы у Rev. A. Plummer, p. LIV—LIX.

[3]) См. и Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte: Untersuchungen (Leipzig 1908), S. 205.

отмѣчаются параллели Лк. IV, 32 и 1 Кор. II, 4; Лк. VI, 36 и 2 Кор. I, 3; Лк. VI, 39 и Рим. II, 19; Лк. VI, 48 и 1 Кор. III, 10; Лк. VII, 8 и Рим. XIII, 1; Лк. VIII, 12 и 1 Кор. I, 21. Рим. I, 16; Лк. VIII, 13 и 1 Ѳесс. I. 8; Лк. X, 7 и 1 Тим. V, 18; Лк. X, 8 и 1 Кор. X, 27; Лк. X, 16 и 1 Ѳесс. IV, 8; Лк. X, 20 и Филипп. IV, 3 = Псал. LXIX, 28; Лк. XI, 7 и Гал. VI, 17; Лк. XI. 29 и 1 Кор. I, 22; Лк. XI, 41 и Тит. I, 15; Лк. XII, 35 и Еф. VI, 14 = Иса. XI, 5; Лк.XII, 42 и 1 Кор. IV, 2; Лк. XIII, 27 и 2 Тим. II, 19; Лк. XVIII, 1 и Кол. I, 3. 1 Ѳесс, I, 11, равно Гал. VI, 9; Лк. XX, 16 и Рим. IX, 14, XI, 11. Гал. III, 21; Лк. XX, 22, 25 и Рим. XIII, 7. Лк. XX, 35 и 2 Ѳесс. I, 5; Лк. XX, 38 и Рим. VI, 11. Гал. II, 19 Лк. XXI, 23 и 1 Ѳесс. II, 16; Лк. XXI, 24 и Рим. XI, 25; Лк. XXI, 34 и 1 Ѳесс. V, 3—5; Лк. XXI, 36 и Еф. VI, 18; Лк. XXII, 53 и Кол. I, 13). Въ общемъ, у обоихъ проглядываетъ одинаковая заботливость въ старательномъ оттѣненіи всѣхъ моментовъ мысли, чтобы она „рисовалась“ читателю съ возможною выпуклостію и наглядностію [1]). Если и не преувеличивать аналогій въ рефератахъ касательно установленія таинства евхаристіи (Лк. XXII, 19—20 и 1 Кор. XI, 24—25), ибо теперешній текстъ третьяго Евангелія не отличается совершенною прочностію [2]), то во всякомъ случаѣ остается фактъ, что лишь Лука (XXIV, 34—36) и св. Павелъ (1 Кор. XV, 3—5) упоминаютъ о явленіи воскресшаго Господа Петру, какъ они же сохранили изреченіе Спасителя „достоинъ (есть) дѣлатель мзды своя“ въ тожественной редакціи (Лк. X, 7: ἄξιος [γὰρ] ὁ ἐργάτης τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ [ἐστι] и 1 Тим. 5, 18: ἄξιος ὁ ἐργάτης τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ), между тѣмъ у Матѳея она читается нѣсколько иначе (X. 10: ἄξιος (γὰρ) ὁ ἐργάτης τῆς τροφῆς αὐτοῦ [ἐστιν]). Не менѣе знаменательно, что при сличеніи съ Апостоломъ языковъ наиболѣе удовлетворительно выясняются нѣкоторыя особенности концепцій и фразеологіи третьяго синоптика. Напр., изъ рѣчи Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ онъ одинъ приводитъ (X, 49) выраженіе „Премудрость Божія рече: послю въ нихъ пророки“, когда у Матѳея читается (XXIII, 34): „се Азъ послю къ вамъ пророки“. Такое наименованіе Искупителя понятнѣе всего со стороны ученика Павлова, поскольку эллинскій благовѣстникъ всегда проповѣдывалъ Христа, какъ „Божію силу и Божію премудрость“ (1 Кор. I, 24).

---

[1]) Ср. еще Rev. A. Plummer, p. 56, 322. Prof. Paul Schanz, Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas (Tübingen 1883), S. 22-23. Rud. Cornely S. J., Introductio specialis in singulos N. T. libros, p. 130—131.

[2]) См. о семъ и Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T., Bd. II [3], S. 363 ff. 382. Prof. Ernst von Dobschütz въ „Studien und Kritiken“ 1905, I, S. 15,2.

По всѣмъ отмѣченнымъ даннымъ мы должны согласиться, что совпаденія двухъ писателей достаточно обильны и весьма характерны, а потому и не могутъ быть случайными. Внушительность этихъ наблюденій даже послужила основою для гипотезы, будто авторомъ третьяго Евангелія и книги Дѣяній былъ самъ св. Павелъ [1]). Эта смѣлая догадка не оправдывается фактами сродства ни внутренняго или предметнаго [2]), ни языкового [3]), но и отсюда слѣдуетъ, что разсматриваемыя произведенія предполагаютъ въ составителѣ спутника Павлова [4]), чѣмъ хорошо подтверждается всеобщее преданіе, что это былъ Лука.

2) Тогда третье Евангеліе должно отличаться и несомнѣнными литературными преимуществами, ибо этотъ сотрудникъ Павловъ характеризуется въ качествѣ нарочито образованнаго человѣка [5]), о которомъ блаж. Іеронимъ прямо говоритъ, что „онъ былъ весьма свѣдущъ въ медицинскомъ искусствѣ и гораздо лучше владѣлъ погречески, чѣмъ поеврейски; потому и рѣчь его какъ въ Евангеліи, такъ и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ легче и изящнѣе и запечатлѣна свѣтскимъ краснорѣчіемъ". Все это въ достаточной мѣрѣ оправдывается самыми писаніями. По согласному сужденію компетентныхъ спеціалистовъ, оба разсматриваемыя творенія отчетливо выдѣляются среди всѣхъ другихъ новозавѣтныхъ книгъ высокими литературными качествами, и въ этомъ отношеніи наряду съ ними можетъ быть поставлено развѣ только посланіе къ Евреямъ. Языкъ Луки отличается безспорными литературными достоинствами [6]), почему даже по масштабу классической рѣчи многое у него встрѣчаетъ одобреніе [7]). Подмѣчено [8]), что онъ избѣгаетъ не

---

1) См. Howard Heber Evans, St. Paul the Author of Acts of the Apostles and of the Third Gospel, London 1884.

2) Rev. A. Plummer, p. XX.

3) Theodor Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil, 1. Auflage, Leipzig 1897, S. 15, 17.

4) См. Hieron. ad Damas. epist. XX, 4: M. lat. XXII, 378. Euseb. Quaest. ad Marin. 4: M. gr. XXIV, 961.

5) In Isa. VI, 7: M. lat. XXIV, 98.

6) См. о семъ Th. Vogel, Zur Charakteristik.., Leipzig 1897; 2 te Aufl. ibid. 1889. Rev. A. Plummer, p. XLVIII—LXVII. Prof. Fr. Blass въ „Neue Kirchliche Zeitschrift" IX (1898), 7, S. 513—527.

7) См. Prof. Eduare Norden, Die antike Kunstprosa II (Leipzig 1898), S. 485 ff. Ср. и Fr. Blass, Acta apostolorum (Göttingen 1895), p. 14 sqq.

8) Prof. Albert Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter dès Hellenismus (Strassburg 1901), S. 184.

только арамейскихъ и латинскихъ словъ (напр., ῥαββεί, ἀγγαρεύω, ἀμήν, замѣняемое черезъ ἀληθῶς, и κοδράντης, передаваемое черезъ λεπτόν), но и эллинистическихъ выраженій, которыя отвергались аттикистами (напр., ἐσθίω вм. τρώγω, ἀπὸ τοῦ νῦν вм. ἀπ' ἄρτι, σῶμα вм. πτῶμα, σπείρω вм. διασκορπίζω), предпочитая эллинистическимъ формамъ болѣе соотвѣтствующія аттической грамматикѣ (напр., ἐκάθισεν по сравненію съ κέκαθισεν, τὶς по сравненію съ εἷς, ἑαυτοῦ противъ ἴδιος, ἐπὶ λίθῳ въ замѣну ἐπὶ λίθου; ср. въ Дѣян. ἴσασιν вм. эллинистическаго οἴδασι(ν), βούλομαι вм. θέλω и др.). Вокабуляръ — очень богатый: въ обоихъ писаніяхъ исключительною ихъ собственностію во всемъ Новомъ Завѣтѣ является отъ 750 до 851 словъ, изъ коихъ 26 находимъ въ цитатахъ изъ LXX-ти; свойственныхъ только третьему Евангелію имѣются до 312 вмѣстѣ съ 11-ю въ ветхозавѣтныхъ выдержкахъ, и здѣсь немало терминовъ, встрѣчающихся въ классической литературѣ [1]). При этомъ свобода и разнообразіе конструкцій говорятъ о господствѣ автора надъ языковыми средствами, разъ классическія сочетанія употребляются у него наряду съ евраистическими, какъ ясно, напр., по примѣненію ἐγένετο (I, 8, 9. VI, 1), иногда прямо евраистическому (Дѣян. IX, 3. XXI, 1), а „описательныя времена“, или соединенія субстантивнаго глагола съ причастіями praes. или perf. вмѣсто простыхъ глагольныхъ формъ давали просторъ для множества комбинацій. Правда, и вообще у Луки усматривается достаточно качествъ и элементовъ евраистическихъ; но а) все это находится по преимуществу въ отдѣлахъ репродуктивныхъ, воспроизводящихъ слова и рѣчи другихъ лицъ, и потому удостовѣряетъ лишь точность передачи оригиналовъ (устныхъ или письменныхъ), напр., въ началѣ обоихъ произведеній; б) по современнымъ филологическимъ разысканіямъ (Alb. Thumb, Ad. Deissmann и др.), многое въ новозавѣтныхъ книгахъ (и у LXX-ти) напрасно почитается евраистическимъ по происхожденію у того или дру-

---

[1]) См. Prof. C. F. G. Nösgen въ „Studien und Kritiken“ 1877, S. 468 ff., но точнѣе эти соотношенія раскрываются у Th. Vogel'я (по второму изданію) въ такомъ видѣ: общихъ съ греческимъ Ветхимъ Завѣтомъ (и неканоническими книгами) — до **450** словъ, а съ писателями отъ Гомера до II—III в. по Р. Хр. — до **230** (изъ коихъ большинство раньше Филона и Іосифа Флавія: S. 12—13, 56—57), — при близкомъ соприкосновеніи съ прозаиками (ср. S. 19) въ родѣ Поливія, Діоскорида, Іосифа Флавія, хотя прямое знакомство съ ними не доказано (S. 13); наряду съ этимъ имѣется до **50**-ти словъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ ранѣе (въ другихъ памятникахъ) и встрѣчающихся уже у позднѣйшихъ авторовъ (S. 12, 55). Отсюда и богатство и классическій колоритъ вокабуляра Луки.

гого автора, ибо было принадлежностію всего „эллинистическаго“ языка, и в) даже эти отрывки получаютъ у синоптика—Дѣеписателя такую литературную обработку, что значительно утрачиваютъ свои евраистическія особенности и оказываются несравненно болѣе литературными по сравненію съ параллельными редакціями Матѳея и Марка [1]). Мы всюду видимъ стиль мастера слова (ein Sprachkunstler) [2]), достигающій иногда классическаго изящества, какое всѣми принимается въ евангельскомъ „прологѣ“ [3]), напоминающемъ свѣтскаго историка [4]).

Въ общемъ, всѣмъ этимъ для писателя третьяго Еван. гелія и книги Дѣяній удостовѣряется высокая литературная образованность [5]) тонкаго грека [6]), а это именно и требуется для признанія въ немъ историческаго Луки. Но этотъ спутникъ Павловъ былъ еще „врачемъ“, и здѣсь желательны конкретныя подтвержденія въ данномъ смыслѣ. По этому предмету имѣются поучительные факты, которые изобильно собраны и отчетливо сгруппированы у Dr'a W. K. Hobart'a [7]). Конечно, тутъ не обошлось безъ преувеличеній, но авторитетные ученые вполнѣ соглашаются, что медицинская компетентность писателя аргументирована съ солидною убѣдительностію [8]) и не можетъ быть отрицаема [9]). Специальная

---

1) Примѣры см. въ сопоставлсніяхъ у Rev. A. Plummer, p. LXVI—LXVII.

2) См. и у Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt der Verfasser des dritten Evangeliums und der Aposte geschichte (Leipzig 1906), S. 10, 80, 102, 146 („feiner Stilist Lukas“).

3) Ср. и Prof. Fr. Godet, Commentar zu dem Evangelium des Lucas, zw. Aufl., Hannover 1890, S. 2.

4) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. ²8—9.

5) Th. Vogel, S. ²21, 22, 27.

6) Th. Vogel, S. ²25, 31.

7) The Medical Language of Sf. Luka и Proof from Internal Evidence, that the Gospel according to St. Luke and the Ackts of the Apostles were written by the same Person, and that the Wrighter was a Medical Man, Dublin 1882.

8) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T., II¹, S. 427—428; II³ (Leipzig 1907), S. 433—434, 442—444. Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 490—492, и въ A Commentary, p. LXIII sqq. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 122—137. Prof. James Moffatt, An Introduction to the Literature of the New Testament (Oxford 1927), p. 298—300.

9) Такую отрицательную позицію занимаетъ, напр., H. J. Cadbury, The Style and Literary Method of Luka въ „Harward Theological Studies“ (Cambridge 1920, Harward University Press).

точность и профессіональная окраска терминологіи замѣтны во многомъ: ἀχλύς о тьмѣ, поразившей Елиму волхва (Дѣян. XIII, 11), не встрѣчающееся нигдѣ болѣе въ Н. З. и у LXX-ти, употребляется у Галена для особой болѣзни глазъ, а столь же единичное κραιπάλη (Лк. XXI, 34) примѣняется въ медицинскихъ трудахъ для тошноты, сопутствующей опьяненію; равно и unicum ὑδρωπικός (Лк. XIV, 2), повидимому, медицинскаго происхожденія. Въ сообщеніяхъ медицинскаго характера Лука гораздо обстоятельнѣе и пунктуальнѣе: горячку тещи Симоновой, не опредѣляемую другими синоптиками по степени (Мѳ. VIII, 14 и Мрк. I, 30 πυρέσσουσα), онъ квалифицируетъ чрезъ πυρετῷ μεγάλῳ (Лк. IV, 38), ибо тогда различались горячка большая и малая; въ отличіе отъ простого λεπρός Мрк. I, 30 называется у Лк. V, 12 πλήρης λέπρας для констатированія высшей степени проказы; въ Дѣян. XXVIII, 8 терминами πυρετοῖς καὶ δυσεντερίῳ συνεχόμενος авторъ ясно описываетъ страждущаго гастрическою лихорадкой. Бросается въ глаза и то, что простонародныя выраженія своихъ предшественниковъ: κακῶς ἔχοντας (Мѳ. VIII, 16. Мрк. I, 32) и ἰσχύοντας (Мѳ. IX, 12. Мрк. II, 17) третій синоптикъ замѣняетъ технически корректными ἀσθενοῦντας (Лк. IV, 40) и ὑγιαίνοντας (Лк. V, 31), слишкомъ общія обозначенія ἀρρώστους (Мѳ. XIV, 14) и ἰάθη ὁ παῖς (Мѳ. VIII, 13) поправляетъ болѣе наглядными χρείαν ἔχοντας θεραπείας (Лк. IX, 11) и εὗρον τὸν ἀσθενοῦντα δοῦλον ὑγιαίνοντα (Лк. VII, 10). Одинъ Лука передаетъ о „врачебномъ чудѣ“ исцѣленія уха у Малха (Лк. XXII, 51), отличаетъ демоническія одержанія отъ собственно болѣзней (Лк. VI, 18. XIII, 32. Дѣян. XIX, 12), упоминаетъ о продолжительности страданій (Лк. XIII, 11. Дѣян. IX, 33) и о возрастѣ исцѣленныхъ (Лк. VIII, 42. Дѣян. IV, 22) и онъ же удерживаетъ (Лк. IV, 23) „медицинскую пословицу“: врачу, исцѣлися самъ! вопреки прямому ходу рѣчи и — значитъ — какъ бы по привычкѣ, а книгу Дѣяній почти обрываетъ на цитатѣ Павловой (XXVIII, 26—27) изъ пророка Исаіи (VI, 9—10), кончающейся словами: καὶ ἰάσομαι αὐτούς. Въ другихъ случаяхъ тоже сказывается медикъ, разъ Матѳеево δακτύλῳ κινῆσαι (XXIII, 4) измѣняется у Луки (XI, 46) въ δακτύλῳ προσψαύειν — съ глаголомъ явно медицинскаго оттѣнка, вмѣсто Маркова διὰ τρυμαλιᾶς τῆς ῥαφίδος (X, 25) говорится διὰ τρήματος βελόνης (XVIII, 25) соотвѣтсвенно хирургически принятому языку [1]; для ὀθόνην

[1]) По W. K. Hobart'у, p. 60 sq., у Галена τοῦ κατὰ τὴν βελόνην τρήματος или τοῦ δια ρήματος τῆς βελόνης нужно понимать такъ, что βελόνη есть игла для хирургическихъ цѣлей, а τρῆμα — просверленная врачемъ дыра, между тѣмъ ῥαφίς обозначаетъ обыкновенную иголку.

τέσσαρσιν ἀρχαῖς καθιέμενον (Дѣян. X, 11 и ср. ст. 5) полезно припомнить Галеновское употребленіе ἀρχαί для концовъ — „краевъ“ (πέρατα) перевязей (οἱ ἐπιδεσμοί, часто и ὀθόνια, ὀθόνη). Существуетъ даже нѣкоторое литературное соприкосновеніе съ разными медицинско-фармацевтическми трудами [1]), напр., современнаго Павлу Діоскорида Педакія (I в.), уроженца города Аназарва, лежавшаго верстахъ въ 70 — 80 отъ Тарса [2]), и его трактатъ Περὶ ὕλης ἰατρικῆς своимъ началомъ (Πολλῶν οὐ μόνον ἀρχαίων ἀλλὰ καὶ νέων συνταξαμένων περὶ τῆς τῶν φαρμάκων σκευασίας τε καὶ δυνάμεως καὶ δοκιμασίας, φίλτατε Ἄρειε, πειράσομαί σοι παραστῆσαι μὴ κενὴν μηδὲ ἄλογον ὁρμὴν με πρὸς τήνδε τὴν πραγματείαν ἐσχηκέναι διὰ τὸ τοὺς μὲν αὐτῶν μὴ τετελειωκέναι, τοὺς δὲ ἐξ ἱστορίας τὰ πλεῖστα ἀναγρά αι) немало сближается по самому строенію съ Евангельскимъ „прологомъ“, который въ этомъ отношеніи аналогиченъ и вступленію (Ὁκόσοι ἐπεχείρησαν περ' ἰητρικῆς λέγειν ἢ γράφειν κτλ.) къ сочиненію Иппократа (между 460 — 350 г. г. до Р. Хр.) Περὶ ἀρχαίης ἰητρικῆς. Созвучіе тутъ безспорное [3]), хотя его и нельзя объяснять прямымъ литературнымъ пользованіемъ [4]), а тогда это будетъ опять же отраженіемъ профессіональныхъ писательскихъ навыковъ.

По всему сказанному безспорна нѣкоторая медицинская компетентность синоптика — Дѣеписателя [5]), — и съ этой стороны онъ достаточно соотвѣтствуетъ личности св. Луки, съ которымъ непринудительно отожествляется по своей образованности и по близости къ Апостолу Павлу. Въ связи съ этимъ пріобрѣтаетъ особенную силу голосъ преданія, всегда и согласно [6]) называвшаго третьимъ Евангелистомъ именно Луку, сотрудника Павлова. Его прямо указываетъ Мураторіевъ каталогъ отъ II в., а Ириней Ліонскій заявляетъ (Contra haer. III, 1: M. gr. VII, 845; cnf. Eus. h. e. V. 10: 3), что „Лука, спутникъ Павла, изложилъ проповѣданное имъ Евангеліе“ (cnf. I, 27: 2; III, 14: 1 — 3), которое Тертулліанъ ограждаетъ авторитетомъ церквей апостольскихъ противъ искаженій православнаго его типа (Adv. Marc. IV, 5: lat. II,

---

[1]) Ср. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 263-264.

[2]) См. Th. Vogel. S. [1]17 и ср. во второмъ изданіи S. 8, 13. 61. Prof. Friedrich Blass, Philology of the Gospels (London 1898), p. 2—3, 5.

[3]) См. у Rev. A. Plummer, p. 5—6,

[4]) См. о семъ у Prof. Alb. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, S. 225—226.

[5]) Ср. и Th. Vogel, S. [2]7—8, 9

[6]) Конечно, не въ счетъ замѣтка св. Іоанна Златоуста и Фотія о разногласіяхъ касательно автора книги Дѣяній (по однимъ—Климентъ Р., по другимъ — Варнава или Лука), о чемъ будетъ сказано при обозрѣніи послѣдней.

366), Оригенъ считаетъ въ числѣ четырехъ Евангелій, безспорно принимаемыхъ повсюду (in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; cnf. Eus. h. e. VI, 25: 4, 6), и Климентъ ал. ссылается на него (напр., Strom. I, 21: M. gr. VIII, 885). Въ этой ассоціаціи необходимо принять, что Іустинъ М. зналъ третье Евангеліе въ ряду Евангельскихъ воспоминаній одного изъ учениковъ апостольскихъ (Dial. c. Tryph. 103). Конечно, Папій совсѣмъ не говоритъ о Лукѣ, но 1) для сего у него не было спеціально принудительныхъ поводовъ, какіе представлялись въ первоначальномъ языкѣ Евангелія Матѳеева и въ „неупорядоченности“ Маркова изложенія, между тѣмъ третій синоптикъ достаточно рекомендуетъ себя въ самомъ своемъ „прологѣ“; при томъ же 2) отъ іерапольскаго епископа теперь мы имѣемъ лишь немногіе фрагменты, почему возможно искомое упоминаніе въ цѣломъ подлинникѣ, какъ по Анастасію Синаиту и дѣйствительно выходитъ, что третье Евангеліе было извѣстно Папію [1]). По контрасту съ этимъ особенно важно, что имя св. Луки въ апостольскій вѣкъ не было настолько громкимъ и славнымъ, чтобы фальсификаторъ могъ воспользоваться его **авторитетомъ** для своего подлога или для анонимнаго сочиненія, ввести въ обманъ все преданіе и создать прочное и повсюдное церковное мнѣніе. Въ этомъ и Ренанъ видитъ большую историко-критическую загадку, не имѣющую удовлетворительнаго разрѣшенія [2]), а тогда послѣднее необходимо искать и признавать въ фактической несомнѣнности столь твердаго и всеобщаго убѣжденія, какъ основывающагося на подлинной истинѣ. И разъ подобное заключеніе достаточно подкрѣпляется содержаніемъ разсматриваемыхъ новозавѣтныхъ писаній, то здѣсь мы почерпаемъ законное научное право отправляться въ дальнѣйшихъ разысканіяхъ отъ того тезиса [3]), что

## Св. Лука — писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній.

Личностію автора во многомъ освѣщается „природа“ и судьба его писаній, но въ данномъ случаѣ наши свѣдѣнія, къ сожалѣнію, весьма не обильны и далеко не вполнѣ отчетливы. Три раза Апостолъ Павелъ поименно упоминаетъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ нѣкоего Луку и однажды въ такой связи, которая можетъ намекать на его происхожде-

---

1) См. Вр. J. B. Lightfoot, Essays on the Work Entitled „Supernatural Religion“, p. 186, 200, и ср. Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 487.

2) Les Évangiles (Paris 1877), p. 252; Les Apôtres, p. XVII.

3) Ср. и Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 498.

ніе, ибо объ немъ и Димасѣ говорится (въ Кол. IV, 14) послѣ предшествующаго замѣчанія (IV, 11), что разумѣемыя прежде лица — „изъ обрѣзанія“, а этимъ косвенно подчеркивается, что прочіе — не таковы. Отсюда позволительно догадываться, что Лука былъ не еврейской крови, въ пользу чего основательно ссылаются [1]) на Дѣян. XXVIII, 2, 4, гдѣ писатель противополагаетъ себя „варварамъ“, а это было возможно лишь въ отношеніи грековъ и только по контрасту съ ними. И уже Оригенъ, несправедливо сопоставляя третьяго Евангелиста съ Лукіемъ (Дѣян. XII, 1), допускалъ, что Лука — слово не еврейскаго корня (ad Rom. XVI, 21: M. gr. XIV, 1288). Вѣроятнѣе думать, что греч. Λουκᾶς явилось по сокращенію изъ Lucanus, употребляемаго въ древне латинскихъ кодексахъ (напр., Corbejensis и Vercellensis) а оно было обычно у жителей южной Италіи по мѣстности Lucania, между Кампаніей, Апуліей и Бруттіемъ (Hor. II, 1, 38). Это наблюденіе тоже подсказываетъ мысль о нееврейской національности Луки, поелику другого — еврейскаго — имени у него нигдѣ не предполагается. Достаточное подтвержденіе сему находится и въ томъ, что для Дѣеписателя еврейская (арамейскяя) рѣчь оказывается какъ будто чужою, ибо воззваніе Петра при избраніи Матѳія онъ передаетъ въ такой редакціи (I, 19): „земля та (купленная за 30 Іудиныхъ сребрениковъ) на отечественномъ ихъ (іудеевъ) нарѣчіи (τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ αὐτῶν) названа Акелдама“. Едва ли эта редакція принадлежитъ оригиналу, поскольку для самого оратора не могло быть подобной взаимной противности съ іудействомъ (даже въ Іоанновскомъ смыслѣ), а тогда это мы должны усвоять уже редактору ради читателей по одинаково нееврейскому родству съ ними. Наряду съ этимъ припоминаютъ филологическое свидѣтельство (Lobeck'а Phrynichus), будто въ латинскихъ nomina proprіa окончанія на -as чаще всего встрѣчаются между рабами и либертами, служа сокращеніемъ болѣе пространныхъ формъ на — ius и — ilius, при чемъ среди этихъ классовъ константируется распространенность врачебнаго искусства (Suet., Cal. 8. Senec., De benef. III, 24. Quint. VII, 2, 26) [2]). Однако необходимо отмѣтить, что наше Lucas вышло не изъ Lucilius, и конечное — as, заключаясь въ самомъ Lucanus, не будетъ сословною характеристикой его носителя.

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 9.

[2]) Согласно сему Hugo Grotius считалъ Луку вольноотпущенникомъ изъ дома Луциліевъ, предполагая, что въ Римѣ онъ научился врачебному искусству, а послѣ вернулся къ себѣ на родину — въ Антіохію.

[3]) См. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II, S. ³336: 4; S. ³339: 4.

Но нашъ Лука, несомнѣнно, былъ врачемъ (Кол. IV, 14), и это профессіональное отличіе бросаетъ извѣстный свѣтъ на его личность. Медицина особенно культивировалась въ Римѣ среди рабовъ и вольноотпущенниковъ; изъ второго класса были и лейбъ-медики Юлія Цезаря и Августа Antistius и Antonius Musa. Тѣмъ не менѣе эта отрасль знанія достаточно развивалась и поддерживалась Римомъ. Такъ, уже при императорахъ здѣсь существовало высшее медицинское учрежденіе — Collegium archiatrorum — съ медицинско-полицейскимъ персоналомъ чиновниковъ, обязанныхъ контролировать практикующихъ врачей, которые начинали свою профессію подъ руководствомъ старшихъ и въ дальнѣйшей дѣятельности подлежали оффиціальному надзору и подвергались взысканіямъ за свои ошибки [1]). Если, при всемъ этомъ поощреніи медицинскихъ занятій, преимущественными двигателями ихъ были люди низкаго соціальнаго состоянія, рабы и либерты, то — значитъ — они доставляли тогда наиболѣе интеллигентныхъ профессіоналовъ. Въ силу этого по врачебному достоинству Луки мы заключаемъ, что онъ былъ человѣкъ образованный, и уже блаж. Іеронимъ писалъ: Lucas inter omnes Evangelistas graeci sermonis eruditissimus fuit, quippe ut medicus (ad Damas. epist. XX, 4: M. lat. XXII, 378). Но намъ извѣстно, что третій Евангелистъ обладалъ чуть ли не спеціальною освѣдомленностію въ соотвѣтствующей литературѣ, а это говоритъ о систематическомъ образованіи, которое получалось, конечно, въ языческой школѣ. Отправляясь отъ этого факта, проф. William M. Ramsay обращаетъ вниманіе на неожиданность привхожденія Луки въ свиту приближенныхъ спутниковъ и сотрудниковъ Павла. Разумѣется, фактически не могло быть подобной внезапности, а должно предполагать раннѣйшую связь непосредственнаго взаимообщенія. Но характеристика Кол. IV, 14: *Λουκᾶς ὁ ἰατρὸς ὁ ἀγαπητός* — распредѣленіемъ терминовъ фразы и повтореніемъ члена — ясно выражаетъ мысль Апостола, что это былъ свой для него врачъ [2]), возлюбленный ему по самому врачебному искусству [3]). Дальше выводится, что на почвѣ этой спеціальности создалось и окрѣпло тѣсное, дружеское знакомство данныхъ лицъ, откуда проектируется, что они были коллегами и товарищески сблизились по Тарсійскому Университету, гдѣ Павелъ изучалъ исторію и литературу, а Лука — медицину. Въ этой возможной гипотезѣ много увлекательнаго, но столько же и фантастич-

---

[1]) См. Prof. A. Tholück, Glaubwürdigkeit der evangelischen Geschichte, S. 129. Prof. Fr. Godet, Commentar, S. XVII.

[2]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 2, 3.

[3]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 34.

наго, чего нельзя ни оправдать, ни обосновать запросами фактическихъ извѣстій, чтобы они непремѣнно требовали подобныхъ гаданій. Посему осторожнѣе будетъ ограничиться констатированіемъ крайне малой вѣроятности, чтобы до такихъ медицинскихъ утонченностей проходилъ спеціальный факультетъ природный еврей, чѣмъ тоже подтверждается, что Лука не былъ іудеемъ. Это — скорѣе — язычникъ высокой культурности [1]), совершенно несомнѣнной по его писаніямъ, стилистически весьма литературнымъ и прагматически научно упорядоченнымъ.

Обращеніе эллински просвѣщеннаго врача въ столь раннюю эпоху было великою побѣдой христіанства. Оно является слишкомъ чудеснымъ безъ подготовительныхъ предвареній, и уже изъ древности нѣкоторые допускали, что Лука былъ въ сонмѣ LXX-ти Апостоловъ (PS.—Origen., De recta in Deum fide 1: M. gr. XI, 1721), Епифаній его — вмѣстѣ съ Маркомъ — причисляетъ къ ученикамъ, покинувшимъ Господа послѣ рѣчи о хлѣбѣ животномъ (Ін. VI, 66), усвояя позднѣйшій возвратъ вліянію св. Павла (Contra haer. LI, 11: M. gr. XLI, 908), другіе (Greg. M. Moralia praef. I, 3: M. lat. LXXV, 715. Theophil. in Luc. 24: M. gr. CXXIII, 1113; cnf. Simeon. Metaphr., Vita Lucae: M. gr. CXV, 1136. Niceph. Call. h. e. II, 43: M. gr. CXLV, 876) усматриваютъ въ немъ одного изъ Еммаусскихъ путниковъ. Всѣмъ этимъ указаніямъ и мечтаніямъ сильно противорѣчитъ собственное самосвидѣтельство третьяго Евангелиста, который относитъ себя къ позднѣйшей генераціи, смѣнившей „самовидцевъ“ Христовыхъ, какъ это принимали и древніе авторитеты (Murat. fragm.: „S. Lucam Dominum in carne non vidisse“. Hieron. De viris illustr. VII: „cum Domino in carne non versatum esse“). О томъ же говоритъ и „язычество“ Луки. Для ослабленія этого неудобства иногда допускали, что онъ былъ прозелитомъ (см. Hieron. Quaest. in Genes. XLVI, 26 ap. M. lat. XXIV, 98: „plerique tradunt Lucam Evangelistam, ut p r o s e l y t u m, hebraeas litteras ignorasse“), но это не требуется принудительно хорошею освѣдомленностію насчетъ религіозности іудейской и какъ будто прямо исключается упоминаніемъ Павла, клонящимся въ ту сторону, что, не бывъ „отъ обрѣзанія“, Лука и потомъ не подчинился обрѣзанности чрезъ прозелитство [2]). Послѣднее было слишкомъ важно по религіозному значенію, если намѣренно подчеркивается у „діакона“ Николая Антіохійскаго (Дѣян. VI, 5), а потому нашло бы отчетливое от-

---

[1]) Th. Vogel, S. [2]7, 8, 9, 13, 19, 34, 35, 36.

[2]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. I, S. [1]318: 4. [3]321: 4; II, S. [1]335:2. [3]338:2. Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI[3] (Leipzig 1901), S. 690.

раженіе въ собственныхъ писаніяхъ и не было бы представлено столь спутанно въ позднѣйшемъ преданіи, отрицающемъ безспорный фактъ эллинской литературности Луки. Владѣніе арамейскимъ языкомъ понятно у Антіохійскаго уроженца и многолѣтняго спутника Павлова [1]), виртуозное же знаніе греческой Библіи могло быть пріобрѣтено въ христіанствѣ [2]). Есть и другія косвенныя соображенія въ данномъ смыслѣ. Напр., авторъ книги Дѣяній выступаетъ на ея страницахъ подъ формою „мы“ лишь съ момента отправленія Павла на европейскій материкъ (XVI, 10), а фраза не очень позволяетъ думать, что онъ примкнулъ къ благовѣстнику именно здѣсь; отсюда открывается мѣсто догадкѣ, что Лука сопутствовалъ ранѣе по Малой Азіи просто въ качествѣ личнаго врача Павлова, не выдѣляясь активно своимъ миссіонерскимъ участіемъ, а единственная причина тому могла быть только въ предубѣжденіяхъ, ради которыхъ былъ обрѣзанъ Тимоѳей (XVI, 3) и которыя оттѣсняли Луку на второй планъ, какъ необрѣзаннаго. Впрочемъ, если присоединеніе и совершилось уже въ Троадѣ, — во всякомъ случаѣ этимъ свидѣтельствуется, что, выдвигаясь въ первые ряды, Лука почитался пригоднымъ для Македонскаго эллинизма, а это всего скорѣе достигалось культурно-національнымъ сродствомъ съ нимъ безъ іудейскаго отчужденія, ибо самъ св. Павелъ находилъ послѣднее неудобнымъ для миссіонерскихъ цѣлей, разъ выбралъ себѣ въ лицѣ Тимоѳея человѣка смѣшанной крови, не склоннаго къ іудейству, коль скоро онъ сознательно оставался необрѣзаннымъ Однимъ словомъ, прозелитизмъ Луки сомнителенъ, почти невѣроятенъ. Болѣе возможо и гипотетически одобряется комментаторами [3]), что онъ былъ среди эллиновъ, пожелавшихъ видѣть Господа на пасхѣ послѣ входа въ Іерусалимъ (Ін. XII, 20 сл.). Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ нималѣйшихъ подтвержденій сему, а намѣренное стремленіе позднѣйшихъ церковниковъ привести своихъ просвѣтителей въ непосредственную связь со Христомъ больше говоритъ о тенденціозномъ возникновеніи подобнаго гаданія и въ отношеніи Луки.

Исторія застаетъ его уже христіаниномъ въ Антіохіи Сирійской, поскольку въ Дѣян. XI, 27—28 по D, Августину (Sermo dom. 2) и многимъ латинскимъ текстуальнымъ свидѣтельствамъ писатель оказывается въ рядахъ Антіохійскихъ учениковъ Христовыхъ, ибо тамъ говорится: ἦν δὲ

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84, 3. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 267.

[2]) Prof. Ad. Har. enack, Lucas der Arzt, S. 9, 2.

[3]) См. Rev. A. Plummer, p. XIX.

(или καὶ ἦν) πολλὴ ἀγαλλίασις· συνεστραμμένων δὲ ἡμῶν ἔφη εἷς ἐξ αὐτῶν ὀνόματι Ἄγαβος σημαίνων διὰ τοῦ πνεύματος κτλ.. Это прежде всего убѣждаетъ насъ въ Антіохійской осѣдлости Луки, котораго издавна называли Антіохійцемъ (Eus. h. e. III, 4 : 7. Comment. in Luc. у Mai I, 149, Hieron. De viris ill. VII и др.). Иные перетолковываютъ эти данныя въ томъ смыслѣ, что лишь родъ Луки былъ изъ Антіохіи, а самъ онъ происходилъ не изъ нея и жилъ въ другомъ мѣстѣ, какъ иногда думаютъ даже при согласіи съ редакціей D для Дѣян. XI, 28 [1]). Но эта интерпретація, идущая противъ давней традиціи, — не самая ближайшая: она нарушаетъ естественную энергію соотвѣтствующихъ фразъ и дискредитируетъ себя соподчиненностію разнымъ частнымъ мнѣніямъ въ родѣ того, будто явившійся Павлу въ Троадѣ Македонянинъ (Дѣян. XVI, 9) совпадаетъ съ Дѣеписателемъ, который поэтому оказывается Филиппійцемъ [2]), хотя другіе ученые рѣшительно утверждаютъ, что онъ не могъ быть и не былъ Македонцемъ [3]). Напротивъ, Антіохійское происхожденіе достаточно оправдывается апостольскою исторіографіей [4]), мирится со всѣми прочными фактами и даетъ ключъ къ ихъ уразумѣнію. Первое и главное—то, что авторъ обнаруживаетъ самое живое участіе къ Антіохіи и старается выдвинуть ее при всякомъ случаѣ, когда, напр., ни одного „діакона" не указываетъ по топографической родственности и называетъ только Νικόλαον προσήλυτον Ἀντιοχέα (Дѣян. VI, 5), но эта прибавка, отсутствующая у другихъ болѣе видныхъ коллегъ Николаевыхъ, фактически не нужна и понятна лишь въ смыслѣ непроизвольной отмѣтки, что это — Антіохіецъ, н а ш ъ. Повсюду мы видимъ близкую заинтересованность Дѣеписателя судьбами Антіохіи до оттѣненія исключительной роли ея въ развитіи новой религіи, которой она дала имя и была исходнымъ пунктомъ миссіонерскаго возвѣщенія, ставши для христіанства какъ бы вторымъ Іерусалимомъ [5]).

Съ этой стороны данное преданіе объ Антіохійскомъ происхожденіи Луки является вполнѣ надежнымъ [6]) и объ-

---

[1]) См., напр., Prof. P a u l E w a l d въ Realencyklopädie XI [3], S. 691, 693.

[2]) Prof. W. M R a m s a y, St. Paul the Traveller, p. 202.

[3]) Prof. Ad. H a r n a c k, Lukas der Arzt, S. 31, 27,12.

[4]) Prof. Ad. H a r n a c k, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1 (Leipzig 1897), S. 693.

[5]) Prof. Ad. H a r n a c k, Lucas der Artz, S. 15—17.

[6]) Prof. Ad. H a r n a c k, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte und zur Abfassungszeit der synoptischen Evangelien (Leipzig, 1911), S. 21: „Lukas stammte n a c h e i n e r g u t e n T r a d i t i o n aus einer antiochenischen Familie".

ясняетъ многое. Антіохія издавна была разноплеменнымъ городомъ; въ немъ и во всей соприкосновенной Сирійской области іудейскій элементъ былъ столь силенъ (см. Jos. Fl. Antiqu. XII, 3: 1. XIV, 2, 6 и др.), что въ извѣстныхъ отношеніяхъ (напр., касательно „чистоты“ и дозволительности къ употребленію разныхъ питательныхъ продуктовъ) раввинизмъ не считалъ Сирію языческою территоріей и склоненъ былъ уступать ей долю священности, свойственной лишь Палестинѣ. Здѣсь сталкивались и боролись два міра, вліяніе которыхъ должно было своеобразно отражаться на жителяхъ. Послѣдніе при постояныхъ сношеніяхъ, естественно, вынуждались ко взаимному пониманію и ознакомленію. Это незамѣтно вело къ тому, что многіе Антіохійцы хорошо владѣли разными языками, въ томъ числѣ и арамейскимъ, знаніе котораго предполагается у Луки [1]). Но іудейство всегда выдвигало религіозную сторону и, конечно, пріобрѣло достаточно прозелитовъ, чрезъ коихъ еще глубже и шире распространялись истины монотеизма въ языческомъ обществѣ. Въ свою очередь и эллинизмъ старался торжествовать просвѣщенностію и развитіемъ научной культурности, однако на Востокѣ немало оріентализировался и въ синкретизмѣ воспринималъ семитическія стихіи. При такихъ условіяхъ легко объясняется, что, имѣя съ дѣтства открытый доступъ къ іудаизму, Лука еще до обращенія въ христіанство близко соприкасался съ нимъ [2]) и располагалъ нѣкоторыми свѣдѣніями въ іудейской догматикѣ и обрядовой практикѣ; съ годами же, когда стала обнаруживаться осмысленная религіозная пытливость, для него были всѣ резоны и удобства проникнуть въ самый источникъ вѣры Израилевой чрезъ посредство греческой Библіи. Позднѣйшее съ неотразимостію убѣждаетъ, что религіозные запросы волновали душу молодого Луки, и онъ былъ чуждъ обычнаго языческаго индифферентизма или скептицизма. Впрочемъ, на первыхъ порахъ родовыя склонности политеиста невольно брали верхъ и заставляли его хвататься за науку, гдѣ были сила и блескъ язычества, а особенно—эллинизма. Уже Евсевій Кесарійскій писалъ по этому предмету, что „Лука былъ родомъ изъ знаменитой Антіохіи, въ которой славятся всякіе мудрецы (οἱ πάντες λογιώτατοι), ибо тамъ потомки іонійцевъ; но онъ еще больше преуспѣлъ сверхъ обычнаго у тамошнихъ гражданъ эллинизма, поелику былъ опытнымъ въ медицинскомъ искусствѣ“ (Quaest. ad Mar. 4: M. gr. XXII, 961). Однако мѣстные способы едва ли были вполнѣ достаточны для сего. Хотя блаж. Іеронимъ сказалъ слишкомъ

---

[1]) Ср. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84, 1.
[2]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S 34.

много (in Isa. VI, 9: M. lat. XXIV, 98), что Лука medicinae artis fuisse peritissimum (scientissimum), тѣмъ не менѣе его медицинская компетентность предполагаетъ спеціальную медицинскую школу въ какомъ-либо изъ тогдашнихъ научныхъ центровъ. Нѣкоторыя литературныя данныя сближаютъ писателя Луку съ медицинскими авторами изъ Киликіи, главный городъ которой обладалъ въ это время высокою научно-просвѣтительною репутаціей счастливаго соперника Аѳинъ и Александріи, при широкой научной пытливости Киликійцевъ. Въ такой связи вполнѣ мыслимо, что Лука встрѣчался (и былъ знакомъ) съ Павломъ уже въ Тарсѣ и, яко бы, именно имъ обращенъ въ христіанство[1]), о чемъ догадываются и по намекамъ у Тертулліана [2]). Второе не столь вѣроятно и допускаетъ участіе Варнавы, прежде другихъ и съ успѣхомъ подвизавшагося въ Антіохіи, куда христіанство проникло вскорѣ по убіеніи Стефана (Дѣян. XI, 19 сл.). Во всякомъ случаѣ св. Павелъ долженъ былъ склонить окончательно, такъ какъ онъ служилъ живымъ свидѣтелемъ недостаточности номизма и искреннія іудейскія симпатіи неотразимо направлялъ въ сторону христіанства, для котораго является яркимъ олицетвореніемъ и побѣдной покоряющей мощи и спасительно-врачующей благости. Тутъ естественно шли навстрѣчу и медицинскіе запросы Луки, который въ качествѣ врача тѣлеснаго становился въ христіанствѣ духовнымъ врачевателемъ по благодати [3]) и потому самого Христа понималъ и рисовалъ, какъ божественно-сверхъестественнаго цѣлителя [4]).

Отсюда ничуть неудивительно, что уже рано мы находимъ Луку среди Антіохійскихъ христіанъ, но затѣмъ онъ на нѣсколько лѣтъ исчезаетъ изъ нашего взора, и мы встрѣчаемъ его лишь во второе благовѣстническое путешествіе Павлово среди миссіонеровъ, отправившихся изъ Троады въ Европу (Дѣян. XVI, 10). По многому несомнѣнно, что Апостолъ заботливо подготовлялся къ этому путешествію и старался обезпечить себя во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. А разъ на языческой почвѣ онъ долженъ былъ выступать въ качествѣ Римскаго гражданина и ради сего окончательно принялъ свойственное послѣднему имя Павла (Дѣян. XIII, 9), — тамъ ему былъ особенно необходимъ человѣкъ, эллински безупречный и компетентный въ разныхъ сферахъ. Тутъ Лука вездѣ былъ прекраснымъ по-

---

[1]) См. Th. Vogel, Zur Charakteristik, S. 113.

[2]) Rev. A. Plummer, p. XX—XXI.

[3]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 104.

[4]) См. о семъ весьма преувеличенно у Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 100; Die Apostelgeschichte, S. 111

мощникомъ, готовымъ служить своими связями и познаніями, между прочимъ, и для литературной работы прямымъ участіемъ [1]) и каллиграфическою опытностію [2]). При этомъ медицинское искусство могло открывать ему широкій доступъ во всѣхъ классахъ и въ этомъ смыслѣ служило несравненно лучше, чѣмъ скинотворческое ремесло Павлово (Дѣян. XVIII, 3). Во всякомъ случаѣ врачебное достоинство тоже располагало Апостола въ пользу Луки. По крайней мѣрѣ, своею фразою о немъ (Кол. IV, 14) ὁ ἰατρὸς ὁ ἀγαπητός (вмѣсто ожидаемыхъ Λουκᾶς ὁ ἰατρὸς ἀγαπητὸς μου, но ср. Еф. VI, 21. Кол. I, 7. IV, 7, 9. 2 Тим. I, 2 или Λουκᾶς ὁ ἰατρὸς ἀγαπητὸς μου) чрезъ выдѣленіе прилагательнаго помѣщеніемъ его при членѣ за именемъ (ср. Рим. XVI, 12: Περσίδα τὴν ἀγαπητήν) св. Павелъ какъ будто подчеркиваетъ, что Лука былъ ему возлюбленнымъ (и) въ качествѣ врача, ибо онъ врачъ, снискавшій любовь именно и своимъ врачевствомъ [3]). И понятно, что болѣзненный по природѣ Павелъ, стараясь предусмотрѣть и предупредить всѣ случайности и трудности на своемъ миссіонерскомъ пути, позаботился привлечь опытнаго знакомаго медика, а этотъ жертвовалъ для него всѣмъ своимъ искусствомъ въ борьбѣ съ пакостникомъ плоти въ немощи Павловой (2 Кор. XII, 7 сл.) и удостоился активнаго соучастія въ апостольскомъ подвигѣ, гдѣ онъ былъ не простымъ только спутникомъ, но сталъ и благовѣстническимъ „сотрудникомъ" въ ряду другихъ (Филим. 24: οἱ συνεργοί μου). Достигнувъ Неаполя, миссіонеры утвердились потомъ въ Филиппахъ. Тутъ Лука, кажется, и задержался или посланъ былъ въ другое мѣсто со спеціальнымъ порученіемъ, ибо прежнее „мы" смѣняется чрезъ „они" (Дѣян. XVI, 19 и 40) при разсказѣ объ удаленіи проповѣдниковъ изъ этого города и снова употребляется уже за періодъ третьяго путешествія въ рѣчи объ отправленіи въ Малую Азію обратнымъ путемъ (Дѣян. XX, 5 — 6). Значитъ, на нѣсколько лѣтъ Лука оставался, одинъ и, конечно, ради продолженія благовѣстническаго служенія (вѣроятно, въ предѣлахъ именно Македоніи). Это громко свидѣтельствуетъ, какимъ рѣдкимъ и высокимъ довѣріемъ пользовался Лука, если ему единолично возложено было такое отвѣтственное дѣло [4]). Отсюда

---

[1]) Ср. Th. Vogel, Zur Charahteristik, S. 28.

[2]) Есть предположеніе, что Лука могъ обладать искусствомъ скорописанія, пріобрѣвъ его по связи съ изученіемъ медицины, о чемъ см. Prof. Fred. Henry Chase, The Credibility of the Book of the Acts of the Apostles (London 1902), p. 112 and note.

[3]) Ср. еще и Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI, S. 690

[4]) Данное обстоятельство тоже не благопріятствуетъ гипотезѣ (и

обязательно заключать, что его христіанство началось давно и успѣло развиться до законченной полноты, а по содержанію оно строго соотвѣтствовало духу Павлова ученія о всесильномъ и всеобъемлющимъ вліяніи благодати Христовой. Что до результатовъ миссіи Луки въ „греческихъ" европейскихъ областяхъ, то здѣсь достаточно сослаться на посланіе къ Филиппійцамъ, которое неотразимо убѣждаетъ, что эта церковь была предметомъ неизмѣнной и самой свѣтлой радости Апостола Павла.

Ученикъ вполнѣ оправдалъ благоволительныя надежды своего учителя, и неудивительно, что послѣдній снова взялъ его съ собою при крестномъ шествіи своемъ въ Іерусалимъ (Дѣян. XX, 5 сл. XXI, 1 сл. 17 сл), а Лука, разумѣется, былъ по близости даже въ періодъ Кесарійскихъ узъ, раздѣлялъ всѣ превратности путешествія въ Римъ (Дѣян. XXVII, 1 сл.) и былъ тамъ въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ (Дѣян. XXVIII, 16, 30). Касательно этого періода безспорно развѣ то, что, не будучи ( — подобно Аристарху и Епафрасу: Кол. IV, 10 Филим. 23) — „соузникомъ", онъ усердно помогалъ великому благовѣстнику, почему лестно похваляется предъ Колоссянами (IV, 14) и прямо упоминается въ числѣ „сотрудниковъ" (Филим 23), подвизавшихся за истину Евангельскую въ столицѣ міра. Но въ письмѣ къ Филиппійцамъ нѣтъ ни имени, ни привѣтствія его, и мы должны думать, что къ этому моменту онъ уже покинулъ Римъ. Съ другой стороны, говорится о возможномъ посольствѣ въ Филиппы Тимоѳея (Филипп. II, 19), между тѣмъ всего естественнѣе было бы завернуть туда Лукѣ, еслибы послѣдній отправлялся на Востокъ. Въ этомъ обстоятельствѣ получаетъ вѣроятность сообщеніе Епифанія, что Лука благовѣствовалъ въ Галліи, Италіи, Далматіи и Македоніи, какъ и вполнѣ понятно, что Апостолъ, намѣревавшійся пройти на западъ до Испаніи (Рим. XV, 24, 28), послалъ напередъ своего учени-

---

у Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI[3], S. 691), яко бы именно Лука разумѣется въ 2 Кор. VIII, 18 подъ „братомъ, во всѣхъ церквахъ похваляемымъ за благовѣствованіе", если даже и не относить послѣднее къ несуществовавшему тогда письменному третьему Евангелію, какъ иногда допускалось въ древности (Orig in Luc. hom. 1: M. gr. XIII, 1804. J. Chrys. in Acta Apost. hom. I, 1: M. gr. LX, 15; cnf. in Matth. hom. IV. 1: M. gr. LVII, 40. Hier. De viris ill. VII, Pelag. y Ps.-Hier in 2 Cor. VIII: M. lat. XXX, 783; ср. въ пространной редакціи Игнатіевыхъ посланій ad Ephes. 15: Funk II, 193); при сужденіи объ этой догадкѣ нужно взвѣсить еще и то, что едва ли столь вліятельный человѣкъ могъ быть въ соподчиненной роли при молодомъ Титѣ, служившемъ въ качествѣ посредника при сношеніяхъ св. Павла съ Коринѳянами.

ка, который потомъ по указанному маршруту переправился въ „Грецію". Можетъ быть, къ этому же періоду относятся извѣстія Симеона Метафраста и Никифора Каллиста о пребываніи его въ Египтѣ и Ливіи, при чемъ „Постановленія Апостольскія" говорятъ (VII, 46), что въ Александріи первый рукоположенъ (во епископа) Маркомъ Евангелистомъ Анніанъ, а второй Авилій — Лукой, также Евангелистомъ" (M. gr. I, 1052; cnf. XVI, 17). Во всѣхъ этихъ данныхъ много спутаннаго, — и напр., Александрія допускаетъ даже отожествленіе съ Троадой у Эгейскаго моря на югъ отъ Трои (Ἀλεξάνδρεια ἡ Τρῳάς) [1]; а Өиваида не безъ удобства сближается въ Беотіей, ибо трактуется о Өивахъ „семивратныхъ" Θῆβαι ἑπτάπυλοι, но Египетскія издавна величались „стовратными" (Θῆβαι ἑκατόμπυλοι).

Во всякомъ случаѣ сношенія съ Апостоломъ Павломъ не прерывались, и его „врачъ возлюбленный" поспѣшилъ къ нему въ Римъ, гдѣ тотъ снова подвергся особой опасности. Въ своемъ предсмертномъ (второмъ) посланіи къ Тимоѳею св. Павелъ съ грустію отмѣчаетъ (IV, 10) свое одиночество, потому что Димасъ оставилъ его, возлюбивъ нынѣшній вѣкъ, и пошелъ въ Өессалонику, Крискентъ — въ Галатію (Галлію), Титъ — въ Далматію; при такомъ положеніи крайне знаменательно и лестно нарочитое упоминаніе, что „Лука единъ со мною" (Λουκᾶς ἐστιν μόνος μετ' ἐμοῦ). Благовѣстникъ какъ будто не хотѣлъ отпустить отъ себя своего ученика, и этотъ замѣнялъ ему всѣхъ въ самыя тягостныя минуты, когда уста львовы уже были готовы поглотить великаго миссіонера. Естественно, что Лука старался всѣми средствами помогать въ огражденіе Апостола и въ устраненіе роковой катастрофы. Въ этой комбинаціи всего умѣстнѣе привлекается именно сюда темное извѣстіе Мураторіева фрагмента о третьемъ Евангелистѣ: post ascensum Christi cum eum (Lucan) Paulus quasi ut juris studiosum secundum adsumsisset. Фраза эта настолько загадочна, что нѣкоторые [2]) предлагаютъ читать: quasi itineris studiosum secundum [3]), но трудно согласиться, чтобы въ своемъ краткомъ перечнѣ авторъ спеціально отмѣтилъ подобную самопонятную тривіальность, не разъяснивъ, что́ значитъ и къ чему относится „secundum" [4])? Иные находятъ въ цитованныхъ словахъ на

---

[1]) См. Prof. Paul Schanz, Commentar, S. 4.

[2]) См. у Prof. Th. Zahn, Grundriss der Geschichte des neutestamentlichen Kanons (Leipzig 1901), S. 77, 79.

[3]) Ср. конъектуру Bunsen'а ὡσὰν φιλαπόδημον у Prof. Th. Zahn. Geschichte des neutestamentlichen Kanons II, S. 24 ff.

[4]) Тоже имѣетъ силу и въ отношеніи гипотезы E. Klostermann'а

мекъ на приверженность Луки къ закону, приравнивая juris къ legis [1]), а другіе ради этого въ jus видятъ Scriptura [2]). Это толкованіе почти прямо противорѣчитъ всѣмъ біографическимъ свидѣтельствамъ и, пожалуй, больше исключается, чѣмъ поддерживается контекстомъ всего выраженія. Въ немъ неоспоримъ юридическій колоритъ, и потому мы охотнѣе примыкаемъ къ толкованію проф. Ад. Гильгенфельда [3]), что juris studiosum secundum не точно воспроизводитъ греч. δευτεραγωνιστής какимъ терминомъ обозначался адвокатъ, игравшій на судѣ вторую роль (Демосѳ. Περὶ τ. παραπρ., p. 344), выступавшій со своимъ словомъ уже послѣ другихъ [4]). Тогда справедливо будетъ допустить два разбирательства дѣла Павлова въ Римѣ. „При первомъ отвѣтѣ (на судѣ) никого не было при Апостолѣ, но всѣ его оставили" (2 Тим. IV, 16), и только къ слѣдующей защитѣ явился Лука и взялъ на себя роль какъ бы (quasi ut) второго (—послѣ самого Павла—) адвоката, или девтерагониста, хотя онъ и былъ по профессіи медикъ. Если такъ, то и здѣсь Евангелистъ былъ inseparabilis a Paulo (Iren. Contra haer. III, 141: M. gr. VII, 916).

Принявъ его послѣдній вздохъ, Лука, конечно, не могъ продолжать своего пребыванія въ столицѣ и покинулъ этотъ городъ. Мы равно ничего прочнаго не знаемъ о дальнѣйшей судьбѣ. Передается только, что онъ всегда былъ дѣвственникомъ (по „Aragumentum evangelii secundum Lucam" не позднѣе начала III в. въ „Texte und Untersuchungen" XV,1, S. 7 — 8) и дожилъ до преклоннаго возраста — 74 лѣтъ (ibid. и Седулій), 80 (Никифоръ Калл.), 84 (по неподлинному добавленію къ Hieron. De viris ill. VII). Мѣстомъ его кончи-

---

(Zum Muratorischen Fragment въ „Zeitschriff für die neutestamentliche Wissenschaft" 1922, S. 308—309) яко бы нужно читать quasi melioris (altioris) studiosum.

[1]) Rud. Cornely, S. I., Introductio specialis in singulos libros Novi Testamenti, p. 126.

[2]) Fr. Herm Hesse, Das Muratorische Fragment (Giessen 1873), S. 75.

[3]) Einleitung in das Neue Testament, S. 95; „Zeitschrift für wissenschaftliche Teologie" 1878, S. 29; 1881, S. 139, 2.

[4]) Въ греческой трагедіи различались πρωταγωνιστής, (actor primarum partium) — главный исполнитель роли, гдѣ особенно воплощалась мысль автора, — и δευτραγωνιστής (actor secundarium partium), являвшійся контрастомъ первому, служившій для него ограниченіемъ и противовѣсомъ. См. G. Bernhardy, Grundriss der griechischen Litteratur, dritte Bearbeitung, II, 2 (Halle 1872), S. 107.

ны называютъ Виѳанію[1]), Ефесъ, Патары въ Ахаіи (куда въ Argumentum относится и составленіе Евангелія), каковыя свѣдѣнія должны имѣть извѣстныя фактическія основанія[2]). Григорій Богословъ первымъ сообщаетъ (Contra Julian. or. I, 69: M. gr. XXXV, 589), что Лука претерпѣлъ мученичество, и затѣмъ лишь одинъ Симеонъ Метафрастъ (с. 8) говоритъ, что онъ умеръ ἐν εἰρήνῃ, а Никифоръ Каллистъ утверждаетъ, будто этого восьмидесятилѣтняго старца повѣсили на маслинѣ. Въ двадцатомъ году правленія Констанція (т. е. въ 357 г.) останки его были перенесены изъ Ахаіи въ Константинополь[3]).

Довольно скудны наши біографическія свѣдѣнія о Евангелистѣ Лукѣ, но и они важны въ томъ отношеніи, что достаточно оправдываютъ съ его стороны появленіе христіанскихъ писаній. Видный эллинъ,—онъ отъ всего отрекся ради Христа и для всецѣлаго служенія Ему. Ясно, что „премудрость премудрыхъ" не удовлетворяла религіозно пытливую душу, и это разочарованіе вселяло такое отчаяніе, которое могло разсчитывать на спасеніе лишь изъ сферъ вышечеловѣческой интеллгентности, или исключительно отъ благодати Божіей. Здѣсь въ проповѣди Павловой Лука нашелъ наилучшее удовлетвореніе, какъ и самъ Апостолъ видѣлъ въ немъ яркое оправданіе божественной спасительности Христовой. Эти люди дополняли другъ друга, и отсюда ихъ тѣсная связь въ благовѣстническомъ подвигѣ. Его несъ Лука именно потому, что благовѣстіе Павлово было основою всего духовнаго существованія, сообщало ему смыслъ и разумъ, безъ чего жить частію невозможно и частію не стóитъ. Естественно, что Лука старался усвоить полностію это живительное Евангеліе, распространить и утвердить его сре-

---

[1]) Ср. Prologus у Wordsworth-White, Novum Testamentum I, p. 269, 271: nam neque umquam habens neque filios (hoctoginta) septuaginta et quattuor annorum obiit in Bithynia plenus spiritu sancto.

[2]) Ср. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 106 ff.: „Schwerlich ist er (Lucas) auch in Rom geblieben (auch das scheint durch die Apostelgeschichte zwar nicht geradezu ausgeschlossen, aber nicht wahrscheinlich). Also haben wir ihn wohl in Achaja (so die früheste Tradition) oder in Asien zu suchen"... „In Ephesus oder irgendwo in Asien oder in Achaja hat er um Jahr 80 sein Geschichtswerk für den vornehmen Theophilus verfasst".

[3]) Hieron. De viris ill. VII (M. lat. XXIII, 619), но здѣсь слова de Achaia и vixit octoginta et quatuor annos, uxorem non habens считаются неподлинными (см. Rev. A. Plummer, p, XXI, not. 2), хотя и безъ особо убѣдительныхъ осиованій. Ср. Acta Sanctorum, October VIII, p. 294 sqq.

ди людей съ равною благотворностію. Въ такомъ случаѣ совершенно понятно, что онъ поспѣшилъ закрѣпить въ письмени благодатную истину Христову, когда живой голосъ ея устнаго возглашенія готовился умолкнуть. Посему натурально и нормально, что Лука издалъ Евангеліе павлинистическаго характера и иллюстрировалъ его спасительное вліяніе историческими фактами въ Дѣяніяхъ апостольскихъ. Въ этомъ же было и счастливое употребленіе прежнихъ достояній науки и практики, когда Лука — врачъ, „перенявъ отъ Апостоловъ искусство врачевать души, оставилъ намъ доказательства этого въ (своихъ) боговдохновенныхъ книгахъ" (Eus. h. e. III, 4: 7). Тутъ было какъ бы продолженіе и приспособленіе медицинской цѣлительности, но только уже при христіанскомъ озареніи и для высокихъ духовно-врачующихъ цѣлей. Человѣческія способности и научныя знанія непринужденно получали благовѣстническое примѣненіе. „Какъ Апостолы изъ рыбарей сдѣлались ловцами человѣковъ; такъ, — по словамъ блаж. Іеронима (in Philem. 24: M. lat. XXVI, 618), — и цѣлитель тѣлъ превратился во врачевателя душъ, и его твореніе, будучи читаемо въ церквахъ, всякій разъ проявляетъ свое цѣлительное вліяніе". Ясно, насколько естественно, что представитель человѣколюбивѣйшей профессіи, сдѣлавшись ученикомъ св. Павла, потомъ письменно изложилъ Павлинистическое Евангеліе.

* * *

# Евангеліе св. Апостола Луки.

Но, раскрывъ эту сторону, біографическія указанія мотивируютъ только побужденія къ писанію и не оправдываютъ самого осуществленія. Скорѣе — послѣднее будетъ крайне затруднительнымъ, разъ Лука отдаляется отъ непосредственныхъ спутниковъ Господа и чрезъ это лишается средствъ для точной фактической освѣдомленности въ Евангельской исторіи. Поэтому намъ необходимо перейти къ детальному анализу синоптическаго памятника, чтобы отыскать и резсмотрѣть

## источники и условія происхожденія третьяго Евангелія

для оцѣнки его достоинствъ въ качествѣ литературнаго труда. Къ счастію, самъ писатель оставилъ по этому предмету категорическія заявленія въ своемъ „прологѣ". Хотя данное мѣсто оказывается однимъ изъ темнѣйшихъ и труднѣйшихъ во всемъ Новомъ Завѣтѣ [1]), но случилось это главнымъ образомъ потому, что къ нему искусственно привязываются и изъ него насильственно извлекаютъ разныя произвольныя и тенденціозныя теоріи, которыя, естественно, окутываютъ все поле своею туманною примрачностію. Нужно взглянуть на дѣло безъ всякой предзанятости, — и тогда все существенное будетъ достаточно ясно.

Авторъ старается оправдать свое литературное замышленіе ссылкою на примѣръ многихъ другихъ, которые уже взяли на себя эту задачу. Поелику они начали „чинити повѣсть", то заблагоразсудилось и мнѣ (ἔδοξε κἀμοί): — говоря такъ, Евангелистъ прямо ставитъ себя въ рядъ этихъ лицъ и усвояетъ себѣ одинаковыя цѣли при сходныхъ средствахъ. Онъ будетъ работать и по примѣру ихъ и подобно имъ, почему относящееся къ предшественникамъ является характернымъ и для него. А тамъ предметомъ

---

[1]) См. у Prof. Paul Schanz, Commentar, S. 46.

разсказа служили τὰ πράγματα, или нѣчто содѣянное, которое бываетъ осязательнымъ эмпирическимъ фактомъ. Разумѣется. это касается событій исключительно христіанскихъ. Свойство послѣднихъ ближе характеризуется названіемъ ихъ πεπληροφορημένα. Этотъ глаголъ значитъ „доводить до законченности" = πλῆρος φέρειν (2 Тим. IV, 5, 17. Дѣян. XII, 25), убѣждать (патр. Фотій въ „Библіотекѣ") или убѣждаться (Рим. IV, 21. XIV, 5. Кол. IV, 12. 1 Клим. XLII, 3. Игнатія къ Магнез. VIII, 2). Всѣ эти оттѣнки находятся по внутренней связности и съ логическою естественностію вытекаютъ изъ основного понятія. Таковымъ тутъ является полнота осуществленія идеи въ вещи [1]), когда своимъ точнымъ воплощеніемъ вторая сообщаетъ ей неотразимую объективную убѣдительность, а эта фактически бываетъ активно убѣждающею и вызываетъ въ созерцающихъ субъективную убѣжденность. Эти побочныя, отраженныя вліянія неизбѣжны и кроются въ самомъ принципѣ, который по самой природѣ убѣдителенъ и натурально порождаетъ убѣжденность въ немъ, но все это бываетъ доступнымъ собственно лишь при конкретной реализаціи идеальнаго въ реальномъ. Потому и въ цитованныхъ словахъ прежде всего разумѣется завершённость фактическаго раскрытія обсуждаемыхъ истинъ въ вещахъ, вполнѣ имъ соотвѣтствующихъ. А это случилось ἐν ἡμῖν — у насъ христіанъ, бывшихъ естественною средой даннаго процесса. Понятно теперь, что у Евангелиста рѣчь идетъ о христіанскихъ началахъ, на которыхъ созидается въ самомъ своемъ бытіи „наше" общество и именно христіанское. Только эти начàла берутся уже въ неразрывности отъ своего исторически-фактическаго продолженія, гдѣ они постепенно реализуются въ свойственной типичности и чрезъ это „совершеніе" (ср. Дѣян. XIX, 21) пріобрѣтаютъ убѣждающую энергію для всякаго зрячаго искренняго человѣка. Тутъ фактъ не просто констатируется, но и оцѣнивается по своему неотлучному дѣйствію въ качествѣ оправданія для производящей причины, ибо — по слову св. Амвросія медіоланскаго — cum fidem effectus adstruat, exitus probat. Въ этомъ смыслѣ и для христіанства позднѣйшее бываетъ раскрытіемъ и подтвержденіемъ раннѣйшаго (ср. 1 Кор. IX, 2), какъ исполненіе пророчества служитъ и его наглядною рекомендаціей, удостовѣряетъ его принципіальную истинность. Для сего мало, чтобы событіе совершилось; — сверхъ этого надобно, чтобы оно доказало свою устойчивость и достаточнымъ рядомъ моментовъ засвидѣтельствовало продуктивную жизненность своей производящей причины. Лишь тогда насту-

---

[1]) Ср. о πληροφορεῖν у Rev. Prof. James Hope Moulton: Notes from tie Papyri въ „The Expositor" 1903, II, p. 118 119; XII, p. 436; The Vocabulary of the Greek Testament, p. 519—520.

питъ полнота исполненія и убѣдительности. Ясно, что Евангелистъ вышелъ за горизонтъ собственно Евангельской исторіи и видитъ ее какъ бы позади себя въ послѣдующемъ развитіи апостольскаго созиданія Церкви Христовой, которая бываетъ историческою носительницей и фактическою удостовѣрительницей Евангельскихъ основоположеній. Лука разсматриваетъ Евангельскія данныя при свѣтѣ ихъ реалистическаго закрѣпленія въ условіяхъ апостольской эпохи, откуда нѣкоторые толкователи не безъ права простираютъ свидѣтельства „пролога“ и на книгу Дѣяній, а другіе даже допускаютъ, что вторая была въ священнописательскомъ планѣ вмѣстѣ и одновременно съ Евангеліемъ [1]).

Послѣднее не столь несомнѣнно [2]), а безспорнымъ будетъ пока то, что предметомъ письменнаго изображенія называются Евангельскія событія, какъ дошедшія до полноты обнаруженія своего спасительнаго содержанія въ историческомъ процессѣ. Здѣсь писатель пріобрѣтаетъ сильнѣйшую опору для убѣжденія другихъ и для привлеченія ихъ на свою сторону, но, отодвигаясь отъ первоисточника, онъ возбуждаетъ подозрѣніе насчетъ своей объективной достовѣрности. Этимъ вызывается вопросъ о способахъ его освѣдомленія, и на это намъ отвѣчаютъ слова: *καθὼς παρέδοσαν ἡμῖν οἱ ἀπ' ἀρχῆς αὐτόπται καὶ ὑπηρέται γενόμενοι τοῦ λόγου.*

„Многіе“ разсказывали, въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ сообщеніями поручителей, которые служатъ гарантіею истинности самыхъ рефератовъ. Это суть лица, обладающія двумя свойствами, но такъ, что послѣднія были совмѣстно въ каждомъ изъ нихъ, ибо одинъ членъ простирается на оба эпитета и связываетъ ихъ въ единствѣ приложенія къ даннымъ субъектамъ. Они и *αὐτόπται* и *ὑπηρέται*, — и тутъ вовсе не два класса [3]). Первый терминъ вполнѣ понятенъ для всѣхъ и отмѣчаетъ „самовидцевъ“, которые сами непосредственно наблюдали разумѣемыя событія, т. е. конечно, христіанскія. Но они берутся у Евангелиста уже въ неразрывности отъ позднѣйшаго историческаго осуществленія, а потому не ясно, съ какого фактическаго момента идетъ „самовидчество“ и на какой промежутокъ распространяется. Сила наблюденій будетъ весьма поколеблена, если ими захватывается только позднѣйшій періодъ, а къ самому возникновенію мы возводимся лишь косвеннымъ путемъ умозаключеній отъ слѣдствій къ причинамъ. Въ устра-

---

[1]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II [1], S. 366—368; II [3], S. 372—374.

[2]) См. о семъ и Rev. A. Plummer въ „The Critical Review“ XII, 6 (November, 1902), p. 500; Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI [3], S. 695.

[3]) Ср. Prof. Fr. H. Chase, The Credibility of the Boko of the Acts of the Apostles, p. 17, 1.

неніе подобныхъ недоумѣній и подчеркивается спеціально, что αὐτόπται были таковыми ἀπ' ἀρχῆς по противоположенію съ возможностію существованія людей, которые тоже были „самовидцами" Евангельскихъ событій, но уже не изначальными [1]). Въ данной комбинаціи неотразимо, что это нарѣчное сочетаніе отсылаетъ къ „началу" зарожденія „извѣствованныхъ вещей", которыя эти αὐτόπται самолично наблюдали съ появленія ихъ на исторической сценѣ. Это — моментъ давно минувшаго, но у этихъ авторитетовъ онъ былъ и остается неотъемлемымъ преимуществомъ. Тутъ γενόμενοι, констатируя случившееся исчезновеніе въ прошломъ, относится собственно къ событію, какъ прекратившемуся съ этой стороны, а возсе не къ бытію или достоинству удостовѣряющихъ его лицъ. Посему энергія γενόμενοι всецѣло исчерпывается въ ἀπ' ἀρχῆς ничуть и не внушаетъ, что сами „самовидцы и слуги" являются теперь уже „бывшими" [1]), когда писатель отдаляется отъ нихъ, лишаясь компетентныхъ источниковъ для своего фактическаго освѣдомленія. Это противорѣчило бы всей тенденціи „пролога", желающаго убѣдить въ реальной безупречности матеріала. Для того и подчеркивается, что поручители были „самовидцами изъ начала" или одновременно съ тѣмъ, какъ начали быть изображаемыя πράγματα. Въ этомъ случаѣ по самому своему соотношенію съ послѣдними αὐτόπται не нуждаются въ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ, ибо для всѣхъ понятно, что они непосредственно созерцали изначальныя стадіи христіанской исторіи. Въ виду сего и возможное грамматически сочетаніе этого термина съ τοῦ λόγου фактически скорѣе устраняется, причемъ у насъ будетъ не слово личное во Христѣ Іисусѣ, а слово проповѣданія о Немъ. Конечно, нельзя теоретически отрицать допустимость перваго воззрѣнія у Луки, и это отвергается лишь по тенденціозному предубѣжденію, будто вся „логологія"—позднѣйшаго происхожденія и выросла на Филоновско-философской почвѣ по самому своему содержанію. Но, съ другой стороны, не усматри-

[1]) Во 1-хъ, это толкованіе (принимаемое и у Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[1], S. 362; II[3], S. 368—369) гораздо естественнѣе, чѣмъ предположеніе контраста съ язычниками, когда исключаются изъ рѣчи событія и апостольской исторіи (Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das Neue Testament, Freiburg im Breisgau [2]1905, S 235—136), во 2-хъ, этимъ оправдывается отнесеніе Евангельскаго „пролога" и къ книгѣ Дѣяній, что отвергаютъ (J. Belser ibid., S. 165) нѣкоторые (Prof. Ad. Jülicher, Einleidung in das Neue Testament, S. 362. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1, S. 250,3 ) не безъ того побужденія, чтобы не связать себя въ своей оппозиціи противъ апостольской исторіографіи.

вается основательнаго резона и усвоять третьему Евангелисту спеціально Іоанновскія концепціи, которыя у него ограничивалась бы единичнымъ намекомъ и висѣли бы на слишкомъ тонкой паутинкѣ. Въ этомъ преувеличеніи нѣтъ ни малѣйшей надобности, ибо легко представить, что αὐτόπτης скоро и необходимо сдѣлалось самопонятнымъ terminus technicus для „самовидцевъ" именно жизни Господа, а у насъ это вполнѣ разъяснится изъ связи съ τὰ πράγματα, для которыхъ были непосредственными зрителями ихъ съ самаго начала эти лица. Но они не сокрыли въ себѣ этихъ свѣдѣній, отрѣзывая доступъ къ нимъ для грядущихъ поколѣній. Напротивъ, αὐτόπται были вмѣстѣ и ὑπέρεται τοῦ λόγου, т. е. служителями въ словѣ или посредствомъ слова (gen. obj.) и при томъ слова опредѣленнаго. Значитъ, это есть слово Евангельскаго проповѣдыванія (ср. Дѣян. VI, 2. X, 44. XI, 19. XIV, 25. XVI, 6. XVII, 11) о Евангельскихъ событіяхъ. Тутъ второе фактическое отличіе описываемыхъ людей, но оно важно и для цѣлей авторскихъ наравнѣ съ первымъ. Если αὐτόπται является гарантіею доброкачественности матеріала, то ὑπηρέται обезпечиваетъ его пользованіе со стороны другихъ людей. Отсюда естественно и παρέδοσαν, ибо „самовидцы" имѣли обязательною „службой" дѣлиться своими достовѣрными знаніями и распространять ихъ [1]). Наряду съ этимъ здѣсь отмѣчается и самый характеръ „преданія" именно „словеснымъ" путемъ. Хотя настоящій глаголъ иногда прилагается къ письменнымъ сообщеніямъ, но лишь метонимически и съ предполагаемымъ дополненіемъ γράμματα, а основнымъ элементомъ въ немъ всегда было понятіе устнаго ознакомленія кого-либо съ извѣстными предметами и событіями (ср. 1 Кор. XI, 2, 23. XV, 3. 2 Петр. II, 21. Іуд. 3). Разъ же это „преданіе" вручалось прямо „намъ" — ἡμῖν, этимъ для „насъ" утверждалась посредственная связь съ Евангельскими „вещами", почему являлось возможнымъ изобразить ихъ съ самаго начала.

Въ этомъ пунктѣ Евангелистъ вполнѣ обезпечиваетъ безупречную цѣнность своего содержанія. Онъ — человѣкъ какъ бы второй христіанской генераціи, разобщенный отъ восхода солнца правды нѣкоторымъ промежуткомъ или хотя бы тѣмъ, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ событій и не соприкасался прямо съ историческимъ потокомъ ихъ. За-то у него есть безусловно надежный источникъ въ αὐτόπ-

---

[1]) По этой связи моментовъ ясно, что хотя Лука могъ разумѣть не только Апостоловъ въ собственномъ смыслѣ (Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue Testament II [1], S. 363; II [3], S. 368—369), но во всякомъ случаѣ обязательную авторитетность имѣли для него лишь первосвидѣтели событій (II [1]. S. 365; II [3], S. 371).

ται, бывшихъ зрителями христiанскаго теченiя съ самого начала. Это, конечно, прежде всего Апостолы изъ XII ти, но далеко не только они. Сжатая характеристика „пролога“ является лишь сокращенiемъ тѣхъ опредѣленiй, которыя св. Петръ считалъ необходимыми для кандидата въ замѣну отпавшаго Iуды: „надобно, — говорилъ онъ (Дѣян. I, 21 — 22), — чтобы *одинъ изъ тѣхъ*, которые находились во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Iисусъ, начиная отъ крещенiя Iоаннова до того дня, въ косорый онъ вознесся отъ насъ, бывъ вмѣстѣ съ нами, свидѣтелемъ воскресенiя Его“. Избраны были двое, но такихъ христiанъ имѣлось немало, и всѣ они подходятъ подъ квалификацiю Луки, расширяя кругъ его референтовъ. У всѣхъ ихъ несомнѣнна интимная близость къ событiямъ, такъ что въ этомъ отношенiи источникъ освѣдомленности и достоинство данныхъ — выше всякихъ подозрѣнiй. Эти лица сами по долгу своего „проповѣдническаго служенiя“ громко возвѣщали о своихъ наблюденiяхъ и „передали“ ихъ непосредственно, а потому и писатель обладалъ равною объективною достовѣрностiю. Живымъ апостольскимъ преданiемъ, откуда прямо почерпается матерiалъ Евангельской исторiи [1]), св. Лука незыблемо ограждаетъ свою фактическую компетентность, но тутъ онъ рисуется наряду со „многими“ и для удовлетворительной мотивировки своего предпрiятiя долженъ былъ указать отличительныя особенности, какiя представляютъ

## Задача и характеръ третьяго Евангелiя.

Писатель его приравниваетъ себя къ предшественникамъ и усвояетъ общую цѣль — ἀνατάξασθαι διήγησιν. Желалось дать въ связной картинѣ разсказъ соотвѣтственно свидѣтельствамъ „самовидцевъ“, т. е. отъ начала возникновенiя Евангельскихъ „вещей“ и до момента ихъ „извѣствованности“. На этомъ пространствѣ должно быть множество отдѣльныхъ эпизодовъ, которые, совмѣщаясь въ этомъ цѣлостномъ изображенiи (= σύν — τάξασθα), нанизывались одинъ на другой въ послѣдовательной преемственности (= ἀνα — τάξασθαι), хотя бы, при воспроизведенiи ихъ посредствомъ памяти или припоминанiя (Prof. Fr. Blass). Но если завершительное раскрытiе событiй служитъ къ утвержденiю ихъ и къ убѣжденiю въ нихъ, то лишь потому, что имѣетъ для себя прочную основу въ раннѣйшемъ теченiи, всѣ моменты котораго тоже взаимно солидарны и

---

[1]) Ср. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue Testament II [1], S. 363; II [3], S. 368—369.

подкрѣпляютъ другъ друга. Въ хронологической смѣнѣ схватывается не просто внѣшнее чередованіе, а въ немъ всюду подмѣчается внутренняя гармонія, когда всѣ частности солидарно и прогрессивно ведутъ къ обнаруженію своей идеи, почему завершеніе служитъ для нея уже фактическимъ оправданіемъ. Ясно, что предъ нами рисуется историческій прагматизмъ въ научномъ воспроизведеніи прошлаго, и въ этомъ отношеніи третій Евангелистъ не разнится отъ „многихъ“, замышляя — подобно имъ — дать прагматическій отчетъ о Евангельскихъ „вещахъ“.

Тогда — при единствѣ цѣли и средствъ — не оказывается ни мотива, ни оправданія для новой работы, если она не хочетъ быть только ариѳметическимъ увеличеніемъ готоваго. Загадка разрѣшается тѣмъ, что, располагая хорошимъ матеріаломъ, „многіе“ лишь ἐπεχείρησαν при осуществленіи взятой задачи. Vox ambigua — этотъ глаголъ у классиковъ (напр., Cyrop. II. 2: 23; см. у Passow, WB. I, 1, S. 38) не говоритъ прямо о самомъ качествѣ „начинаній“ непремѣнно въ дурномъ смыслѣ [1]) и въ Новомъ Завѣтѣ описываетъ ихъ не столько по этическому характеру, сколько со стороны успѣшности или неуспѣшности, къ чему именно относятся и качественныя опредѣленія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ здѣсь преобладаютъ и оттѣнки неблагопріятные — для означенія неудачи „попытокъ“, напр., при покушеніи эллинистовъ убить Павла (Дѣян. IX, 29) и заклинателей іудейскихъ воспользоваться для исцѣленій именемъ Господа Іисуса (Дѣян. XIX, 13 и ср. 14—16). Писатель второй книги Маккавейской однажды выражаетъ (II, 29, al. 30) этимъ терминомъ просто стараніе (ζωγραφεῖν ἐπιχει οὖντι, „живописати начинающему“), необходимое для выполненія задуманчаго „начинанія“, и въ другомъ мѣстѣ констатируетъ больше безплодность предпріятія съ напрасной, хотя бы и усердной, тратой силъ (VII, 19. „ты же да не возмниши неповиненъ быти, богоборствовати наченъ“, θεομαχεῖν ἐπιχειρήσας). Поэтому нѣтъ филологическихъ основаній соглашаться съ древнимъ пониманіемъ, что въ „прологѣ“ разумѣются непремѣнно еретическія литературныя фабрикаціи, авторы которыхъ равны ветхозавѣтнымъ лжепророкамъ и даже хуже ихъ [2]). За этическія свойства дѣланія

---

[1]) Rev. Prof. James Hope Moulton and Prof. George Milligan, The Vocabulary of the Greek Testament, p. 250—251.

[2]) Ориг. in Luc. hom. I. Евс. h. e. III, 25: 15. Златоустъ. Епиф. haer. LI, 7. Іеронимъ. Августинъ. Ср. въ одномъ лат. praef. у Wordsworth-White I, p. „multi alii temere praesumpserunt narrare“.

имъ не высказывается ясно и „скрытаго обвиненія", какое находилъ тутъ Оригенъ [1]). Не данное фразой, — это толкованіе совсѣмъ недопустимо по содержанію, ибо — иначе — Евангелистъ одинаковую тѣнь набросилъ бы на себя самого, уподобляясь „многимъ" своею собственною рѣчью. Вѣрно не свыше того, что попытки ихъ были неудачны, не достигали идеала поставленной задачи и—въ нашемъ случаѣ— не давали прагматическаго изображенія. Конечно, при этомъ не оказалось надлежащей точности воспроизведенія событій по ихъ внутреннему существу и въ результатѣ не получилось завершительной убѣдительности въ мѣру объективнаго достоинства самыхъ предметовъ. Все это правда, однако здѣсь лишь недостатокъ, а не порокъ или грѣхъ.

Такая неудовлетворительность раннѣйшей репродукціи и была солиднымъ фактическимъ побужденіемъ къ литературному замышленію Евангелиста для выполненія прагматическихъ требованій исторіографіи [2]). Ради сего онъ принялъ всѣ соотвѣтствующія средства съ явною оппозиціонностію пробѣламъ и недосмотрамъ „многихъ" [3]). Предъ нимъ было уже нѣкоторое завершеніе, но его важность и убѣждающая энергія коренились въ томъ, что имъ оправдывалось исходное начало, въ которомъ и оно само освѣщалось въ своемъ истинномъ значеніи. Понятно отсюда, что для обезпеченія объективности описанія необходимо было возвратиться къ первоисточнику и, конечно, по тому пути, какимъ онъ протекалъ исторически до момента „извѣствованности". Это и отмѣчается эпитетомъ *παρακολουθηκότι*, характеризующимъ свойства предварительныхъ работъ. Данный глаголъ встрѣчается въ Новомъ Завѣтѣ при упоминаніи о сопутствіи и возможно неотлучномъ пребываніи кого-либо при другомъ (Мрк. XVI, 17. Лк. I, 3. 1 Тим. IV, 6. 2 Тим. III, 10). Въ примѣненіи къ литературнымъ задачамъ этотъ терминъ будетъ указывать „послѣдованіе" за подлиннымъ ходомъ событій при ихъ изученіи и письменномъ закрѣпленіи (ср. Polyb. III, 2: 2 *παρακολουθῆσαι σαφῶς ταῖς... πράξεσιν ἀπὸ τῆς κα ὰ Πύρρον ὑπὸ Τιμαίου συγγ.αφέντ ν καιρῶν εἰς τὴν Κ ρχηδ νος ἅλωσιν*). Это восхожденіе по преемственности въ цѣпи историческаго развитія должно было привести къ началу, — и Лука, дѣйствительно, проникъ *ἄνωθεν* — къ самому историческому зарожденію разумѣваемыхъ „вещей", или къ тому хронологическому пункту [4]), отъ какого фактически отпра-

---

[1]) In Luc. hom. I: M. gr. XIII, 1802.

[2]) Ср. Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI [3], S. 698.

[3]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue Testament II [1], S. 361; II [3], S. 370.

[4]) Ср. Дѣян. XXVI, 5. Вульг. ab initio. Амвросій a principio. Евѳимій Зиг. ἀντὶ τοῦ ἀπ' ἀρχῆς αὐτῶν. Eus. h. e. I, 6: 2 ἄνωθεν

влялось христіанское движеніе. Съ этой стороны ἄνωθεν вполнѣ тожественно съ ἀπ' ἀρχῆς [1]) и разнится отъ него лишь субъективно по особенности (положенія) лицъ, изъ коихъ „самовидцы" присутствовали при фактическомъ началѣ, а Лука могъ только мысленно подняться до вершины историческаго теченія. Въ этомъ смыслѣ ἄνωθεν констатируетъ объемъ пріобрѣтенныхъ познаній, которыя простираются отъ созерцаемаго до возникавшаго. Этотъ переходъ отъ настоящаго къ давно минувшему былъ возможенъ при единственномъ условіи, что въ промежуточныхъ звеньяхъ не было перерыва, и они захватывались во всей совокупности. Отсюда новый объективный предикатъ — πᾶσιν, указывающій содержаніе познаннаго, которое берется на всемъ протяженіи и во всѣхъ существенныхъ частяхъ. Но въ ученой репродукціи такая объективная доскональность бываетъ неразрывна отъ субъективной пунктуальности освѣдомленія. Если при непосредственномъ совершеніи не трудно слѣдовать за событіями безъ малѣйшаго разумѣнія ихъ, то при научномъ воспроизведеніи всякая фальшь будетъ роковою, ибо прагматическая связность исчезнетъ или нарушится, и нельзя будетъ свести концы съ началами и наоборотъ. Теперь естественно у Луки является третій субъективный квалификатъ — (ἀκριβῶς), знаменующій особенную отчетливость прозрѣнія, когда факты развиваются въ ученой концепціи съ тою стройностію натуральнаго чередованія и взаимной обусловленности, съ какими они двигались исторически. Опять подчеркивается точность прагматическаго свойства, а потому тутъ нѣтъ прямого упрека „многимъ", которые —(подобно Папіеву Марку—) могли быть вполнѣ аккуратными для отдѣльныхъ событій въ ихъ обособленности, но безъ строгаго внутренняго соотношенія съ другими. Въ послѣднемъ было несомнѣнное преимущество Луки, и онъ превосходилъ обширностію перспективы и детальностію подробностей своего созерцанія. Не удивительно, что предъ его взоромъ развертывалась стройная картина преемственнаго и всесторонняго развитія христіанской исторіи.

Въ итогѣ пріобрѣтаемъ, что, оправдываясь неудовлетворительностію прежнихъ попытокъ для предпріятія своей, Лука усвояетъ ей характеръ прагматической связности на основаніи точнаго знанія всѣхъ частностей. Но если „многіе" не достигали этого при сходныхъ условіяхъ, то не имѣ

---

ἐξ αὐτοῦ Μωϋσέως. Philon. Vit. Mos. II, 9 ἠρχαιολόγησεν ἄνωθεν ἀρξάμενος τῆς τοῦ πάντος γενέσεως.

[1]) Для ἄνωθεν по равенству съ ἐξ ἀρχῆς см. Rev. Prof. James Hope Moulton въ „The Expositor" 1903, II, 108

емъ ли мы и здѣсь простого самообольщеннаго притязанія? Для отвѣта необходимо разобрать, были ли удобства для осуществленія этого намѣренія въ наличномъ матеріалѣ? Тогда опредѣляется

## Объемъ источниковъ и способъ пользованія ими у третьяго Евангелиста.

Если это былъ спутникъ Павловъ Лука, то онъ располагалъ всѣми данными для самыхъ широкихъ и пунктуальныхъ освѣдомленій. Почерпая немало фактическихъ сообщеній отъ самого Апостола языковъ, ученикъ — врачъ больше всего обязанъ былъ ему принципіальнымъ прозрѣніемъ въ самую сущность Евангелія Христова [1]) и получилъ чрезъ него доступъ къ авторитетнѣйшимъ лицамъ первенствующей Церкви. Упоминаніе 1 Кор. XV, 6 убѣждаетъ, что къ тому времени еще много „самовидцевъ“ [2]) было въ живыхъ, а пребываніе при эллинскомъ благовѣстникѣ по необходимости приводило Луку въ соприкосновеніе съ этими кругами. И въ древнихъ извѣстіяхъ иногда указывается на его отношенія къ Петру [3]).Это вполнѣ мыслимо по біографическимъ соображеніямъ, но не менѣе дозволительно предполагать непосредственныя встрѣчи и съ другими членами изъ сонма XII-ти. И Мураторіевъ фрагментъ замѣчаетъ, что въ acta omnium apostolorum, Дѣеписатель изложилъ то, что sub presentia ejuis gerebantur, а Ириней прямо выражается, что онъ былъ „не только послѣдователемъ, но и сотрудникомъ Апостоловъ“ (Contra haer. II, 10: 1), „особенно же Павла“ (ibid. III, 14: 1), Евсевій прибавляетъ, что Лука „больше всего находился при Павлѣ и ревностно обращается съ прочими Апостолами“ (h.e. III, 4: 7), откуда — согласно мнѣнію древнихъ (III, 24: 16) — выводится, что „въ собственномъ Евангеліи онъ передалъ несомнѣнное сказаніе обо всемъ, справедливость чего достаточно узналъ частію чрезъ сожитіе и обращеніе съ Павломъ,частію чрезъ

---

[1]) Въ этомъ именно смыслѣ Rev. A. Plummer (p. XLIII) толкуетъ Тертулліановскій терминъ „illuminator“ по сравненію съ наименованіемъ Марка „intererpretor“'омъ Петровымъ.

[2]) Ср. Dr. Anton Beck, Des Prolog des Lukas - Evangeliums. Amberg 1900, S. 5 ff.

[3]) Въ этомъ смыслѣ нѣкоторые понимаютъ и свидѣтельство Мураторіева фрагмента, читая тамъ вмѣсто quibus (tamen interfuit) — aliquibus или, еще лучше, относя quibus къ упомянутымъ раньше colloquiis Petri: Prof. Janus Moffatt, An introduction to the Literature of the New Testament p. 191—192.

собесѣдованіе съ остальными Апостолами" (III, 24: 15). Къ подобному рѣшенію склонялся и блаж. Іеронимъ, говоря (De viris illustr. VII): Quidam suspicantur... Lucam non solum ab Apostolo Paulo didicisse Evangelium, qui cum Domino in carne non fuerat, sed et a ceteris Apostolis... Igitur Evangelium, sicut audierat, scripsit. Въ древности это было распространеннымъ сужденіамъ [1]), которое находитъ категорическое подтвержденіе въ словахъ „пролога" о непосредственной связи автора съ „самовидцами", а ихъ онъ могъ находить и въ Антіохіи, и въ Кесаріи, и въ Іерусалимѣ.

Но ἀπ' ἀρχῆς своимъ контрастомъ заставляетъ принять еще второй классъ—свидѣтелей жизни Господней не изначальныхъ, однако наблюдавшихъ извѣстный ея періодъ и тѣсно соприкасавшихся съ ближайшими зрителями (чѣмъ и самъ Лука поставляетъ себя въ рядъ компетентныхъ удостовѣрителей для эпохи Дѣяній). Опять для сего были достаточныя удобства, и намъ сообщается, что (въ Антіохіи онъ былъ вмѣстѣ съ Агавомъ и другими пророками: Дѣян. XI, 27—28 по D al.), встрѣчался съ однимъ изъ семи дьяконовъ Филиппомъ и его четырьмя дочерьми въ Кесаріи, гдѣ (опять) видѣлъ Агава (Дѣян. XXI, 8 сл.), а въ Іерусалимѣ приходилъ съ Павломъ къ Іакову и прочимъ Апостоламъ (XXI, 18). Наконецъ, всячески несомнѣнно, что первохристіанская Іерусалимская обшина дѣлилась съ Лукою своими свѣтлыми воспоминаніями, какими жила каждую минуту, а тамъ была и „Марія, матерь Іисуса" (Дѣян. I, 14), нѣкогда соблюдавшая всѣ достопримѣчательные глаголы (Христовы) въ сердцѣ своемъ (Лк. II, 51); здѣсь былъ хорошій путь къ детальному ознакомленію съ исторіею дѣтства Господа и предшествующими событіями.

Источникъ устнаго апостольскаго преданія былъ богатый и, конечно, оставался главнѣйшимъ для Евангелиста [2]), который (по блаж. Іерониму въ Praef. in Matth.: M. lat. XXVI, 18) являлся audita magis, quam visa describens [3]). Но едва ли этимъ все и ограничивалось. Трудно согласиться, чтобы, зная о раннѣйшихъ литературныхъ опытахъ, Лука не воспользовался ими, когда (по его же сужденію) они основы-

---

[1]) Ср. Prolog. у Wordsworth-White I, p. 269, 271: Lucas Syrus natione Anriochensis arte medicus discipulus Apostolorum postea Paulum secutus usque ad confessionem eius serv ens Domino sine crimine.

[2]) Rev. A. Plummer по Евангелію Луки даже цѣликомъ возстановляетъ древне-римскій символъ (p. VII).

[3]) Не въ этомъ ли смыслѣ нужно понимать и слова Мураторіева фрагмента, что Лука numini (numine) suo ex opinione (Prof. Th. Zahn, ex ordine = καθεξῆς) conscripsit?

вались на традиціи „самовидцевъ“. Съ другой стороны, несовершенства этихъ „начинаній“ не давали гарантіи на успѣхъ дальнѣйшей работы, если — кромѣ ихъ — не будетъ для нея болѣе надежнаго руководства. Усвояя себѣ несомнѣнныя преимущества, третій синоптикъ тѣмъ самымъ внушаетъ, что у него самого были лучшія пособія. О характерѣ послѣднихъ можно догадываться по контрасту съ предшествующими воспроизведеніями. О нихъ справедливо думать, что они покоились на воспоминаніяхъ о слышанномъ, какъ и глаголъ ἀνατάξασθαι значитъ „возстановлять упорядоченно по памяти“ [1]). И коль скоро это средство оказалось недостаточнымъ, — мы обязаны допустить, что продолжатель обладалъ прочными образцами въ письменныхъ документахъ. Вотъ второй источникъ, присутствіе котораго въ самомъ трудѣ довольно ощутительно и неоспоримо. Это ясно по самому стилю, обнаруживающему иногда слишкомъ рѣзкія колебанія, разъ классически-правильный „прологъ“ смѣняется сильно евраизированными отрывками первыхъ двухъ главъ. Подобное явленіе встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, заставляя предполагать, что стилистическая свобода Луки была связана вполнѣ выработаннымъ текстомъ, для котораго допустимы были лишь легкія корректуры. Такъ нужно думать по двумъ наблюденіямъ, что 1) евраистическія шероховатости попадаются преимущественно въ репродуктивныхъ частяхъ, гдѣ требовалась собственно точность воспроизведенія, но 2) даже и въ этихъ — параллельныхъ Матѳею и Марку — отдѣлахъ ср. IV, 38 — 41 и Мрк. I, 29—34; Мѳ. VIII, 14 — 17. V, 12 — 16 и Мрк. I, 40—46; Мѳ. VIII, 1 — 4. V, 17 — 26 и Мрк. II, 1 — 12; Мѳ. IX, 1 — 8. IX, 10 — 17 и Мрк. VI, 30 — 44; Мѳ. XIV, 13 — 21. IX, 38 — 40 и Мрк. IX, 17 — 18; Мѳ. XVII, 15 — 16 и мн. др.) обнаруживается стилистическое превосходство, свойственное авторскому перу третьяго Евангелиста (см. ἐν μέσῳ, ὁ λόγος τοῦ θεοῦ, δέχονται и ἀφ'σταν-αι въ VIII, 14 — 15 по сравненію съ Мѳ. и εἶπεν πρὸς αὐτούς, ἐπίστατα, δέομαί σου, ἐξελθεῖν ἀπό, ἱκανός, ἐδεῖτο αὐτόν, σύν, ὑπόστρεφε, παρὰ τοὺς πόδας, παρα ρῆμα и пр. вмѣсто Марковыхъ λέγει αὐτοῖς, διδάσκαλε, ὁρκίζω σε, ἐξελθεῖν ἐκ, μέγας, παρεκάλει αὐτόν, μετά, ὅ-α ε, πρὸς τοὺς πόδας etc.). Если при всемъ томъ писатель удерживаетъ евраистическія особенности вопреки всѣмъ своимъ литературнымъ навыкамъ, то, очевидно, онъ вынуждался преклo-

---

[1]) Вопреки отрицающимъ у даннаго глагола этотъ оттѣнокъ (котораго не признаетъ и Н. К. Дагаевъ, Исторія ветхозавѣтнаго канона, С.-Петербургъ 1898, стр. 96—97, но ср. стр. 93—94, 99), — его энергически защищаетъ Prof. Fr. Blass (Evangelium secundum Lucam, p. XI—XII; Philology of the Gospels, p. 14—17).

ниться предъ авторитетною необходимостію, а таковую могъ представлять только письменный памятникъ, какъ сохранившій подлинныя данныя въ точности, которая обязывала къ неприкосновенности.

О характерѣ этихъ источниковъ намъ ничего неизвѣстно. Безспорно, что многіе изъ нихъ первоначально могли существовать на арамейскомъ (еврейскомъ) языкѣ, и отсюда иногда заключаютъ, что Лука самъ перевелъ ихъ погречески [1]). Дозволительно и это для Антіохійскаго грека, однако едва ли онъ столь совершенно владѣлъ литературно-поэтическою семитскою рѣчью, а исторія оригинальнаго Матѳеева труда свидѣтельствуетъ, что въ христіанскихъ общинахъ уже рано обнаружилась неустранимая нужда въ греческихъ переложеніяхъ, хотя, напр., Матѳеево Евангеліе почитается первою литературною книгой для культового, богослужебнаго употребленія христіанской церкви, ближайшимъ образомъ — Палестинской [2]). Въ виду сего безопаснѣе думать, что и Луки воспользовался готовыми греческими записями, какія могли содержаться въ повѣствованіяхъ у „многихъ“, врядъ ли писавшихъ „поеврейски“.

Что до объема подобныхъ пособій, то тутъ необходимо принять въ соображеніе два объстоятельства. Во 1-хъ новѣйшими филологическими изслѣдованіями добыто, что не все евраистическое въ греческой рѣчи имѣетъ непосредственное еврейское происхожденіе и не все такое образовалось подъ вліяніемъ копированія еврейскихъ образцовъ. Напротивъ, дознано съ рѣшительностію, что многое въ этомъ родѣ было общимъ достояніемъ эллинистическаго языка, какъ въ синкретизмѣ было воспринято и распространялось множество религіозно-философскихъ оріенталистическихъ элементовъ—даже прямо семитическаго происхожденія и почти библейскаго характера; значитъ, по евраистической окраскѣ тѣхъ или иныхъ отрывковъ третьяго Евангелія нельзя съ несомнѣнностію догадываться о еврейскихъ источникахъ [3]). Во 2-хъ: по суду всѣхъ компетентныхъ ученыхъ, Лука былъ опытный и гибкій стилистъ, умѣвшій въ каждомъ случаѣ говорить соотвѣтствующимъ языкомъ, почему самъ могъ придавать евраистическій колоритъ, когда этого требовала

---

[1]) См. и Hellmuth Zimmermann въ „Studien und Kritiken“ 1903, II, S. 268 ff. 286 ff.

[2]) Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 120; Die Apostelgeschichte (Leipzig 1908), S. 3 Anm.

[3]) См. Prof. Ab. Thumb, Die griechische Spache im Zeitalter des Hellenismus, S. 132, и ср. „Христіанское Чтеніе“ 1902 г., № 7, стр. 14—15.

историческая ситуація [1]), и — слѣдовательно — вообще по языковымъ особенностямъ писаній Луки трудно гадать о его источникахъ съ увѣренностію [2]). Всѣми этими наблюденіями тоже сокращаются основанія для попытокъ къ отысканію у Луки еврейскихъ оригиналовъ.

Тѣмъ не менѣе они вѣроятны по самому существу дѣла, какъ и пользованіе другими письменными пособіями. Это мы должны думать по обилію новыхъ данныхъ сравнительно съ двумя первыми Евангелистами. Если мы раздробимъ общее всѣмъ синоптикамъ содержаніе на 172 отдѣла, то изъ нихъ у Луки будетъ 127 (3/4 цѣлаго) при 48 (2/7) свойственныхъ ему одному, у Матѳея — 114 (2/3) при 22 (1/8) ему принадлежащихъ и у Марка — 84 (1/2) при 5 (1/37) отличительныхъ для него; отправляясь отъ цифры 124, получимъ отсюда для перваго Евангелиста 78 при индивидуально свойственныхъ 17-ти, для второго — 67, изъ коихъ на его долю падаетъ всего лишь 2, а для третьяго— 93 при 38 собственнымъ ему [3]). Но опять же не ясно, что̀ изъ этого матеріала почерпнуто въ письменныхъ памятникахъ и что̀ взято изъ устнаго преданія, столь разнообразнаго и богатаго достовѣрными извѣстіями [4]). Гипотетическія построенія насчетъ этихъ письменныхъ документовъ всегда остаются чистымъ фантазированіемъ и находятъ для себя почву развѣ въ тенденціозныхъ предпосылкахъ, когда оказывается простое petitio principii, ибо идея (предполагаемаго характера и воображаемыхъ цѣлей Евангелія) оправдывается ссылкою на факты, наличность которыхъ лишь допускается именно въ силу и ради этой идеи. Посему и гаданія [5]) для фактическаго истолкованія о связи нѣкоторыхъ подобныхъ пособій съ дворомъ Ирода (III, 1, 19. VIII, 3. IX, 7 — 9. XIII, 31. XXIII, 7 — 12. Дѣян. XIII, 1) и измышленія критическія, — *напр.* (Volkmar'a), объ эвіонитскомъ evangelium pauperum, — одинаково недоказуемы и почти равно безполезны для уразумѣнія условій происхожденія и конструкціи третьяго Евангелія. Тѣмъ менѣе побужденій аппеллировать къ помощи Іосифа Флавія, который

---

[1]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[1], S. 400 II[3], S. 408. Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 152 („Lukas ein Meister in der Nachbildung von Stilarten gewesen ist"); Das Magnificat u. s. w. (см. ниже). S. 19 = 556, Anm., 2.

[2]) См. Th. Vogel, Zur Charakteristik . . ., S. [2]17.

[3]) См. и Rev. A. Plummer, p. XXXV, XLI.

[4]) Ср. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[1], S. 405; II[3], S. 411—41?.

[5]) Rev. A. Plummer, p. XXV.

ненуженъ или менѣе достовѣренъ [1]). При извѣстныхъ натяжкахъ, пожалуй, мыслима освѣдомленность съ сочиненіемъ (отъ 77 года) „Объ іудейской войнѣ“ [2]) даже для историческаго Луки, и иногда принимается, что онъ былъ лично знакомъ съ іудейскимъ историкомъ въ Римѣ около 63 года [3]); вообще же сближеніе этихъ писателей больше наклоняется къ убѣжденію въ позднемъ происхожденіи и неподлинности третьяго Евангелія и книги Дѣяній [4]). Но — при отсутствіи надобности въ этомъ и при неимѣніи тѣснаго соотношенія [5]) — нѣтъ и разительныхъ параллелей [6]), ибо сходные по матеріи пассажи своими разностями — даже филологическаго свойства ) — скорѣе убѣждаютъ во взаимной независимости, почему непріемлема и обратная идея [8]), якобы Іосифъ Флавій пользовался твореніями Луки.

Значитъ, у насъ будетъ безусловно твердымъ развѣ тотъ тезисъ, что у Луки были подъ руками письменные документы [9]), — напр. для первыхъ двухъ главъ Евангелія[10]), — по мѣстамъ имѣвшіе для него авторитетность неприкосновенности, каковы: генеалогія, посланіе Апостольскаго собора[11]), письма и т. п.[12]). А нынѣ всѣми исповѣдуется, что

---

[1]) См. и Prof. Ad. Harnack: Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1, 250,1; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 80,1.

[2]) См. Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. ²60.

[3]) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. ¹16.

[4]) Prof. Carl Clemen, Die Chronologie der paulinischen Briefe, Halle 1893. M. Krenkel, Josephus und Lucas, Leipzig 1894.

[5]) Th. Vogel, Zur Characteristik..., S. ²57—60.

[6]) См. Prof. Paul Schanz, Commentar, S. 16—17.. Prof. Joh. Ev. Belser въ „Theologische Quartalschrift“ 1895—1896. Prof. William Sanday, Inspiration. London ² 1894. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II¹, S. 394—397; II³, S. 401—403. Rev. A. Plummer, p. XXX. „Христіанское Чтеніе“ 1902 г., № 7, стр. 15.

[7]) Prof. Alb. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, S. 225.

[8]) Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T., S ²194; ¹126, 203—204.

[9]) Rev. A. Plummer, p. XXIII, XXV. Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T., S. ²186 ff.

[10]) Prof Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II¹, S. 404—405; II³, S. 411—412.

[11]) Совсѣмъ неправдоподобно предположеніе Prof. Ad. Harnack'а (Lukas der Arzt, S. 153—156), яко бы это посланіе составилъ самъ Лука.

[12]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II¹, S. 397—398; II³, S. 404.

Евангеліе Марково явилось раньше третьяго, откуда сама собою рождается мысль о зависимости послѣдняго отъ него, какъ это требуется рѣшеніемъ синоптическаго вопроса И данный пунктъ тѣмъ правдоподобнѣе теоретически, что Лука и Маркъ были вмѣстѣ въ Римѣ одновременно (Кол. IV, 10, 14. Филим. 24), и первый долженъ былъ знать о литературномъ предпріятіи второго, которое можно разумѣть въ числѣ литературныхъ опытовъ „многихъ" [1]). Характеристика „пролога" вполнѣ подходитъ ко второму синоптику, и ея примѣнимость именно къ послѣднему свидѣтельствуется близкимъ согласіемъ со словами Папія іерапольскаго о трудѣ „спутника " и „истолкователя" Петрова. По всѣмъ этимъ и другимъ соображеніямъ теперь почитается достаточно обезпеченнымъ, что Лука утилизировалъ для своихъ цѣлей Марково Евангеліе, и возраженія по этому предмету [2]) только устраняютъ крайности и преувеличенія, яко бы одинъ чуть не рабски копировалъ другого и выросъ изъ него путемъ простой переработки. Сравненіе открываетъ одинаковость хронологическаго распорядка, а въ стилистическомъ отношеніи Марковъ текстъ нерѣдко служитъ неизбѣжною препосылкой редакціи Лукиной [3]). Утверждаютъ даже, что МарковоЕвангеліе было для Луки ближайшимъ источникомъ [4]), который онъ прекрасно изучилъ [5]) и какъ бы переписалъ [6]), взявъ оттуда до 3/4 цѣлаго [7]). Впрочемъ, третій Евангелистъ, включая едва не все содержаніе второго, матеріально превышаетъ послѣдняго цѣлыми обширными отдѣлами, вставленными въ схему Маркову (напр., VI, 20 — VIII, 4. IX, 51 — XVIII, 14), и въ хронологически-прагматическомъ отношеніи уклоняется не разъ почти до рѣшительнаго противорѣчія, примѣрами чего могутъ быть рефераты о входѣ въ Іерусалимъ (гл. XIX), воскресеніи и вознесеніи Господа (гл. XXII — XXIV).

---

1) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II [1], S. 364—365; II [3], S. 371—372.

2) См. Rev. A. Plummer, p. XXIII—XXIV, и ср. Th. Vogel, Zur Charakteristik . . ., S. [2]31, 1.

3) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[1], S. 398 ff.; II [3], S. 405 ff. Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T., S. [1]119, 134, 165, 187—188; [2]118, 136, 165, 187. Dr. Anton Beck, Der Prolog. S. 38 ff.

4) Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 151; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 108.

5) Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 20.

6) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 60 ff.

7) Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 111, 112.

Посему Маркова композиція признаётся недостаточною [1]), и принимаются „другіе опыты по Евангельской исторіи" [2]). Какіе же именно? — это необходимо выяснить точно, чтобы не сводить дѣло къ иксамъ. А тогда мы естественно обращаемся къ первому Евангелію. Должно напередъ констатировать, что эта идея съ равнымъ усердіемъ отвергается и критическими [3]) и консервативными [4]) авторами, однако едва ли вполнѣ законно и внушительно. Въ основѣ тутъ чаще кроется нежеланіе допустить столь раннее образованіе такого высоко-христіанскаго мессіаническаго благовѣстія на чисто іудейской почвѣ, но здѣсь лишь совсѣмъ неубѣдительная тенденціозная прдзанятость. Если же отъ нея отрѣшиться, то получимъ, что для Луки необходимо предположить источникъ, близкій къ Матѳееву Евангелію и общій для него съ третьимъ синоптикомъ [5]). Другими данная гипотеза оспаривается [6]), — и это справедливо въ томъ смыслѣ, что неизвѣстное ничего намъ не освѣщаетъ и не раскрываетъ, между тѣмъ соприкосновеніе нашего Луки съ теперешнимъ Матѳеемъ несомнѣнно существуетъ и ярко иллюстрируется, напр., поразительнымъ совпаденіемъ перваго (VII, 27) со вторымъ (XI, 10) въ свободной цитатѣ изъ пророка Малахіи III, 1. И не видится истинно научныхъ резоновъ не комментировать этого безспорнаго явленія изъ наличныхъ литературныхъ документовъ. Выдвигается обыкновенно, что тогда во многомъ окажется контрастъ взаимоисключенія, если о тожественныхъ событіяхъ повѣствуется до непримиримости различно. Пусть даже это вѣрно, — и все-таки отсюда не слѣдуетъ взаимной невѣдомости обоихъ писателей.

---

[1]) См. Prof. Bernhard Weiss у H. A. W. Meyer'a I, 2[9], S. 254. Canon Sir John. C. Hawkins, раздѣляя идею соподчиненности третьяго Евангелиста второму, тоже признаетъ независимость Луки для отдѣла IX, 51—XVIII, 14, равно для VI, 20—VIII, 3 (p. 19 b—20 a), но при нѣкоторой связи съ источникомъ Марковымъ, хотя не въ смыслѣ литературнаго пользованія (п. 138 a. b.): см. „The Expository Times" XIV, 1 (October 1902), 2 (November 1902), 3 (December 1902), p 18—23, 90 93, 137—140.

[2]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II [1], S. 401; II [3], S. 408.

[3]) Prof. Bernhard Weiss у H. A. W. Meyer I, 2[9], S. 254 ff.

[4]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II [1], S. 401—402; II[3], S. 408 ff. Rev. A. Plummer, p. XXIV.

[5]) См. Prof. Bernhard Weiss у H. A. W. Meyer I, 2[9], S. 255. Rev. A. Plummer, p. XXVII.

[6]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[1], S. 402—404; II[3], S. 410.

Иначе по тому же самому соображенію мы принуждены будемъ вмѣсто нынѣшняго Марка поставить таинственнаго перво-Марка, но при этомъ исчезнутъ всѣ конкретныя опоры для документально-осязательныхъ розысканій, и весь вопросъ покроется непроницаемымъ мракомъ. Этой роковой опасности боятся и сторонники особыхъ источниковъ [1]) и незамѣтно доводятъ послѣдніе — по реальному ихъ содержанію — до фактическаго сліянія съ нашимъ Матѳеемъ, Поучительный образецъ сего даетъ намъ проф. Адольфъ Гарнакъ. Наряду съ Маркомъ онъ дальнѣйшимъ источникомъ Луки считаетъ общую съ Матѳеемъ исторію Господа и особую іерусалимскую или іудейскую традицію [2]). По его мнѣнію, единою основой для всѣхъ трехъ первыхъ Евангелій былъ Q [3])—не оріентирующееся на событіяхъ страданія собраніе рѣчей и изреченій Іисуса Христа почти съ исключительно Галилейскимъ горизонтомъ и безъ всякихъ замѣтныхъ сепаратныхъ тенденцій [4]. Онъ составленъ первоначально поарамейски [5]) какимъ-то ученикомъ Христовымъ [6]) около 51 года или даже раньше, во всякомъ случаѣ еще до Марка [7]), явившагося не позднѣе шестого десятилѣтія [8]). Q взаимно независимъ отъ Марка, ничуть не ниже его по достоинству, а во многихъ мѣстахъ выше [9]), но и второй синоптикъ имѣлъ „собранія Господнихъ изреченій, которыя сильно соприкасались съ Q“ [10]). Именно его утилизируютъ Маркъ и Лука въ тожественномъ греческомъ переводѣ [11]), хотя — по сравненію съ греческимъ Матѳеемъ — съ отличіями, предполагающими, впрочемъ, лишь иную копію, а не другую редакцію [32]), Болѣе неприкосновенно этотъ текстъ сохраненъ у Матѳея [13]), Лука же измѣняетъ стилистическими

---

[1]) Prof. Bernhard Weiss у H. A. W. Meyer I, 2[9], S. 255—256.

[2]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 108.

[3]) Sprüche und Reden Jesu — die zweite Quelle des Mathäus und Lucas (Leipzig 1907), S. 78.

[4]) Sprüche und Reden, S. 121.

[5]) Sprüche und Reden Jesu, S. 171.

[6]) Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 96.

[7]) Neue Untersuchungen, S. 87,1 .

[8]) Neue Untersuchungen, S. 83—93.

[9]) Sprüche und Reden Jesu, S. 173.

[10]) Sprüche und Reden Jesu, S. 157: „...Hernworte-Sammlungen lagen, die sich stark mit Q berürten.

[11]) Sprüche und Reden Jesu, S. 80.

[12]) Spruche und Reden Jesu, S. 80

[13]) Sprüche und Reden Jesu, S. 9, 11, 13, 15, 16, 19, 23, 24, 25, 35, 37, 39, 42, 43, 45, 49, 54, 55, 64, 66, 67, 72, 74.

корректурами [1]), однако цѣнитъ его высоко, ничуть не ниже Марка [2]). Трудъ второго синоптика былъ въ основаніи третьяго [3]), и все-таки онъ не прерывалъ связей съ Матѳеемъ, поскольку въ общемъ ихъ содержаніи (сверхъ сходнаго съ Маркомъ) открывается такая пропорція, что это 2/11 для текста Матѳея и 1/6 для Луки [4]). Отсюда вытекаетъ, что Матѳей существенно воспроизвелъ Q, Маркъ привлекалъ близкій къ послѣднему сборникъ, Лука скомбинировалъ Q и Марка, но этотъ, искуственно завуалированный источникъ познаётся лишь чрезъ нашего греческаго Матѳея и необходимо сливается съ нимъ до безразличія, поскольку всѣ построенія производятся прямо по Матѳееву тексту и безъ него лишаются всякой фактической почвы. Не имѣется ея и въ историческомъ преданіи, ибо считается весьма вѣроятнымъ (sehr wahrscheinlich), что Папій (у Евсевія h. e. III, 39) разумѣлъ „нашего (теперешняго) Матѳея" [5]) и — значитъ — нимало не требуетъ наличности особой отъ него арамейской логографіи. Правда, тутъ же дѣлается оговорка, что если нашего Матѳея нельзя принимать за трудъ Апостола, то придется наивѣроятнѣе (überwiegend wahrscheinlich) усвоять предполагаемому Папіемъ Апостолу Матѳею Q въ качествѣ его подлиннаго труда [6]), но какое можетъ быть оправданіе для подобной догадки, коль скоро единственный компетентный свидѣтель совершенно не допускаетъ ея, а бывшія у него τὰ λόγια заставляетъ видѣть въ греческомъ Матѳеѣ?

Здѣсь мы пріобрѣтаемъ новое основаніе аппеллировать къ теперешнему типу Матѳеева Евангелія, извѣстность котораго Лукѣ вполнѣ мыслима и по традиціи и критически, разъ утверждается научная допустимость, что Матѳеево Евангеліе вышло до разрушенія Іерусалима, хотя и близко къ нему [7]). Что до многихъ несогласованностей между Лукой и Матѳеемъ, то онѣ были бы роковыми лишь для гипотезы, будто третій синоптикъ образовался чрезъ списываніе перваго, но вѣдь никто и не думаетъ проповѣдывать подобную крайность. Утверждается не болѣе того, что Матѳей былъ однимъ въ ряду многихъ другихъ пособій — устныхъ и пись-

---

[1]) Sprüche und Reden Jesu, S. 7, 9.

[2]) Sprüche und Reden Jesu, S. 219.

[3]) Die Apostelgeschichte, S. 151: „Für Markus fällt auch stark ins Gewicht, dass Lukas ja seinem Evangelium das Werk desselben zugrunde gelegt hat".

[4]) Sprüche und Reden Jesu, S. 1.

[5]) Sprüche und Reden Jesu, S. 172.

[6]) Sprüche und Reden Jesu, S. 172.

[7]) Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 93—95.

менныхъ [1]). И въ этомъ качествѣ участіе его было весьма важно. Лука заботится о хронологически — прагматической связности, а примѣръ предшественниковъ громко говорилъ, что устныя припоминанія не даютъ незыблемой опоры для подобнаго классифицированія Евангельскихъ событій. Въ этомъ случаѣ Маркъ — по авторитету св. Петра — былъ самымъ желаннымъ руководителемъ, котораго Лука и придерживается. И если мы замѣчаемъ, что онъ измѣняетъ ему въ существенныхъ пунктахъ, — тутъ необходимо предположить, по крайней мѣрѣ, равноправный документъ, восполняющій отсутствіе объективнаго распорядка (τάξις) у Марка. Это свойство всего удобнѣе приложимо къ Матѳею, издавна бывшему литургическою книгой Іерусалимской церкви [2]), и объ немъ мы знаемъ, что — сходный съ третьимъ синоптикомъ по общему расположенію во многихъ отдѣлахъ — онъ иногда совпадаетъ съ Лукой и въ частностяхъ, когда, напр., оба они говорятъ о воскресеніи Господнемъ въ третій день (Мѳ. XVII, 23. Лк. IX, 22. XVIII, 33) вопреки μετὰ τρεῖς ἡμέρας Марка (IX, 31. X, 34), или опускаютъ его δίς (Мрк. XIV, 30) въ предсказаніи объ отреченіи Петровомъ (Мѳ. XXVI, 34. Лк. XXII, 34).

Для ближайшихъ цѣлей намъ довольно и научной вѣроятности, которая убѣдительно подкрѣпляется тѣмъ наблюденіемъ, что общее у Луки съ Матѳеемъ и Маркомъ заключается больше въ разсказахъ, чѣмъ въ рѣчахъ [3]) и слѣдовательно — не могло получиться независимо отъ непосредственнаго знакомства съ предшествовавшими синоптическими редакціями. Типическій литературный обликъ третьяго Евангелиста и теперь обрисовывается съ достаточною отчетливостію въ томъ смыслѣ, что, располагая обильнымъ матеріаломъ устныхъ и письменныхъ пособій, онъ даетъ систематически-цѣлостную ихъ обработку. Отсюда понятны и

## Литературныя достоинства исторіографическихъ трудовъ св. Луки.

Первое изъ нихъ самоочевидно, что при множественности разнообразныхъ и хорошихъ пособій получается богатый матеріалъ новаго содержанія. Съ этой стороны полнота повѣствованія, приближающаяся къ біографической законченности, обращала вниманіе уже древнихъ толкователей, и еще Ириней Ліонскій говорилъ: omnia hujscemodi per solum Lucam cognovimus et plurimos actus per hunc didici-

---

[1]) Ср. Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T. S. [1]107, 165, 166, 188—191, 204—207; S. [2]186 ff., 221 ff.

[2]) См. выше стр. 41

[3]) Rev. A. Plummer, p. XLI.

mus... et alia multa sunt, quae inveniri possunt a solo Luca dicta esse (Contra haer. III, 14: 3 — 4); Амвросій прибавляетъ (in Luc. prol. 4: M. lat. XV, 1350), что онъ plura nobis gestorum Domini miracula revelavit, а Епифаній категорически утверждаетъ (haer. LI, 7): τὰ ὑπὸ τῶν ἄλλων καταλειφθέντα ἐπιβαλέσθαι. Это замѣтно по обилію оригинальныхъ свѣдѣній (I, 5 — 80. II, 1 — 52. III, 1, 2, 5, 6, 10 — 14. IV, 16 — 30 (?). V, 2 — 10. VII, 11 — 17, 36 — 50. VIII, 1 — 3. IX, 51 — 56. X, 1, 17 — 20, 28 — 37, 38 — 42. XI, 1, 5 — 8, 27, 28. XII, 13 — 21, 47, 48. XIII, 1 — 17, 31 — 37. XIV, 1 — 24, 28 — 33. XV, 1, 2, 8 — 31. XVI, 1 — 11, 19, 31. XVII, 7 — 10, 15 — 19. XVIII, 1 — 13. XIX, 1 — 10, 11 — 27, 39, 40, 41 — 44. XXII, 24 — 30, 35 — 38, 63 — 71. XXIII, 5 — 15, 27 — 31, 39 — 41. XXIV, 13 — 43, 44 — 53). Изъ нихъ достаточно напомнить начальныя главы третьяго синоптика, посвященныя разсказу о зачатіи, рожденіи и обрѣзаніи Іоанна Крестителя и Богомладенца, равно — изъ позднѣйшей исторіи — посѣщеніе двѣнадцатилѣтнимъ Іисусомъ Іерусалима, воскрешеніе сына Наинской вдовы, помазаніе Господа грѣшницею, пребываніе Спасителя у Маѳы и Маріи въ Галилейскій періодъ; въ обширномъ отчетѣ о путешествіяхъ во святой городъ (IX, 51 — XVIII, 31) — по сравненію съ Матѳеемъ и Маркомъ — много новаго и спеціальнаго, что̀ совпадаетъ лишь съ разсказами Іоанна [1]), или старое передается здѣсь въ иной связи при своеобразномъ освѣщеніи и съ немалыми добавленіями. Въ извѣстіяхъ касательно страданія и воскресенія Лука также немало уклоняется и матеріально и формально.

Полнота содержанія была достойнымъ увѣнчаніемъ усилій Евангелиста, желавшаго прослѣдить по авторитетнымъ даннымъ всѣ моменты Евангельской эпохи. Но эти труды не были сомоцѣлію, какъ ясно уже потому, что направлялись они къ устраненію недочетовъ въ раннѣйшихъ работахъ болѣе совершеннымъ изданіемъ Евангельской исторіи чрезъ опубликованіе добытыхъ результатовъ. А тамъ былъ недостатокъ стройнаго объединенія отдѣльныхъ эпизодовъ, почему здѣсь необходимо ожидается цѣлостное возсозиданіе. И мы знаемъ, что авторскія разысканія производились на всемъ протяженіи съ самаго начала (ἄνωθεν) и при строгомъ соотвѣтствіи исторической реальности (ἀκριβῶς) въ ея постепенномъ фактическомъ развитіи. Естественно, что исторіографическая репродукція свободно отлива-

---

[1]) О соприкосновеніяхъ между Лукой и Іоанномъ см. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 408; Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 159, 160; Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 285, 534 sq.

лась въ живую картину прогрессивнаго роста христіанства. Этимъ натурально и основательно мотивируется намѣреніе Луки записать все, пріобрѣтенное изученіемъ, καθεξῆς. По такому соотношенію несомнѣнно, что тутъ говорится о характерѣ и качествахъ письменнаго изложенія, почему καθεξῆς не связано прямо съ предшествующими объективными квалификатами, а относится непосредственно къ γρά αι, выражая, что авторскія изслѣдованія шли въ рядъ съ историческимъ теченіемъ отъ настоящаго пункта къ исходу событій и въ литературномъ воспроизвененіи должны были двигаться обратно — со строгою вѣрностію подлинному ходу вещей. Подобное изображеніе даетъ прежде всего преемственность во времени, на которое падаютъ разсматриваемые факты. Такой хронологическій оттѣнокъ подчеркивается и чрезъ καθεξῆς. Этотъ терминъ употребляется у грековъ далеко не часто и немногими (Плутархъ, Эліанъ), но извѣстное мѣсто Θукидида въ рѣчи о Пелопоннесской войнѣ сходному ἑξῆς усвояетъ исключительно хронологическую энергію (II, 1: γέγραπται τε ἑξῆς ὡς ἕκαστα ἐ, ίνετο κατὰ θέρος καὶ χειμῶνα), которая заявляетъ себя и у LXX-ти (Иса. X, 1: „да и еще — ἵνα ἑξ ς — прiидутъ знаменія“. Втор. II, 34. III, 6. Суд. XX. 43. 2 Макк. VII, 48. 3 Макк. I, 9). Въ Новомъ Завѣтѣ находимъ оба эти слова лишь у Луки, и второе всегда съ темпоральнымъ характеромъ (Лк. VII, 11. IX, 37. Дѣян. XXI, 1. XXV, 17. XXVII, 18). Это не менѣе вѣрно для καθεξῆς (Лк. VIII, 1. Дѣян. III, 24. XI, 4), и только въ Дѣян. XVIII, 23 нѣсколько преобладаетъ мѣстно топографическій моментъ („проходили по порядку страну Галатійскую и Фригійскую“), однако при неоспоримо временномъ указаніи, ибо послѣдовательная смѣна мѣстъ не могла совершаться безъ преемственности во времени. По всему этому обязательно согласиться, что у Евангелиста говорится о хронологическомъ воспроизведеніи Евангельской исторіи [1]). Пусть это элементъ не единственный и не исключительный [2]), а неразрывный отъ прагматической связности [3]), но отрицать его незаконно, такъ какъ онъ первоначальный.

Итакъ: при матеріальной полнотѣ вторымъ качествомъ третьяго Евангелія будетъ хронологическая пунктуальность.

---

[1]) Ср. Rud. Cornely S. J., Introductio specialis in singulos Novi Testamenti libros (Parisiis 1886), p. 149—150. Jos. Knabenbauer въ Cursus Scripturae Sacrae I, 3, p. 20. Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S. 203. Rev. A. Plummer, p. XXXVI—XXXVII.

[2]) Ср. Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 696.

[3]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue T. II¹, S. 366; II³, S. 372.

И разсмотрѣніе самаго труда убѣждаетъ, что это свойство весьма замѣтно въ немъ. Хорошая и наглядная иллюстрація сему имѣется уже въ томъ, что изъ 26 всѣхъ случаевъ употребленіе ἔτος въ Новомъ Завѣтѣ — 23 встрѣчаются у Луки, который 10 разъ называетъ μήν, когда всѣхъ такихъ примѣровъ только 18 и въ другихъ мѣстахъ они не содержатъ строго буквальнаго значенія въ качествѣ хронологической единицы для того или иного событія [1]. Одинъ Лука самымъ опредѣленнымъ образомъ указываетъ время рожденія Спасителя (Лк. II, 1—2) и явленія Іоанна Предтечи съ проповѣдью (Лк. III, 1—2) путемъ снесенія со всемірно-историческими событіями. Отмѣчая этимъ способомъ начало общественнаго служенія Искупителя по связи съ исторіею Сиріи и Рима, Лука далѣе говоритъ и о возрастѣ Христа въ данный періодъ (III, 23). Эта хронологическая тщательность видимо наблюдается и въ прочихъ частяхъ третьяго Евангелія. Гавріилъ благовѣствуетъ Дѣвѣ въ шестой мѣсяцъ по зачатіи Крестителя (I, 26), Марія пребываетъ у Елизаветы три мѣсяца (I, 56), Іоаннъ Предтеча и Богомладенецъ обрѣзываются въ восьмой день (I, 59. II, 21), Второй приносится въ храмъ по истеченіи срока очищенія (II, 21) и Самъ приходитъ сюда на праздникъ пасхи двѣнадцати лѣтъ (II, 42). Выраженія: ἐν σαββάτῳ δευτεροπρώτῳ (VI, 1), ἐν ἑτέρῳ σαββάτῳ (VI, 6), ἐν τῇ ἑξῆς (VII, 11. IX, 37), ἐν τῷ καθεξῆς (VIII, 1), ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις (VI, 12), ἐν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ (X, 21), ἐν αὐτῇ τῇ ἡμέρᾳ (XIII, 31), ἐν αὐτῷ τῷ καιρῷ (XIII, 1) и т. п. достаточно позволяютъ оріентироваться насчетъ хронологической взаимной послѣдовательности фактовъ. Гдѣ такихъ поясненій нѣтъ, тамъ по крайней мѣрѣ genit. absol. указываетъ одновременность двухъ дѣйствій и ихъ подлинную связь (VIII, 49. XXII, 47); даже фразы болѣе общаго характера (V, 27. X, 11: μετὰ ταῦτα. V, 17. VIII, 22. XXI, 1: ἐν μιᾷ τῶν ἡμερῶν и др.) въ самомъ сочетаніи эпизодовъ (IV, 1, 38, 40. VII, 1, 18, 24 VIII, 1 X, 1, 21. XI, 37. XII, 1. XIII, 1, 31. XIX, 11, 28, 41. XXII, 66. XXIV, 13) имѣютъ нѣкоторую хронологическую цѣнность, — особенно при сличеніи съ совершенно прочными датами, поелику этимъ констатируется, что сказанное или сдѣланное было въ извѣстный промежутокъ и между такими-то границами.

Теперь очевидна бо́льшая хронологическая точность третьяго Евангелиста, для котораго она была и благословнымъ оправданіемъ его литературнаго предпріятія, ибо, напр., у Марка событія располагаются οὐ μέντοι τάξει( Папій іер.), — здѣсь καθεξῆς (Лк. I, 3).

Но хронологическая отчетливость сама собою способствуетъ и объективному возсозданію подлинной исторіи, явле-

---

[1]) Ср. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 265.

нія которой послѣдовательно укладываются въ хронологическія рамки, при чемъ естественно возстановляется реальная связность всѣхъ частностей. Этимъ прямо обезпечивается исторіографическая прагматичность, и это достоинство въ трудахъ третьяго Евангелиста усматривалось издавна съ такою рѣшительностію, по которой св. Амвросій Медіоланскій категорически свидѣтельствовалъ (in Luc. prol. 4, 7: M. lat. XV, 1530, 1532), что S. Lucas velut quemdam historicum ordinen tenuit, пользуясь historica stylo.

Значитъ, на фундаментѣ фактической изобильности воздвигается хронологическая солидность. Но пока это есть лишь отличительное качество безъ строгой пробы, которая получается уже послѣ оцѣнки по масштабу истинности. Именно отсюда должно опредѣлиться для хронологической подробности ея достоинство, характеристичное и для самого автора. Въ этомъ теперь весь вопросъ, и нужно напередъ предупредить, что онъ большею частію рѣшается весьма неблагопріятно для литературной репутаціи Луки. Въ общемъ обзорѣ нѣтъ возможности исчерпать эту сложную тему, и мы для иллюстраціи разберемъ пока нѣсколько важнѣйшихъ примѣровъ.

I) Издавна и понынѣ ставилось Евангелисту въ упрекъ, что Лисаній называется тетрахомъ Авилинеи къ пятнадцатому году Тиверія (Лк. III, 1), между тѣмъ изъ Іосифа Флавія извѣстенъ съ этимъ именемъ лишь современникъ Антонія и Клеопатры, казненный первымъ по наущенію второй (Antiqu. XV. 4: 1; Bell. jud. I, 22: 3; ср. Cass. Dion. XLIX, 32) около 34 г. до Р. Хр. Однако было бы поспѣшно сразу обличать въ столь грубой ошибкѣ на 60—70 лѣтъ Луку, особенно заботившагося о хронологической точности. Есть данныя и въ пользу его. За 37-й годъ по р. Хр. упоминается „тетрархія Лисанія“, полученная при воцареніи Агриппою I-мъ, а въ нее включалась и Авилинея. Но послѣдняя не могла именоваться Лисаніевой по правителю дохристіанскому, ибо онъ наслѣдовалъ отъ своего отца Птоломея обширное царство, охватывавшее почти весь Ливанъ, съ главнымъ городомъ Халкидой-Авилинея входила туда только въ качествѣ незначительной части и потому не могла усвоять себѣ въ исключительную собственность титулъ Лисаніевой. Для разумнаго разъясненія дѣла необходимо допустить лицо, тѣснѣе связанное лишь съ одною этою территоріей по ея отпаденію отъ цѣлаго, т. е. познѣе старшаго Лисанія. Этимъ требуется другой, младшій соименникъ, существованіе котораго найденною при Авилѣ надписью и фактически удостовѣряется за императорскую эпоху, поелику тамъ говорится о Нимфеѣ, вольноотпущенникѣ Лисанія, при Σεβαστοί, а нѣсколько Augusti встрѣчаются не ранѣе Тиберія (вмѣстѣ съ матерью Августой Ливіей), или, по крайней мѣрѣ, чрезъ 50

лѣтъ по смерти перваго Лисанія [1]). Выводъ теперь будетъ тотъ, что и вообще нельзя непремѣнно предполагать погрѣшность у Луки, если его извѣстія не подкрѣпляются прямо другими свидѣтельствами, и — напротивъ — въ данномъ примѣрѣ его безукоризненность оправдана отлично.

Это прекрасная предпосылка для разбора труднѣйшаго пункта о (I)Квириніевой переписи [2]). По предыдущему ясно, что здѣсь достаточно обезпечить лишь фактическую возможность этого событія, которое и будетъ вполнѣ вѣроятнымъ, не смотря на отсутствіе прямыхъ подтвержденій доколѣ не открыто равноцѣнныхъ опроверженій документальнаго свойства. А есть ли они въ наличности?

По Лукѣ, разсматриваемая перепись 1) была при „намѣстникѣ" Сирійскомъ Квириніи 2) въ силу повелѣнія Августова, простиравшагося на „всю землю" и 3) осуществленнаго въ Іудеѣ при Иродѣ Великомъ. Вопреки сему Іосифъ Флавій категорически и мотивированно свидѣтелствуетъ (Antiqu. XVII, 13:5. XVIII, 1:1; Bell. jud. VII, 8:1 и ср II 8: 1; 17:18), что перепись въ Іудеѣ была совершена Квириніемъ по устраненіи Архелая (Antiqu. XVII, 13: 2—3; Bell pid. II, 7:3. Cass. Dion. LV, 27. Strab. XVI, 2:46) въ 6-мъ году по р. Хр. (754 a. C. U. coss. Acm. Lepido et Luc. Arruntio), т. е, черезъ 10—12—14 лѣтъ послѣ времени, назначеннаго Лукой. Для смягченія этихъ коллизій иногда допускаютъ ошибку у іудейскаго историка, принимая лишь одинъ Квириніевъ цензъ въ Іудеѣ по смерти Ирода В. и послѣ р. Хр. , но это не спасаетъ третьяго синоптика, разъ онъ отмѣчаетъ именно эту перепись (II, 2) [3]) и, слѣдовательно, дѣлаетъ хронологическую ошибку лишь меньше Іосифа Фл. [4]). Другіе думаютъ что — наоборотъ — у обоихъ разумѣется перепись по удаленіи Архелая, при чемъ Іоаннъ Креститель родился въ концѣ его правленія, а Іисусъ Христосъ — при-

---

[1]) См. Prof. Emil Schürer, Geschichte des jüdichen Volkes im Zeitalter Jesu Christi I[5] (Leipzig 1920), S. 717-719, и ср. въ „Theologische Literaturzeitung" 1902, Nr. 19, Sp. 514.

[2]) *Болѣе подробно сказано нами о семъ въ спеціальномъ этюдѣ* „О Квириніевой переписи по связи ея съ Рождествомъ Христовымъ", Кіевъ **1913** (изъ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи" **1913** г., №№ **5** и **6**, стр. **33—58**, **197—230**).

[3]) Prof. Th. Zahn въ „Neue Kirchliche Zeitschrift" IV (1893), 8, S. 634 ff.; Das Evangelium des Lucas I (Leipzig 1913), S. 130—131; Einleitung in das N. T. II[3], S. 402.

[4]) Prof. Th. Zahn, Das Evangelium des Lucas I, S. 124

[5]) Prof. Th. Zahn въ „Neue Kirchliche Zeitschrift" IV (1893), 8, S. 654; Einleitung in das N. T. II[3], S. 403.

Квириніи [1]), или годовъ на 7 позже обычной датировки. При этомъ получится, что Лука отвергаетъ собственную замѣтку (I, 5) о рожденіи Предтечи при „Иродѣ, царѣ іудейскомъ", или неправильно обозначаетъ такъ этнарха Архелая [2]) и рѣшительно дисгармонируетъ съ Матѳеемъ, относящимъ рождество Христово къ царствованію Иродову, аннулируя цѣнность перваго Евангелія [3]). Пока коллизія двухъ историковъ не уничтожается и — въ виду совершенной вѣроятности по-Архелаевскаго ценза [4])—заставляетъ полагать, что Лука напуталъ въ хронологіи, плохо скомпилировавъ свой рефератъ изъ Іосифа Флавія [5]). Но Дѣеписатель, тожественный съ третьимъ Евангелистомъ, усвояетъ (въ Дѣян. V, 37) Гамаліилу слова, что послѣ обманщика Ѳевды „явился во время переписи (ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἀπογραφῆς) Іуда Галилеянинъ и увлекъ за собою довольно народа", а это было уже по Рождествѣ Христовомъ и сближается съ повѣствованіемъ Флавіевымъ. Ясно, что Лука различаетъ два отдѣльные ценза и нимало не смѣшиваетъ ихъ. У него замѣтна прямо обратная тенденція, ибо Евангельская фраза (Лк. II, 2),—по нашему мнѣнію, — выражаетъ, что изъ заповѣданныхъ Августомъ цензовъ это была въ Іудеѣ первая перепись, которая доселѣ не производилась, а теперь совершена Квириніемъ. Она была первая Квириніевская, почему для оправданія ея первенства необходимо принять, по крайней мѣрѣ, вторую, тоже Квириніевскую, хотя бы, напр., отмѣченную Іосифомъ Флавіемъ.

Въ результатѣ оказывается, что—по сравненію съ послѣднимъ — Лука утверждаетъ новую, раннѣйшую перепись, но допустима ли она? Заявляется (Лк. II, 1), что это было сдѣлано въ силу „повелѣнія" Августа описать „всю

---

[1]) Rev. Prof. Kirsopp Lake въ „The Expositor" 1912 XI, p. 475, 476; 463, 467.

[2]) См. H. Lecoultre, De censu Quiriniano et anno nativitatis Christi secundum Lucam evangelistam (Lausanne 1883), p. 87—89, и ср. у Max Krenkel, Josephus und Lucas der schriftstellerische Einfluss des jüdischen Geschichtschreibers auf den christlichen (Leipzig 1894), S. 70.

[3]) Такъ и думаетъ Prof. Friedriech Spitta, Die chronologische Notizen und die Hymnen in Lc 1 и 2 въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft" VII (1906), 4, S. 292.

[4]) См. R. P. Fr. M. — J. Lagrange въ „Revue biblique internationale", nouvelle série VIII (1 Janvier 1911), p. 65, 77.

[5]) Даже Prof. Theodor Mommsen говоритъ (Res gestae divi Augusti, Berolini [2]1883, p. 176), что Лука „Josephum male compilavit".

вселенную" (. . . ἐξῆλθεν δόγμα παρὰ Καίσαρος Αὐγούστου ἀπογράφεσθαι πᾶσιν τὴν οἰκουμένην). Вотъ этого указа за все правленіе Августово намъ неизвѣстно, теоретически же такая перепись представляется ненужной или совсѣмъ невозможной [1]). Однако аргументы e silentio вполнѣ неубѣдительны именно здѣсь, ибо наши документальные авторитеты недостаточны для исторіи Августова вѣка [2]), который во многомъ остается для насъ темнымъ — особенно съ 15-го года ante Chr. до 14-го post Chr. [3]), а для отдаленныхъ провинцій оказывается и еще болѣе загадочнымъ [4]). Наряду съ этимъ несомнѣнно, что — послѣ предшествующихъ смутъ — Римская держава была тогда не собственно законченнымъ государствомъ, но скорѣе civitas Romana съ комплексомъ разныхъ провинцій, которыя были связаны съ центромъ ничуть не безусловно и грозили отпасть или отколоться [5]). Необходимо было связать всѣ элементы въ цѣлостную массу со строгимъ соподчиненіемъ частей, для чего общій цензъ, или народоперепись были прямою необходимостію самого государственнаго устроенія [6]). И въ этомъ направленіи фактически развивалась систематическая и всесторонняя дѣятельность. Перепись римскихъ гражданъ, регулярно повторявшаяся, связывалась съ земельно - измѣрительными предпріятіями, а провинціи подвергались этимъ операціямъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ— статистическомъ, фискальномъ и т. п. [7]). Тутъ обязателенъ общій планъ, и по-

---

[1]) V. Harthausen, Augustus und seine Zeit I, 2 (Leipzig 1886), S. 923. Prof. Th. Momsen, Römisches Staatsrecht II, I (Leipzig [2]1887), S. 417.

[2]) Prof. W. William Sanday въ A. Dictionary of the Bilde ed. by James Hastings, vol. II (Edinburgh 1902), p. 646 *a*.

[3]) Prof. Sir W. M. Ramsay, Luke's Narrative of Christ въ „The Expositor" 1912, XI, p. 387.

[4]) Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? A Study on the Credibility of St. Luke. London 1898. P. 49.

[5]) Prof. Dr. Moritz von Aberle въ „Theologische Quartalschrift" 1874, IV, S. 663.

[6]) V. Garthausen, Augustus und seine Zeit I, 2, S. 913: „eine allgemeine Schatzung oder Volkszählung war für die Constituirung des Kaiserreiches . . . dringendes Belürfniss".

[7]) Kubitschek y Pauly-Wissowa, Real Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft III, 2 (Stuttgart 1899), Sp. 1918. Joachim Marquardt, Römische Staatsverwaltung II (Leipzig [2]1884), S. 212 ff. H. Lecoultre, De censu Quriniano, p. 31. Prof. Horatio Marucchi въ Dictionnaire de la Bible, pubbliée par F. Vigouroux, vol. II (Paris

тому учеными основательно допускается, что возможенъ касательно повсюдной переписи особый декретъ отъ 727 г., а С. U. (27 г. до р. Хр.) или отъ 723-го (23 до р. Хр.) — со времени раздѣленія провинцій на сенатскія и императорскія по принятіи Августомъ проконсульскаго достоинства (proconsulare imperium)[1], или же съ момента полученія имъ трибунской власти (tribunica potestas)[2]. Но, разумѣется, данный приказъ не могъ осуществиться разомъ и примѣнялся на пространствѣ всей имперіи длительно, разновременно и многообразно. Отсюда неудивительно, что до Іудеи онъ могъ дойти и сталъ исполняться здѣсь лишь около Рождества Христова. Тогда допустимо, что въ замѣткѣ о повелѣніи Кесаря Лука предполагаетъ (II, 1) именно этотъ данный актъ[3], который былъ „догма",или спеціальнымъ публичнымъ декретомъ[4]. Однако весь контекстъ рѣчи выразительно внушаетъ, что изображаемая перепись была при Квириніи въ силу упомянутаго Кесарева приказа; почему разобщать эти моменты на 20-25 лѣтъ экзегетически неудобно и фактически ненужно, ибо подобный актъ ничуть не умѣстнѣе во главѣ цензоваго процесса, чѣмъ во время его. Гораздо вѣроятнѣе, что съ накопленіемъ частныхъ наблюденій и на основаніи ихъ было предпринято объединяющее обозрѣніе. И ничто не препятствуетъ такому мнѣнію. Давно надо бы объявить экзегетическою аксіомой, что πᾶσα ἡ οἰκουμένη (Лк. II, 1) означаетъ Римскую имперію въ Orbis Romanus, — и отнесеніе этого реченія ко „всему міру"[5]) грубо навязываетъ священному историку вопіющій абсурдъ[6], а ограниче-

---

1899), col. 1188—1189. Josophus Knabenbauer, Evangelium secundum Lucam (Parisiis [2]1905), p. 108—110.

[1]) J. Marquardt, Römische Staatsverwaltung $II^2$, S. 212 ff. H. Lecoultre, De censu Quiriniano, p. 33. Rev. Septimus Buss, Roman Law and History in the New Testament (London 1901), p. sqq.

[2]) Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? p. 140, и въ „The Expositor" 1912, XI, p. 395. Prof. J. Rendel Harris, The Present State of the Controversy over the Place and Time of the Birth of Christ въ „The Exopositor" 1908, III, p. 217.

[3]) J. Marquardt. Römische Staatsverwaltung $II^2$, S. 211.

[4]) См. и Rev. A. Plummer, p. 47.

[5]) Такъ J Marquardt, Römische Staatsverwaltung $II^2$, S. 211 Anm.

[6]) См. Prof. Emil Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes $I^5$, S. 517 ff. 543. Dr. Alfons Mayer, Die Schatzung bei Christi Geburt in ihrer Beziehung zu Quirinus (Innsbruck 1908), S. 11. Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? p. 119.

ніе фразы одною Палестиной мотивируется лишь тенденціознымъ предубѣжденіемъ, яко бы Лука неосмысленно и сумбурно списалъ у Іосифа Флавія[1]). Вотъ тутъ и подчеркиваютъ, что еще въ 727 году а С. Ц. всѣ провинціи были раздѣлены на сенатскія и императорскія, и Августъ всецѣло распоряжался только вторыми, и его цензовое повелѣніе не могло захватывать первыя и простираться на „всю вселенную“. Однако Кесари всегда усвояли себѣ право финансоваго контроля и цензоваго вмѣшательства для всѣхъ областей[2]), юридически же могли достигать этого черезъ сенатъ, проведши тамъ нужный декретъ, который потомъ публиковался императорскимъ приказомъ[3]). И объ Августѣ безспорно, что постепенно онъ совмѣстилъ въ своемъ лицѣ всю государственно-правительственную компетенцію и фактически былъ полнымъ монархомъ, хотя не назывался таковымъ и по внѣшности уклонялся отъ этого[4]). Съ этой стороны отмѣчаемый Лукою указъ Кесаревъ теоретически дозволителенъ столько же за 20—25 лѣтъ до р. Хр., сколько и около него, а евангельскій текстъ больше требуетъ второго и этимъ достаточно гарантируется насчетъ упоминаемой переписи.

Но возражаютъ, что таковая невозможна въ Іудеѣ, потому что она была не собственно провинціей, а являлась царствомъ съ независимымъ главою. Иродъ В. былъ rex socius и умѣлъ во всю свою жизнь сохранить это достоинство царской автономіи для себя и для подвѣдомой ему Палестины. Тутъ перепись, чувствительно нарушавшая эти привилегіи, рѣшительно немыслима до 759 г. — по низверженіи Архелая[5]) и у Луки сообщается ложно или ошибочно[6]). Однако нельзя преувеличивать значенія подобныхъ

---

[1]) Такъ Prof. Fr. Spitta въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ VII (1906), 4. S. 293—294; ср. и Max Krenkel, Josephus und Lucas, S. 67.

[2]) См. и у Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes II⁵, S. 523,55.

[3]) A. Mayer, Die Schatzung bei Christi Geburt, S. 8.

[4]) См. Prof Joseph Felten, Neutestamentliche Zeitgeschiechte II (Regensburg 1910), S. 289—290. См. и проф. Э. Д. Гриммъ, Изслѣдованія по исторіи развитія Римской императорской власти, т. I, (Спб. 1900), стр. 219 сл.

[5]) H. Lecoultre, De censu Quiriniano, p. 82, 84.

[6]) Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes I⁵, S. 525 ff., и въ „Theologische Literarurzeitung“ 1899 Nr. 25, Sp. 679. Prof. Fr. Spitta въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ VII (1906), 4, S. 292. Rev. Joseph Horner, The Gospels of Matthew and Luke: a Vindication of their Agree-

„союзниковъ“ [1]), иногда имѣвшихъ это имя только по обязанности содержать вспомогательныя войска (socii или auxilia въ отличіе отъ legiones) [2]), носившихъ лишь titulus sine re и слѣдовавшихъ всѣмъ мановеніямъ Кесаря [3]), которому Иродъ В. долженъ былъ служить и угождать [4]), ибо приходилось жить больше его милостію, чѣмъ своимъ правомъ [5]). Иродъ В. не былъ царемъ прирожденнымъ, а собственно—по Senatus et Caesaris beneficio и держался только исключительно по amititia Августа. Опоры Иродовой царственности были настолько непрочны, что по случаю самостоятельно предпринятой войны противъ арабовъ Кесарь прямо писалъ (Jos. Flavii Antiqu. XVI, 9 : 3), что доселѣ онъ считалъ іудейскаго властелина другомъ, а теперь будетъ третировать за подчиненнаго (πάλαι χρώμενος αὐτῷ φίλῳ, νῦν ὑπηκόῳ χρήσεται), которому всегда грозило ниспасть на роль простого стипендіарія [6]).

По всему изложенному надо согласиться, что цензъ при Августѣ во владѣніяхъ Иродовыхъ ничуть не устранялся достоинствомъ regis secii [7]), исторически совершенно возможенъ и фактически вѣроятенъ [8]), какъ допускаютъ и нѣкоторые оппоненты Луки [9]). Совсѣмъ не опровергаетъ

---

ment and Accuracy as to Certain Dates and Order of Events (Pittsburg 1907), p. 22—23. Проф. Гр. Эд. Зенгеръ, Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ (Варшава 1889), стр. 125,1 .

[1]) Такъ и Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes II[5], S. 401 ff.

[2]) См Prof. Moritz von Aberle въ „Theologische Quartalschrift“ 1874, IV, S. 671.

[3]) Prof. Ludwig Hahn, Rom und Romanismus (Leipzig 1906), S. 90.

[4]) Ср. у проф. Я. А. Богородскаго, Объ Иродѣ такъ называемомъ Великомъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1896 г., ч. I, стр. 507, 518.

[5]) Prof. J. Felten, Neutestamentlische Zeitgeschichte I, S. 137—139.

[6]) Ср. Rev. Prof. (Bishup) Arthur C. Headlam, The Doctrine of the Church and Christian Reunion (London [2]1921), p. 11: „Herord's kingdom was felt to be illusion“.

[7]) См. Lic. Dr. Wandel, Der römische Statthalter C. Sentius Saturninus въ „Studien und Kritiken“ 1892, I, S. 129. R. P. Fr. M.-J. Lagrange въ „Revue biblique internationale“, N. S. VIII (1 Janvier 1911), p. 68-70.

[8]) R. S. Bour, L'inscription de Quirinius et le recensement de S. Luc (Rome 1897), p. 22—24. Rev. A. Plummer, A Commentary on the Gospel according to S. Luke, p. 48—49,50.

[9]) H. Lecoultre, De censo Quiriniano, p. 54.

этого вывода и неупоминаніе о переписи у Іосифа Флавія. Его освѣдомленность и пунктуальность тенденціозно преувеличивается, если говорятъ, что о послѣднихъ годахъ Иродова правленія, когда было Рождество Христово, онъ обладалъ подробными и точными данными [1]), будучи компетентенъ и по исторіи первосвященниковъ [2]). Фактически находимъ, что іудейскій историкъ скрупулёзенъ до несносности исключительно о семейныхъ дрязгахъ въ фамиліи Иродовой и о связанныхъ съ ними внѣшнихъ отношеніяхъ, но до крайности сухъ и совершенно недостаточенъ въ сообщеніяхъ о внутреннихъ дѣлахъ въ Палестинѣ и о финансово-экономическихъ условіяхъ. Разумѣется, нельзя было совсѣмъ не знать или случайно опустить важнѣйшій актъ переписи всей страны, однако и тутъ необходимо соображать, какъ большинство оппонентовъ Луки упорно твердитъ, что свидѣтельство Іосифа Флавія о Христѣ (Antiqu. XVIII, 3: 3) неподлинно, будучи позднѣйшею интерполяціей [3]). Неужели отсюда вытекаетъ, что Господа Спасителя фактически не было, и христіанство развилось „само собою", безъ мотивирующаго индивидуальнаго посредства? Не правильнѣе ли думать, что іудейскій историкъ хорошо зналъ о Христѣ и именно потому умолчалъ о Немъ съ тою же умышленностію, съ которою, предавая забвенію личность Апостола Павла [4]), молчатъ о семъ и раввинско іудейскіе документы [5])? Всѣмъ имъ хотѣлось не сохранить, а изгладить память о Томъ, Кто былъ ихъ страшнымъ обличителемъ и окончательнымъ сокрушителемъ. Но, говоря о (первой) Квириніевой переписи, трудно было уклониться отъ рѣчей о Христѣ, между тѣмъ Іосифъ Флавій не хотѣлъ трогать этого предмета, почему вынуждался замолчать и ее. Это были два связанныя звена, — и, скрывая одно, необходимо было прятать и другое.

Въ результатѣ всѣ возраженія устраняются или ослабляются, и дальше требуется лишь выяснить фактическую возможность этого вѣроятнаго ценза. Здѣсь проф. W. M. Ramsay извлекаетъ изъ египетскихъ папирусовъ, что регулярно производились двоякія переписи: ежегодно — иму-

---

[1]) Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes, I [5], S. 531.

[2]) Prof. E. Schürer ibid. I [5], S. 542.

[3]) Prof. E. Schürer ibid. I [5], S. 544—549.

[4]) См. о семъ у проф. Н. Н Глубоковскаго, Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу I (Спб. 1905), стр. XXVI, 148 сл.; II (Спб. 1910), стр. 804, 808 (и прим. 2259), 853, 142, 1274—1275.

[5]) См. у проф. Н. Н. Глубоковскаго, ibid. II, стр. 84, 178, 428.

щественныя и черезъ 14 лѣтъ — подомовыя или, технически, αἱ κατ' οἰκίαν ἀπογραφαί, совершавшіяся въ пятнадцатомъ году, чтобы можно было занести и родившихся въ концѣ цензоваго цикла. Если примѣнить эту процедуру къ Палестинѣ, то второй Квиринiевъ цензъ вполнѣ подойдетъ къ ней, а первый упадетъ на 9-й годъ до нашей эры [1]. Послѣднимъ обстоятельствомъ не нужно смущаться, ибо годъ рожденія Христова опредѣляется различно: большинство колеблется между седьмымъ (шестымъ) [2] и пятымъ [3], но допускаются: четвертый [4], десятый [5] и восьмой [6], включавшій и заключавшій періодъ по 9-й годъ [7].

Дальше остается принять, что разумѣемый у Луки цензъ не случайно совпалъ потомъ съ удаленіемъ Архелая, а детронизація его намѣренно пріурочена къ переписи. Участь этого „этнарха“ была рѣшена раньше, но Римъ, опытно зная мятежный духъ іудейства, постарался избѣгнуть особыхъ затрудненій и ради сего воспользовался для Палестины рядовою государственно-статистическою ревизіей, куда Квириніевъ цензъ въ Іудеѣ выходилъ лишь частію цѣлаго плана. По указаніямъ Іосифа Флавія (Antiqu. XVII, 13: 5. XVIII, 1: 1; 2: 1) получаются здѣсь такія градаціи: 1) перепись по всей Сиріи, 2) распространеніе ея на Іудею 3) и особое примѣненіе къ наслѣдству послѣ Архелая. Въ этомъ видѣ ἀπογραφή достаточно подтверждается надписью fragmentum Orsato или titulus Venetus [8], гдѣ прямо сообщается

---

[1] См. Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? p. 158, 191, 198, 215.

[2] Hans-Hermann Kritzinger, Der Stern der Weisen (Gütersloh 1911), S. 98, 101 ff.

[3] Carl Mommert, Zur Chronologie des Lebens Jesu (Leipzig 1909), S. 195. Prof. Heinrich G. Voigt, Die Geschichte Jesu und die Astrologie (Leipzig 1911), S. 136 ff.

[4] Wm. Weber, Der Census des Quirinius nach Josephus въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ X (1909), 4, S. 319.

[5] Pfarrer J. van Bebber, Zur Chronologie des Lebens Jesu (Münster i W. 1898), S. 137, 143, 130.

[6] Lieut.-Col. G. Mackinlay, The Magi (London 1907), p. 135 sqq., 161, 168, 177; IX—X.

[7] Prof. W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1912, XI, p. 395.

[8] Эта надпись, изъ Бейрута попавшая въ Венецію, впервые скопирована въ 1674 г. Sertorius Ursatus Падуанскимъ и опубликована послѣ его смерти въ 1719 г., вторая и большая часть найдена инженеромъ Seguso въ 1880 г.; вся она теперь признается подлинною и обыкновенно относится къ первому намѣстничеству Квиринія въ Сиріи. См. Prof. Horazio Marucchi y F. Vigouraux, Diction-

что нѣкій Эмилій Секундъ по приказу С. Квириніи произвелъ цензъ въ Апамеѣ (idem jussu Quirini censum egi Apameae civitatis) и зарегистрировалъ 17.000 человѣкъ гражданъ.

Значитъ, Квириніева перепись была не случайной или экстраординарной, а нормальной и велась по свойственнымъ ей началамъ. Согласно имъ, цикловыя регистраціи совершались по мѣсту происхожденія, — и это было настолько обязательнымъ требованіемъ, что формально предписывалось всѣмъ гражданамъ собираться именно туда, о чемъ свидѣтельствуетъ приказъ префекта Египта G. Vibius Maximus отъ 104 г. по р. Хр., „чтобы въ виду переписи (ἀπογραφή) всѣ, кто по какой либо причинѣ находится внѣ своего округа (νόμος), возвратились къ своимъ (родовымъ) домашнимъ очагамъ (εἰς τὰ ἑαυτῶν ἐφέστια), дабы дать обычныя показанія (объявленія) для переписи и обрабатывать свой участокъ“. Тутъ примѣнялся принципъ ἰδία, по которому каждый человѣкъ долженъ былъ имѣть свою собственную сферу дѣятельности и прикрѣплялся къ ней, а это было именно мѣсто происхожденія (forum originis), служившее для личнаго лица его ἰδία [1]). Соотвѣтственно сему мы должны принять, что Іосифъ былъ Виѳлеемляниномъ по происхожденію, но по разнымъ причинамъ (напр., изъ-за своего ремесла) проживалъ въ Назаретѣ и потому для переписи обязывался идти въ Виѳлеемъ, ибо для рода Давидова тамъ былъ корень и той вѣтви, къ которой принадлежалъ обручникъ Маріинъ (Лк. II, 4); по этой же причинѣ онъ хотѣлъ вернуться изъ Египта именно въ этотъ городъ и лишь изъ боязни Архелая устроился въ Назаретѣ, знакомомъ и близкомъ ему по прежнему проживанію (Мѳ. II, 22 — 23). Если Приснодѣва имѣла независимую собственность въ Виѳлеемѣ, то она одинаково подпадала закону о ἰδία, должна была записаться сама [2]) и внести въ цензовую регистрацію рожденнаго Богомладенца [3]). Но не менѣе вѣроятно, что Богоматерь была взята въ виду ея положенія, по которому неудобно было Іосифу оставлять ее одну въ Назаретѣ [4]).

---

naire de la Bible II, col. 1187; R. S. Bour, L'inscription de Quirinius, p. 35 — 36; Prof. Th. Zahn въ „Neue Kirchliche Zeitschrift“ VI, (1893), 8, S. 647—649, и Einleitung in das N. T. II³, S. 131.

[1]) См. у проф. Н. Н. Глубоковскаго, О Квириніевой переписи, стр. 36 39.

[2]) Tertulliani Adv. Judaeos IX (Migne lat. II, col. 624): fuit enim de patria Bethlehem et de domo David, sicut apud Romanos in censu descripta est Maria, ex qua nascitur Christus.

[3]) R. S. Bour, L'inscription de Quirinius, p. 26.

[4]) Prof. Th. Zahn, Das Evangelium des Lukas I, S. 127—129.

Пока все вполнѣ благополучно. Надо лишь доказать присутствіе и участіе *Квиринія*, какъ намѣстника Сиріи, въ бывшемъ при Иродѣ В. цензѣ. Но такого сановника за данное время не отыскивается, *или* его допускаютъ предположительно и немного позднѣе, около 3 — 2 года до р. Хр. Поэтому нѣкоторые считаютъ, что игемонъ Квириній былъ не собственно намѣстникомъ Сирійскомъ, а лишь спеціальнымъ императорскимъ уполномоченнымъ, производившимъ перепись при нормальномъ сановникѣ [1]), другіе же думаютъ, что онъ тогда былъ временно отвлеченъ съ Сирійской территоріи для военныхъ операцій въ Киликіи противъ мятежнаго племени Омонадовъ и уступилъ внутреннее управленіе провинціей гражданскому представителю.(Сатурнину или Кв. Вару), а Лукою называется потому, что — въ качествѣ чрезвычайнаго легата — былъ въ Сиріи короче и точнѣе опредѣлялъ цензовый моментъ [2]). Тутъ получаетъ свою цѣнность и единичное упоминаніе Тертулліана, ссылающагося на „римскіе архивы“ (Adv. Marc. IV, 7), что цензъ при Августѣ былъ совершенъ въ Іудеѣ Сенціемъ Сатурниномъ, и при немъ родился Христосъ (ibid. IV, 19). Все это правдоподобныя возможности, но, къ сожалѣнію, ихъ слишкомъ много, а реальныхъ опоръ — никакихъ. Несомнѣнно лишь стремленіе спасти Евангельскій текстъ, однако и онъ не оказываетъ желательной помощи. У Луки констатируется государственно-начальственное отношеніе названнаго правителя къ Сиріи, какъ римской провинціи Августовой, а въ этой комбинаціи мыслимы здѣсь единственно намѣстники. Вотъ теперь и является новая препона, что за разсматриваемый періодъ не находится мѣста для нашего Publius Sulpicius Quirinius, ибо Сирійскими намѣстниками были: M. Ticius около 10 года (между 742 и 750 a C. И.) до р. Хр., C. Sentius Saturninus 9 — 6 г. г. (въ 744 или 746 — 748 a C. И.), P. Quintiluis Varus 6 — 4, даже—3 г. г. (до осени 750 г. ?). Однако—наряду съ этимъ—должно сознаться, что всѣ эти даты — вовсе не абсолютныя, а относительныя настолько, что, напр., вполнѣ дозволительно подвинуть къ 13 му году игемонство Тиція, Сатурниново же приблизить къ 6 му: — тогда будетъ достаточно простора въ промежутокъ 10 — 8 годовъ, куда удобно пріурочивается и Рождество Христово при Квириніѣ. Да и позд-

---

[1]) Rev.A. Plummer, A Commentary, p. 51, и въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings IV, p. 1835. Cp. Prof. Th. Zahn, Das Evangelium des Lucas I, S. 134—135, и проф. М. Д. Муретовъ въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ 1884 г., ч, XXXIV, стр. 650.

[2]) Prof, W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1897, VI, p. 431, и Was Christ born at Bethlehem? p. 238, 246.

нѣе вовсе не безусловно до несомнѣнности, что Варъ прямо смѣнилъ Сатурнина [1]), хотя такъ констатируется у Іосифа Флавія.

Теперь мы получаемъ нѣкоторое мѣсто для Квириніева легатства, но есть еще для него другія комбинаціи, гдѣ примиряются и данныя Теэтулліана, что et census constat actos sub Augusto nunc in Iudaea per Sentium Saturninum, apud quos genus ejus (Jesu Christi) inquirere potuissent (Adv. Marcionem IV, 19). Сирійскіе правители чередовались, конечно, не съ механическою преемственностію непосредственнаго слѣдованія одного за другимъ. Новый легатъ далеко не всегда являлся въ свою провинцію немедленно по увольненіи предшественника и оставался тамъ не все время. Естественно, что тутъ извѣстное событіе дозволительно было опредѣлять обоими лицами, — и у Луки Рождество Христово пріурочено къ Квиринію, у Тертулліана къ Сатурнину. Не менѣе справедливо, что новый намѣстникъ, уже назначенный, далеко не сразу замѣнялъ прежняго, который и долженъ былъ отправлять всѣ обязанности до его пріѣзда, иногда весьма не скораго. Изъ этого проф. М. Аберле († 3 ноября 1876 г.) очень остроумно вывелъ, что при отмѣченной у третьяго синоптика переписи были два игемона — отставной decessor и опредѣленный ему преемникъ successor, почему совершенная при нихъ перепись могла обозначаться и первымъ и вторымъ, какъ въ Русской церкви назначенные на свою каѳедру епископы обыкновенно прибывали съ извѣстнымъ замедленіемъ, а епархіями временно вѣдали управляющіе (изъ викаріевъ или сосѣднихъ архіереевъ). Въ такихъ случаяхъ историческая память свободна была сохранить оба имени и датировать любымъ изъ нихъ. Мы не знаемъ, почему именно Лука избралъ Квиринія, но важно, что, говоря о своей переписи, какъ первой, Лука явно намекаетъ на вторую и разграничиваетъ отъ нея бывшую при Рождествѣ Христовомъ. Тогда вся сила замѣтки Евангельской и будетъ заключаться лишь въ этомъ хронологическомъ различеніи, чтобы не смѣшали оба ценза. А это послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, если очи одинаково назывались Квириніевыми. Для второго это понятно, но тоже допустимо и для перваго, что по какому-нибудь моменту (напр., по началу или по концу) Квириній соприкасался съ нимъ. Отсюда естественно рождались недоразумѣнія, — и въ серьезномъ историческомъ трудѣ умѣстны и даже обязательны предупреждающія замѣчанія, присут-

---

[1]) Такъ, Dr. Carl Mommert думаетъ, что Квириній былъ намѣстникомъ Сиріи въ 748—750 т. г. послѣ Сатурнина и передъ Варомъ (Zur Chronologie des Lebens Jesu, S. 194).

ствіе коихъ въ нашемъ Евангеліи говоритъ о его полной научной солидчости.

Въ итогѣ всего разслѣдованія получается, что всѣ возможности и всякія вѣроятія будутъ въ пользу Луки. Для обратнаго заключенія необходимы неотразимыя улики, и ихъ думаютъ находить[1]) въ III) усвоеніи Дѣеписателямъ Гамаліилу словъ, что прежде текущихъ дней (πρὸ τούτ ν τῶν ἡμερῶν) или раньше 30 года было смятеніе, возникшее изъ-за Θевды (Дѣян. V, 36), а по Іосифу Флавію (Antiqu. XX, 5:1) „пророкъ" этого имени вызвалъ замѣшательства лишь въ періодъ прокураторства Cuspius Fadus, т. е. не ранѣе 44 года по р. Хр. Но почему именно мы должны относить оба сказанія къ одному историческому событію? Особенности ихъ — скорѣе — не допускаютъ подобнаго отожествленія. По Лукѣ, Θевда агитировалъ прежде Іуды Галилеянина, поднявшаго возмущеніе еще до переписи, а изъ Іосифа Флавія мы знаемъ, что по поводу Квириніева ценза, бывшаго по удаленіи Архелая, произошло возстаніе Іуды Галилейскаго изъ Гамалы (Antiqu. XVIII, 1 : 1; Bell. jud. II, 8 : 1; 17 : 8). Очевидно, зарегистрированная Лукою смута была раннѣйшею, и ее нельзя сливать съ бывшимъ при Кустпіѣ Фадѣ мятежемъ, ибо характеристики ихъ далеко не совпадаютъ между собою. По описанію іудейскаго историка, тотъ Θевда былъ обманщикъ, объявившій себя за пророка и уговорившій много народа двинуться со всѣмъ имуществомъ къ Іордану, который яко бы разступиться по его слову (Antiqu. XVIII, 5 : 1). Лука же отмѣчаетъ только, что Θевда выдавалъ себя за кого-то великаго и увлекъ за собою около 400 человѣкъ. Сходство совсѣмъ не близкое, а хронологическая точность заставляетъ предположить у Дѣеписателя самобытный источникъ, который мы не въ правѣ унижать по сравненіи съ данными у Іосифа Флавія. И нѣтъ ни малѣйшей невѣроятности въ двойственной смутѣ двухъ соименниковъ на недлинномъ промежуткѣ времени, разъ іудейскій исторіографъ упоминаетъ о мятежническомъ покушеніи тоже Іуды Галилейскаго въ годъ смерти Иродовой (Bell. jud. II, 4: 1) и вообще свидѣтельствуетъ о многихъ замѣшательствахъ за этотъ періодъ (Antiqu. XVII, 10. 8; Bell. jud. II, 4: 1). Въ такомъ случаѣ изъ всего сличенія вытекаетъ развѣ независимость Евангелиста на счетъ Θевды отъ іудейскаго автора и фактически-хронологическая компетентность перваго.

Всѣ эти наблюденія вполнѣ оправдываютъ историческую пунктуальность Луки, какъ знатока современныхъ со-

[1]) Ср и Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes I[5], S. 556.

бытіямъ отношеній [1]), и находятъ совершенное подтвержденіе въ филологическихъ данныхъ, поскольку разность стиля говоритъ, конечно, объ особенной точности копированія. Нѣтъ спора, что приводимыя рѣчи значительно испытали на себѣ редакторскую руку [2]), — и однако она умѣетъ быть сдержанной, если не останавливается предъ немалымъ насиліемъ надъ привычнымъ изяществомъ. Отсюда и Евангеліе является менѣе обработаннымъ въ языковомъ отношеніи, чѣмъ книга Дѣяній [3]) и, разумѣется, потому, что — отдаленный отъ событій — писатель чувствовалъ себя связаннымъ наличными пособіями при своемъ евангельскомъ повѣствованіи. И когда подчеркиваютъ, яко бы даже по языку третье Евангеліе носитъ видъ компиляціи [4]) недоброкачественнаго свойства и отсылаетъ къ позднѣйшему автору, который не могъ овладѣть своимъ матеріаломъ [5]), то мы скорѣе должны согласиться, что этимъ удостовѣряется высокая добросовѣстность историческаго изображенія у Луки.

Теперь уже не трудно формулировать общій итогъ всего анализа въ примѣненіи къ оцѣнкѣ разсматриваемыхъ новозавѣтныхъ писаній. У третьяго синоптика оказываются даты, которыя пока не встрѣчаютъ прямыхъ подтвержденій, но въ равной мѣрѣ и не устраняются нимало другими категорическими свидѣтельствами. Посему, обогащая наши познанія, онѣ остаются добрымъ фактическимъ аргументомъ въ пользу исторической тщательности Луки, для котораго выясняется, что его труды, обильные содержаніемъ, имѣютъ достоинство хронологически-прагматической конструктивности. Тутъ не все удовлетворяетъ требованіямъ современной учености, однако въ совершенствѣ отвѣчаетъ общепринятому идеалу греческой исторіографіи [6]). Значитъ, этимъ вовсе не колеблется авторитетъ Луки, а только удостовѣряется, что ἀκρίβεια у него понимается поэллински, гдѣ не было обязательности къ детально-реалистическому и объективно-фотографическому воспроизведенію.

---

[1]) См. Dr. Jul. Röttig, Der Evangelist Lucas als Kenner der Verhältnisse seiner Zeit; zweite Auflage въ Halle a. S. у Eugen Strien безъ даты.

[2]) Th. Vogel, Zur Charakteristik . . . , S. [2]18—19.

[3]) Th. Vogel, Zur Charakteristik . . ., S. [2]15.

[4]) Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S. 207.

[5]) См. у Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI[3], S. 694—695.

[6]) Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 68[1]; Lukas der Arzt, S. 80.

Отсюда естественно вытекаетъ дальше, что и

## цѣль третьяго Евангелія

лежала не просто въ историческомъ изображеніи ради него самого. Объ этомъ позволительно заключать и по несомнѣннымъ пробѣламъ. Такъ, всѣ предварительныя свѣдѣнія и немало изъ обширнаго цикла рѣчей и притчей опускаются, а за періодъ страданій тоже не находится нѣкоторыхъ примѣчательныхъ эпизодовъ. Даже при тѣсномъ соприкосновеніи съ Маркомъ — Лука проходитъ молчаніемъ цѣлый промежутокъ отъ перваго до второго насыщенія, хотя едва ли не зналъ о немъ ничего. Для объясненія сего иногда ссылаются на бережливость, научную экономію Евангелиста, не желавшаго загромождать свою книгу излишнимъ балластомъ, когда имѣлись параллельные разсказы [1]); однако данный принципъ не оправдывается фактически, если мы видимъ, что существенные пропуски не вознаграждаются достаточно хотя бы отчетливыми намеками. Скорѣе — тутъ проглядываетъ спеціальная тенденція, изъ-за которой устраняется непригодный матеріалъ и именно такой, откуда могли бы выводить о противоположности іудеевъ и язычниковъ предъ благодатію. Нѣчто аналогичное усматривается и въ хронологіи. Помимо общихъ и довольно неопредѣленныхъ выраженій, — въ ней для иллюстраціи полезно обратить вниманіе на IV, 16—30 и IX, 57—62. Допуская, что разумѣемое здѣсь пребываніе въ Назаретѣ тожественно съ упоминаемымъ у другихъ синоптиковъ (Мѳ. IV, 13. XIII, 54 сл. Мрк. VI, 1 сл.) мы будемъ имѣть пробѣлъ между приходомъ Христа въ этотъ городъ и отвержаніемъ Его Назаретянами, почему послѣднее событіе и исцѣленіе тещи Симоновой (Лк. IV, 38 и ср. Мѳ. VIII, 14. Мрк. I, 29) являются занесенными слишкомъ рано. Сжатость разсказа, свободно допускающая вставку относящихся сюда фактовъ [2]), не позволяетъ считать этотъ пробѣлъ за простое невѣдѣніе и вынуждаетъ догадываться объ особыхъ замыслахъ Евангелиста. Потому не безъ увѣренности можно полагать, что онъ хотѣлъ внушить читателямъ, какъ спасительная проповѣдь — въ духѣ ветхозавѣтнаго промышленія Бога Израилева — сразу же была провозглашена въ своемъ всеобъемлющемъ

---

[1]) См. A. Resch въ „Jahrbücher für deutsche Theologie“ 1876, S. 659. Тоже H. J. Holtzmann, Simons, Scholten и др. См. и Prof. James Moffatt, An Introduction. p. 281 о „law of parsimony“ у св. Луки.

[2]) См. Rud. Cornely, Introductio specialis in singulos Novi Testamenti libros, p. 112—113, not. 3.

значеніи, хотя направлялась прежде всего къ сынамъ обѣтованія, и какъ истинныя чада Авраамовы пользовались всѣми благами искупительной милости, внимая голосу Господа. Всѣ имѣютъ право на спасительное возрожденіе, но условіемъ къ сему служатъ всецѣлая преданность уничиженному Сыну человѣческому и отрѣшеніе отъ мірскихъ расчетовъ. Соотвѣтственно этой идеѣ эпизодъ о желавшей и приглашаемой слѣдовать за Христомъ личностяхъ (Лк. IX, 57—62) Лука передаетъ въ иной связи (ср. Мѳ. VIII, 19 сл.) — для нагляднаго оттѣненія своей концепціи о свойствахъ царства Божія и о качествахъ его истинныхъ членовъ, какъ это и раскрывается далѣе въ рядѣ дидактическихъ отрывковъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ чистую исторіографическую лѣтописность нельзя считать прямою цѣлію третьяго Евангелія, хотя наличность хронологической конструктивности уже въ обще-синоптической первооснов ѣ было бы несправедливо наклонять къ умаленію достоинствъ Луки [1]), разъ другіе не достигли его совершенства. Такого „безприкладнаго" объективизма не допускала самая предначертанная задача, какъ его требовала и тогдашняя исторіографія [2]). Все сосредоточивалось на томъ, чтобы καθεξῆς γράψαι, — на точномъ воспроизведеніи хода событій въ ихъ подлинной преемственности до своего завершенія. Послѣднее же, являясь полнотой со стороны реальнаго выраженія функціонирующаго принципа, бываетъ для него и убѣждающимъ, ибо удостовѣряетъ конкретно его важность и благотворность. Понятно, что къ этому именно фокусу должно было устремляться и самое историческое повѣствованіе. Отсюда прямымъ и исходнымъ замысломъ Евангелиста по отношенію къ Ѳеофилу констатируется, ἵνα ἐπιγνῷς περὶ ὧν κατηχήθης λόγων τὴν ἀσφάλειαν. Конечное стремленіе писателя хорошо характеризуется взятымъ глаголомъ, который употребляется для познанія детальнаго, отчетливаго для всѣхъ частностей предмета (ср. Мѳ. XI, 27. Рим. I, 28, 32. 1 Кор. XIII, 12) и потому неразрывнаго отъ глубочайшаго признанія, которое въ объективной несомнѣнности почерпаетъ субъективную убѣжденность въ своей истинности [3]). Тогда неизбѣжнымъ результатомъ бываетъ ἡ ἀσφάλεια. Это не простая безошибочность твердаго вѣдѣнія, но она сообщаетъ свою несокрушимость обладателю, который становится прочно обезпеченнымъ въ своихъ упованіяхъ (ср. Дѣян. V, 23), совершенно гарантированнымъ въ полной непогрѣшительности противъ всякихъ опасностей (ср. 1 Ѳесс. V, 3) внѣшняго разгрома, или внутренняго крушенія. Посему разсказъ Луки

---

[1]) Ср. Rev. A. Plummer, p. XLI.

[2]) См. Rev. A. Plummer, p. XLVIII.

[3]) Ср. Proff. J. H. Moulton and George Milligan, A Vocabulary of the Greek Testament, p. 236—237.

долженъ былъ внушать фактически обоснованную и рѣшительную убѣжденность въ предметѣ рѣчи. Таковой описывается въ предложеніи не совсѣмъ обычнаго грамматическаго сочетанія. Построеніе ведется по аттракціи, которая разрѣшается различно. Одни проектируютъ: τῶν λόγων, περὶ ὧν κατηχήθης. Конечно, слово ἀσφάλεια прямо связывается съ генитивомъ (Xenoph. Memor. IV, 6, 15: ἀσφάλεια τοῦ λόγου), но лишь потому, что въ подобныхъ случаяхъ указывается опредѣленіе извѣстной мысли, которая безъ него бываетъ неясною, между тѣмъ у Евангелиста все удареніе сосредоточивается на моментѣ „утвержденія" въ томъ, что для заинтересованныхъ тутъ персонажей вполнѣ понятно. Затѣмъ, и κατηχέω допускаетъ при себѣ περί съ род. п. только для лицъ (Дѣян. XXI, 21, 24), а ближайшій его объектъ всегда выражается аккузативомъ или чрезъ ὅτι, почему еще болѣе искусственна редакція περὶ τῶν λόγων, περὶ ὧν κτλ. Гораздо резоннѣе принять конструкцію περὶ τῶν λόγων, οὓς κατηχήθης. Въ ней прямѣе подчеркивается, что ἀσφάλεια вовсе не постулируетъ къ существовавшему ранѣе сомнѣнію въ λόγοι, которое яко бы лишь теперь пріобрѣтаютъ себѣ опору. Нѣтъ, — увѣренность разсчитана именно на эти „слова", какъ уже воспринятыя въ такомъ достоинствѣ, что дальше для нихъ желательно лишь разительное обоснованіе. Тогда все недоумѣніе могло быть развѣ въ томъ, что они пока не оправдываются реальнымъ соотвѣтствіемъ и требуютъ аргументаціи въ подборѣ фактовъ. Посему эти λόγοι не покрываются πράγματα (ст. 1) и будутъ словесными поученіями о послѣднихъ. Подлинныя событія ни для кого не были нуждающимися въ подтвержденіи и — напротивъ — сами сообщаютъ незыблимую твердость. По силѣ этого задача Луки должна заключаться въ фактическомъ обезпеченіи христіанскаго пониманія, полученнаго въ первоначальномъ христіанскомъ оглашеніи. Въ этомъ пунктѣ разсматриваемое писаніе тожественно съ катехизисомъ по намѣренію, но отличается отъ него солидностію фактической аргументаціи. Слѣдовательно, внутренняя цѣль третьяго Евангелія до точности совпадаетъ съ задачами благовѣстнической христіанской проповѣди, чтобы всѣхъ довести до незыблемаго познанія, признанія и усвоенія благодатно христіанской спасительности въ той мѣрѣ и степени и въ томъ объемѣ, въ какихъ обладаютъ ею самыя событія Евангельской исторіи.

Эта цѣль заимствуется изъ самыхъ фактовъ, изъ присущей имъ убѣдительности, наглядно обнаруживающейся при ихъ историческомъ завершеніи. Этимъ напередъ отвергается всякая искусственная тенденціозность даже въ смыслѣ пользованія матеріаломъ для особыхъ интересовъ, въ немъ прямо не содержащихся. Тутъ намъ данъ прочный

фундаментъ при обсужденiи разныхъ теорiй по этому предмету. Если все почерпается въ самой исторической дѣйствительности и направляется къ ея правильному воспроизведенiю, то здѣсь не можетъ быть узко личныхъ цѣлей. Ихъ стараются иногда открыть по связи съ упоминанiемъ имени Θеофила. Почитая послѣдняго за высокопоставленнаго сановника, догадываются, что Лука хотѣлъ воспользоваться его влiянiемъ для своихъ непосредственныхъ потребностей. Въ этомъ духѣ комментируется и темное упоминанiе Мураторiева каталога о какой-то юридической компетентности спутника Павлова, которая точнѣе квалифицируется при отожествленiи juris studiosum secundum фрагментиста съ греч. νομικός [1]). Отсюда дальше заключаютъ, что оба писанiя Луки были аппелляцiонными прошенiями въ пользу обвиняемаго Апостола предъ судомъ Нерона [2]) во время самаго процесса [3]) чрезъ посредство или чрезъ привлеченiе на свою сторону столь виднаго чиновника [4]). Другiе только расширяютъ объектъ этого юридическаго попеченiя и думаютъ, что третье Евангелiе было вторичною апологiей того благовѣстiя, за которое всю жизнь былъ первымъ и горячимъ борцомъ самъ св. Павелъ [5]). Иные сливаютъ оба эти момента, говоря, что это есть „защита дѣла христiанства и Павлова" [6]), или оправданiе языческой миссiи [7]) юридическимъ путемъ и методомъ въ томъ смыслѣ, что новая вѣра имѣетъ всѣ права religionis licitae и ея провозвѣстникъ не долженъ вызывать ни тревожныхъ подозрѣнiй, ни судебныхъ преслѣдованiй.

Во всѣхъ этихъ сужденiяхъ и построенiяхъ много преувеличенiя. Конечно, въ Лукѣ замѣтно проглядываетъ свѣдующiй въ юриспруденцiя человѣкъ, и уже Тертуллiанъ какъ будто усвоялъ третьему Евангелiю юридически апологетическiя свойства, называя его (— вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ Иринея Contra Marc. IV, 2, 5 —) техническимъ

---

[1]) Prof. Moritz von Aberle въ „Theologishe Quartalschrift" 1863, S. 94,1 ff.

[2]) См. у Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 304.

[3]) J. I. Still, St. Paul on Trial: New Reading of the History in the Book of Acts and the Pauline Epistles, London 1923.

[4]) Prof. M. v. Aberle, Einleitung in das N. T., S. 62 ff.

[5]) Prof. Paul Schanz, Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas, S. 5,6. Для Книги Дѣянiй см. John Kelman въ „The Expository Times" XIII, 2 (November 1901), p. 77*a*.

[6]) Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T., S. ²132 и ср. 125, 146, 169.

[7]) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. ²45—46.

терминомъ digestum (Adv. Marc. IV, 5: M. lat. II, 366), т. е. систематически подобраннымъ юридическимъ сборникомъ. При всемъ томъ еще болѣе несомнѣнно, что у третьяго синоптика юридическій элементъ не выступаетъ съ такимъ преобладаніемъ и потому не могъ получать доминирующей роли въ авторскихъ планахъ. И у него мы читаемъ, что новое Евангельское изображеніе стремится восполнить недостаточность первоначальнаго катихизиса, который нуждался въ обезпеченіи и обоснованіи. Ясно, что всѣ запросы исходятъ не отъ самаго ученія и не отъ учителей, а отъ воспринимающихъ и слушающихъ. По этой причинѣ для доктрины и ея провозвѣстниковъ не предполагается и прямой надобности въ апологетическихъ огражденіяхъ, какъ выше было констатировано, что Евангельскіе факты убѣждаютъ самымъ своимъ историческимъ раскрытіемъ, вызывающимъ почтеніе къ ихъ побѣдной энергіи. Посему нельзя переносить центръ тяжести на дѣло и дѣятелей, а тогда исчезаютъ всякія предпосылки для гипотезъ о пристрастной тенденціозности или предумышленности построеній. Этимъ въ корнѣ подрываются всѣ теоріи о партикуляристическомъ павлинизмѣ Луки. Теперь онѣ уже не провозглашаются съ прежнею рѣзкостію и встрѣчаютъ достаточную оппозицію [1]), однако эти отрицанія иногда покоятся просто на предположеніи, что подобныя павлинистическія теченія заключались въ самомъ позднѣйшемъ христіанскомъ созерцаніи, которое Лука лишь отражаетъ съ извѣстною точностію [2]). Сущность вопроса отъ этого совсѣмъ не мѣняется. Онъ остается въ прежнемъ своемъ содержаніи и съ обычною неудовлетворительностію, неизбѣжною при всякой предзанятости. Тутъ заранѣе допускается, что св. Павелъ былъ благовѣстникомъ партійнымъ, глубоко отличнымъ отъ „самовидцевъ“ по духу своихъ воззрѣній, эллински свободныхъ. Этотъ тезисъ пріобрѣлъ въ нѣкоторыхъ кругахъ аксіоматическую внушительность, но примѣненіе его къ разсматриваемому конкретному случаю и служитъ для него нагляднымъ изобличеніемъ. Этой индивидуалистической окраски совсѣмъ нѣтъ въ обоихъ писаніяхъ, а — напротивъ — встрѣчается въ нихъ много такого, что радикально противорѣ-

---

[1]) Ср. у Arnold Meyer, Die Moderne Forschung über die Geschichte des Urchristentums (Freiburg i. Br. 1898), S. 63. A Prof James Moffatt прямо констатируетъ насчетъ Луки (An Iotroduction, p. 281), что „one of the most assured results of recent research is that he was not Paulinist, masquering as a historian“.

[2]) Ср. Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S 203—204, 263.

читъ сему, ибо — при ощутительномъ ветхозавѣтно-евраистическомъ колоритѣ — часто и энергически констатируется внутреннее сродство христіанства съ божественнымъ домостроительствомъ во Израилѣ. И если критики отсѣкаютъ эти части третьяго Евангелія и возвращаются къ тексту Маркіона, то здѣсь лишь фактическое доказательство, что неправда всегда ведетъ къ насилію. Въ нашемъ примѣрѣ это тѣмъ неотразимѣе, что у третьяго синоптика и въ книгѣ Дѣяній не видно прямыхъ слѣдовъ непосредственнаго вліянія Павлова[1]) даже въ подборѣ и освѣщеніи фактическаго матеріала. Это — безспорная истина, поелику едва ли позволительно сомнѣваться, что авторъ совсѣмъ не пользовался посланіями Павловыми, какъ источникомъ среди другихъ пособій[2]). Но историческій Лука долженъ былъ знать объ этихъ драгоцѣнныхъ документахъ и былъ бы обязанъ непремѣнно утилизировать ихъ, еслибы онъ считалъ Павла носителемъ особыхъ доктринъ и желалъ быть самъ партизанскимъ распространителемъ ихъ, а Лука апокрифическій являлся бы продуктомъ павлинистическаго движенія и по необходимости отражалъ бы всѣ его типическія черты, которыя отлились въ Павловыхъ писаніяхъ. Глубокое воздѣйствіе послѣднихъ на труды священнаго историографа одинаково требуется при обоихъ пониманіяхъ, но этого тамъ нѣтъ въ желательной для теоріи степени. Въ этомъ отношеніи доходятъ даже до такой крайности, яко бы Лука вовсе и не былъ павлинистомъ, хотя зналъ и примѣнялъ павлинизмъ, который сохранился лишь у Маркіона, да и то въ извращенномъ видѣ[3]). И причина сего въ томъ, что Павелъ „былъ и остался іудеемъ“ [4]) и,слѣдовательно, развиваетъ и утверждаетъ іудейскій, ветхозавѣтно теократическій универсализмъ. Лука, чуждый іудейской крови и теократическаго умонастроенія, не могъ смотрѣть съ такой точки зрѣнія; это былъ эллинъ съ глубокою личною проникновенностію іудейскимъ первохристіанствомъ, которое онъ и претворялъ въ универсализмъ эллинскій[5]). Здѣсь больше субъективнаго остроумія, чѣмъ объективной серь-

---

[1]) Ср. Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. [2]11.

[2]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[3], S. 414 ff. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 300.

[3]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 101: „Er (Lucas) ist kein Pauliner, aber er zeigt ganz deutlich, dass er den Paulinismus kennt und aus ihm schöpft“.

[4]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 181, хотя „durch den Ausdruck 'Ιουδαῖοί τε καὶ Ἕλληνες ist Lucas als Pauliner charakterisiert“ (S. 56)...

[5]) Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 103.

езности. Единымъ для обоихъ отличіемъ былъ универсализмъ, но можно ли говорить, что для одного онъ былъ іудейскій, для другого эллинскій? Разумѣется, нѣтъ, потому что это эпитеты—ограничительные и не свойственные самой природѣ универсализма, который при той и иной квалификаціи превратился бы просто въ іудейскій, либо въ эллинскій деспотизмъ, опирающійся на принужденіе и порабощеніе. Это абсолютно противорѣчитъ существу христіанства, и у него возможенъ былъ универсализмъ только собственный, отрѣшенный отъ всякихъ космическихъ стѣсненій и условностей, т. е. надмірный и божественный. Таковъ онъ въ равной степени и у Павла и у Луки. Правда, первый энергичнѣе выражаетъ свою приверженость къ истинному іудейству и пригодность для него христіанской универсальности, созидающей новаго Израиля, но Павелъ, все таки, по преимуществу былъ Апостоломъ языковъ и предлагалъ имъ неіудейское Евангеліе, приспособленное къ эллинскому воспріятію, хотя и обоснованное не на эллинскихъ предпосылкахъ, напр., натуральнаго сродства всего рода человѣческаго. Съ другой стороны, Лука особенно выдвигаетъ универсальную благость спасенія Христова, но во имя древнихъ завѣтовъ богоизбраннаго Израиля и на всѣхъ членовъ его простираетъ общее для всѣхъ искупленіе. Здѣсь разность оттѣнковъ лишь отчетливѣе обнаруживаетъ единство исповѣданія по единству исповѣдуемаго факта, лишь съ нѣкоторыми градаціями — созидающаго первоисточника у Павла и солидарнаго примѣненія у Луки. Эта соподчиненность обоихъ одному фактическому императиву и индивидуальныя особенности каждаго только ярче свидѣтельствуютъ, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть павлинистической тенденціозности ни у самаго учителя, ни у его ученика. Въ такомъ случаѣ окончательно крушатся критическія гаданія, будто произведенія Луки были плодомъ (благонамѣренныхъ) усилій павлиниста позднѣйшей формаціи къ примиренію двухъ партій, при чемъ онѣ обѣ живутъ совмѣстно, или же торжествующій ослабленный павлинизмъ ищетъ соглашенія съ историческимъ прошлымъ въ духѣ началъ возобладавшей каѳолической церкви [1]).

У писателя не обнаруживается иного приспособленія кромѣ возможной точности въ копированіи подлинныхъ явленій. Его „тенденціозность" будетъ лишь фактическою телеологичностію, а не предумышленнымъ прилаживаніемъ объективнаго содержанія къ несвойственнымъ цѣлямъ, изо-

———

[1]) Ср. у Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI[3], S. 694.

бличающимъ „узкаго апологиста“ [1]). Этимъ предрѣшаются сужденія объ эвіонитскомъ характерѣ третьяго Евангелія, въ которомъ ради такихъ интересовъ подчеркиваютъ, будто въ немъ чрезмѣрно унижается богатство чуть не по его натуральной злостности, а въ противовѣсъ ему восхваляются спасительность бѣдности и благотворность милостыни. Въ эту интерпретацію иногда вносятъ единственную поправку, что таково было общехристіанское убѣжденіе позднѣйшей исторіи [2]), но въ результатѣ все равно, исходитъ ли данный принципъ отъ одного или нѣсколькихъ лицъ. Что до его прочности, то она очень не высокой пробы. Факты подобнаго рода встрѣчаются у Луки, — только они не имѣютъ у него указанной теоретической крайности. Аргументъ сему въ томъ, что тожественные или аналогичные примѣры отмѣчаются всѣми синоптиками (Лк. V, 1 — 11 ср. Мѳ. IV, 18 — 22 и Мрк. I, 16 — 20; Лк. IV, 27 — 28 ср. Мѳ. IX, 9 и Мрк. II,14; Лк. XVIII, 25 ср. Мѳ. XIX, 24 и Мрк, X, 25), и этихъ случаевъ ничуть не меньше, чѣмъ исключительно свойственныхъ третьему Евангелисту, который опускаетъ немало элементовъ этой категоріи, упоминаемыхъ двумя первыми синоптиками (см. Мѳ. III, 4 и Мрк. 1, 6; Мѳ. XIII, 22 и Мрк. IV, 19; Мѳ. XIX, 29 и Мрк. X, 29), и принимаетъ эпизоды совсѣмъ обратнаго характера (Лк. XVIII, 20. XXII, 27. XXIII, 50 — 51. VIII, 3. I, 79). Выходитъ на повѣрку, что эвіонизмъ чуть ли не больше опровергается евангельскимъ текстомъ. Значитъ, гипотеза фальшива и не соотвѣтствуетъ предмету [3]).

Въ концѣ всего получается, что у Луки нѣтъ постороннихъ тенденцій [4]), и онъ не усвояетъ Евангельской исторіи особой знаменательности — сверхъ той, какая заключалась въ ней реально. А это суть божественныя дѣла съ неотлучною отъ нихъ убѣдительностію, которую только и должно въ цѣлости воспроизводить описаніе. Задачею послѣдняго можетъ быть лишь стремленіе пріобщить читателей къ подлинному источнику христіанской спасительности для безпрепятственнаго пользованія имъ. Тутъ Евангельская исторіографія совпадаетъ съ благовѣстническою катехетикой и одинаково направляется къ тому, чтобы обезпечить среди людей живое вліяніе „извѣствованнымъ вещамъ“ пропорціонально ихъ собственной важности и внутренней

---

[1]) Такъ Prof. P. W. Schmiedel въ „Theologische Literaturzeitung“ 1897 г., Nr. 27.

[2]) Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S. 205—206.

[3]) См. Rev. A. Plummer, p. XXV—XXVI.

[4]) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. [2]29.

энергіи, — только „символъ“ оглашенія теперь обосновывается съ научно-объективною подробностію. Этимъ самымъ

## ближайшее предназначеніе третьяго Евангелія

сводится къ размѣрамъ реальной значимости самаго историческаго факта. Такъ напередъ устраняется всякое индивидуальное пріуроченіе разсказа къ интересамъ одного лица. Правда, Лука аппелируетъ къ Ѳеофилу, но самое обращеніе это мотивируется у него объективными цѣлями, которыя не могли замыкаться въ столь тѣсномъ кругу, какъ и самая христіанско универсальная катихизація. Слѣдовательно, Ѳеофилъ является лишь ближайшимъ воспріемникомъ писанія для соотвѣтственнаго распространенія его въ качествѣ patronus libri. Своимъ посвященіемъ Евангелистъ ввѣрялъ названному сановнику судьбу своего труда по сохранности и вліянію — подобно Іосифу Флавію, который препоручалъ Епафродиту свою автобіографію (De vita, c. 76) и сочиненіе „Противъ Апіона“ (I, 1. II, 41). При отсутствіи теперешней издательской книжности такое посредничество было прямою необходимостію, часто указывавшее на матеріальное вспомоществованіе по изготовленію достаточнаго количества экземпляровъ данной книги и всегда предрѣшавшее, гдѣ будетъ циркулировать извѣстное произведеніе. Въ этомъ отношеніи уже древніе расширяли область примѣненія, считая имя Ѳеофила символическимъ для всѣхъ, кто любитъ Бога (Epiph. haer. XX, 7: M. gr. XLI, 900) или возлюбленъ отъ Него (Orig. in Luc. hom. 1: M. gr. XIII, 1804; Ambros. in Luc. I, 3). Но тонъ рѣчи не позволяетъ этого перетолкованія, и Θεόφιλος было nomen обычное у іудеевъ и весьма распространенное среди грековъ. Это, несомнѣнно, конкретная личность, и по ея характеристикѣ мы въ правѣ догадываться о сферѣ, на которую разсчитано третье Евангеліе. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши крайне скудны и неопредѣленны. Терминъ κράτιστος въ книгѣ Дѣяній устами св. Павла употребляется по отношенію къ прокураторамъ Феликсу (XXIII, 26. XXIV, 3) и Фесту (XXVI, 24), а другіе памятники прилагаютъ его даже къ императорамъ (напр., Тиверію въ апокрифическомъ донесеніи ему Пилата; ср. Cyrillia lex. Contra Juili. prooem.: ὁ κράτιστος Ἰουλιανός). Если иногда онъ и выражаетъ собственно любезность или дружбу (Theophr. Caract. 5. Dion. Hal. De oratoribus antiquis), то и тутъ съ одинаковымъ оттѣнкомъ въ цѣляхъ польстить кому-либо (Jos. Fl. Antiqu. IV, 6: 8; Contra Apion. I, 1) возвышеніемъ его фактическаго достоинства. Этотъ титулъ приравнивается къ оффиціально-чиновнымъ nobilissimus, illu-

strissimuss (ср. 2 Макк. IV, 12), хотя такое тожество не необходимо [1]). И св. I. Златоустъ, сопоставляя κράτιστος съ λαμρότατος, считаетъ Θеофила префектомъ, допустившимъ и патронировавшимъ апостольскую проповѣдь въ своемъ округѣ [2]), а нынѣ не рѣдко утверждаютъ, что онъ былъ, по крайней мѣрѣ, всадническаго ранга [3]) и занималъ видный государственный постъ [4]), напр., императорскаго намѣстника, ставшаго христіаниномъ во время отправленія этой должности подобно Кипрскому Сергію Павлу [5]). Въ этомъ нѣкоторые видятъ разгадку близости къ нему Луки, провозглашая послѣдняго вольноотпущенникомъ его [6]). Другіе усматриваютъ въ Θеофилѣ фискальнаго чиновника въ области Агриппы II [7]), а третьи еще прямѣе называютъ его manceps — откупщикомъ или ἀρχιτελώνης въ родѣ Закхея, при чемъ онъ, прибывъ съ Агриппою и Вереникой въ Кесарію (Дѣян. XXV, 13 сл.) привлеченъ былъ здѣсь къ христіанству Павломъ, познакомился съ Лукою и потомъ вернулся въ родную Антіохію [8]). Эти догадки довольно заманчивы, но онѣ не освѣщаютъ дѣла, ибо создаются изъ тѣхъ матеріаловъ, которые именно и прежде всего требуютъ разъясненія. Пока истинно не болѣе того, что Θеофилъ былъ — относительно — знатный человѣкъ, а благоволительная расположенность его къ сотруднику Павлову исключаетъ вѣроятность, что это — упоминаемый Іосифомъ Флавіемъ (Antiqu. XVIII, 5: 3. XIX, 6: 2) первосвященникъ, или встрѣчающійся у Тацита (Annal. II, 55) Аѳинянинъ. Скорѣе позволительно допускать, что этотъ же Θеофилъ привѣтствуется въ седьмомъ (подложномъ) письмѣ Сенеки къ Павлу (L. Annei Senecae opera ed. Prof. Fried. Haase, vol. IV, Lipsiae 1897, p. 478: Annaeus Seneca Paulo et Theophilo salutem), какъ близкій Апостолу языковъ. Къ нему не трудно пріурочить извѣстіе Клементинъ (Clem. Recognit. X, 17) объ Антіохійскомъ магнатѣ Θеофилѣ, дворецъ коего былъ церко-

---

[1]) Ср. Rev. A. Plummer, p. XXXIII.

[2]) in Ascens. Dom. et in princ. Act. II (M. gr. LII, 782).

[3]) Th. Vogel, Zur Charakreristik..., S. [1]38. Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T., S. [2]110, 119, 133.

[4]) Prof. Joh. Ev. Belser ibid., S. [2]133.

[5]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[3], S. [2]340: „Theophilus ein kaiserlicher Stalthalter gewesen und wie Serguis Paulus (AG 13, 7) in solchem Amt stehend Christ geworden sei".

[6]) Prof. Fr. Godet, Kommentar zu dem Evangelium des Lucas, S. [2]XXVI.

[7]) Prof. C. F. S. Nösgen въ „Studien und Kritiken" 1871.

[8]) Ant. Beck, Der Prolog des Lukas — Evangeliums. S. 19 ff., 23 ff.

вію, откуда вполнѣ законно разумѣть его же въ томъ лицѣ, котораго Никифоръ Каллистъ (h. e. IV, 25) называетъ епископомъ Антіохійскимъ, а „Постановленія Апостольскія“ (VII, 46: 1) — Кесарійскимъ. Антіохійскимъ происхожденіемъ и пребываніемъ Ѳеофила легче раскрываются связи его съ антіохійцемъ Лукой. Но иногда возражаютъ противъ сего на основаніи географической терминологіи Дѣеписателя. По точности въ констатированіи этихъ датъ обыкновенно судятъ, что родиною Ѳеофила не были Асія, Македонія и „Греція“; — тогда будетъ справедливымъ обратное, что по простому перечню Ригіи, Путеолъ, площади Аппіевой и трехъ гостинницъ (Дѣян. XXVIII, 13, 15) нужно заключать, что онъ былъ Итальянецъ, Римлянинъ, давно привыкшій къ этимъ именамъ. Но послѣднія могли быть хорошо извѣстны ему и памятны просто потому, что Лука не разъ бывалъ тамъ и зналъ ихъ. Не нужно забыватъ также, что въ его разсказѣ это были лишь географическіе пункты маршрута Павлова, рѣшительно не ознаменовавшіеся ничѣмъ особеннымъ. У историка совсѣмъ не было причинъ говорить о нихъ подробно, если онъ не распространяется о Селевкіи, Саламинѣ, Паѳѣ, Иконіи и пр. Очевидно, отсюда нельзя выводить что-нибудь категорическое противъ традиціи въ пользу Антіохіи. Жителю этого города удобнѣе было пріобрѣсти и ту освѣдомленность касательно Палестины и іудейства, какая предполагается обоими твореніями Луки,— напр., въ опредѣленіи разстоянія Елеонской горы субботнимъ путемъ (Дѣян. I, 12). Съ другой стороны, топографическія указанія мѣстностей въ родѣ Назарета, Капернаума, страны Гадаринской, Аримаѳеи, Еммауса (Лк. I, 26. IV, 31. VIII, 26. XXIII, 51. XXIV, 31) и под. убѣждаютъ, что Ѳеофилъ не былъ обитателемъ Палестинскимъ [1]).

Всѣ добытыя условія хорошо подходятъ къ Антіохіи Сирійской. Совмѣстность здѣсь писателя и адресата дѣлаетъ понятною вѣроятность между ними взаимныхъ, тѣсныхъ связей, которыя могли зародится на врачебной почвѣ, а развились и окрѣпли въ сферѣ цѣлительности христіанской. Но были и еще пункты притяженія. Обращаетъ вниманіе, что Лука нарочито пунктуаленъ въ отчетахъ насчетъ іудейской религіозности: онъ заботливо прибавляетъ, что первенцы по закону приносились Господу для посвященія (Лк. II, 22—24), что день опрѣсноковъ есть пасха и тогда закалали агнца (XXII, 1—7) и пр. Менѣе удѣляется мѣста закону Моисееву и цитаты изъ Ветхаго Завѣта рѣже—преимущественно въ рѣчахъ разныхъ лицъ, какъ рѣдко подчеркивается и исполненіе пророчествъ (III, 4. IV, 21. XXI, 22.

---

[1]) Ср. Rev. A. Plummer, p. XXXIII.

XXII, 37. XXIV, 44). Евангелистъ звмѣтно избѣгаетъ еврейской терминологіи и иногда какъ бы со спеціальною цѣлію предовратить языческія перетолкованія, почему δαιμόνιον квалифицируется чрезъ ἀκάθαρτον (IV, 33), ибо у язычниковъ почитались и добрые „демоніоны", а въ исторіи преображенія не употребляется μεταμορφώθη (Мѳ. XVII, 2. Мрк. IX, 2), дабы по ассоціаціи не вызвать мысли о „метаморфозахъ" языческихъ боговъ. Если Иродъ В. выразительно называется царемъ іудейскимъ (Лк. I, 5), то по сравненію съ этимъ весьма знаменательно, что для хронологіи Лука аппелируетъ къ годамъ правленія римскаго императора (III, 1 и ср. II, 1). Весь тонъ Евангелія чуждъ іудейской приспособительности, и въ генеологіи родство Христово простирается на всѣхъ потомковъ Адамовыхъ.

По всѣмъ отмѣченнымъ наблюденіямъ въ наукѣ принимается съ безызъятностію, что Ѳеофилъ — подобно Лукѣ — былъ языческаго происхожденія. Иные идутъ даже дальше, что тогда—при посвященіи ему „перваго слова"— онъ не былъ христіаниномъ, не состоялъ членомъ христіанскаго братства, — и Евангеліе должно было способствовать разрѣшенію склонности въ соотвѣтственный актъ обращенія [1]). Поэтому-то здѣсь употребляется оффиціально—почтительное κράτιστε, неумѣстное для обычнаго христіанина, а для книги Дѣяній оно оказалось непригоднымъ, ибо своимъ христіанскимъ исповѣданіемъ Ѳеофилъ сравнялся со всѣми вѣрующими въ единствѣ того благодатнаго организма, гдѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго [2]). Едва ли это вполнѣ истинно [3]). Повтореніе титула являлось само собою излишнимъ при новомъ упоминаніи, откуда скорѣе позволительно догадываться, что оба труда задуманы вмѣстѣ и изданы не вдолгѣ другъ послѣ друга [4]). Конечно, κατηχέω не отсылаетъ непремѣнно къ совершившемуся уже крещенію, которое въ первенствующей церкви не только предварялось (Дѣян. VIII, 34 сл. X, 34 сл.) [5]), но иногда сопро-

---

[1]) Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 695, а противъ сего см. Dr. Anton Beck, Der Prolog des Lucas — Evangeliums, S. 13.

[2]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 365—366. Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 695.

[3]) Dr Anton Beck, Der Prolog des Lukas-Evangeliums, S. 12 ff.

[4]) Посему Prof. Fr. H. Chase допускаетъ, что Евангельскій прологъ относится и къ книгѣ Дѣяній (The Credibility of the Acts of the Apostles, p. 16). См. выше стр. 31. 32,1.

[5]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II³, S. 366. Dr. Anton Beck, Der Prolog des Lukas-Evangeliums, S. 14—15.

вождалось оглашеніемъ, не совершоннымъ ранѣе по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ [1]). Однако тутъ вся важность не въ терминѣ, а въ самыхъ фактахъ. Они же таковы, что къ словесно усвоенному Θеофиломъ Лука лишь подводитъ историческій фундаментъ, точно ему соотвѣтствующій, подбирая для λόγοι относящійся πράγματα [2]). Принципіально между ними нѣтъ разницы, и писаніе лишь утверждаетъ и обезпечиваетъ вѣру, но ничуть не создаетъ ее, поелику она существуетъ раньше. Всѣмъ этимъ требуется предшествующая наличность у Θеофила христіанскаго и знанія и званія (ср. Дѣян. XVIII, 25).

Будучи христіаниномъ изъ язычниковъ, Θеофилъ взялъ на себя обязанность распространенія Евангелія въ свойственныхъ кругахъ и въ этомъ смыслѣ является лучшимъ и типичнымъ представителемъ послѣднихъ [3]). Съ этой стороны вполнѣ пріемлемы сужденія древнихъ, что въ лицѣ Θеофила Лука имѣетъ въ виду всѣхъ, входящихъ въ общеніе любви съ Отцемъ чрезъ Его Сына, а не однихъ только язычниковъ (Orig. in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; cnf. Eus. h. e. VI, 25:6) — грековъ (Hieron. ad. Dam. ep. XX: M. lat. XXII, 378), аппеллируетъ ко всему обществу вѣрующихъ — *κοινῇ πᾶσι διαλεγόμενος* (J. Chrys. in Matth. hom. I, 3). Это выводъ уже дальнѣйшій, хотя и правильный. Кореннымъ же будетъ тотъ тезисъ, что третій Евангелистъ чрезъ посредство христіанина изъ язычниковъ обращается прежде всего къ основаннымъ чрезъ Апостола Павла церквамъ [4]), дабы чрезъ нихъ и вообще міръ языческій расположить къ воспріятію божественной милости [5]). Подобная ситуація отсылаетъ насъ къ эпохѣ крѣпнущаго развитія эллино-христіанской миссіи и позволяетъ приблизительно опредѣлить

## время изданія третьяго Евангелія.

Нѣкоторые церковные писатели (блаж. Θеофилактъ, Евθимій Зигабенъ) и манускрипты пріурочиваютъ его къ

---

[1]) Prof. Paul Schanz, Commentar uber das Evangelium des heilingen Lucas, S. 57.

[2]) Въ этой связи важно и различеніе λόγοι отъ πράγμα α (см. выше стр. 68), ибо при тожествѣ и сліяніи ихъ получилось бы, что Θеофилъ былъ мало освѣдомленъ даже въ элементахъ новаго исповѣданія, или считалъ сомнительными самые христіанскіе факты.

[3]) Ср. Rev. A. Plummer, p. XXXIII.

[4]) Ср. Rud. Cornely, Introductio specialis in singulos N. T. libros, p. 136.

[5]) Ср. Rev. A. Plummer, p. XXXIII sq.

15-му году по Вознесеніи. но тогда — около 44-45 г. — Евангелистъ еще не былъ и спутникомъ Апостола языковъ, а слова Иринея (Contra haer. III, 1: M. gr. VII, 844; cnf. Eus. h. e. V, 8:3) что Лука въ своей книгѣ изложилъ τὸ ὑπ' ἐκείνου (Παύλου) κηρυσσόμενον Εὐαγγέλιον свидѣтельствуютъ собственно то, что послѣднее было уже достаточно распространено устною проповѣдью Павловой хотя форма praesens'a примѣчательна. Это общее заключеніе мало разъясняется и связью перваго „слова" со вторымъ. Дата книги Дѣяній опять неизвѣстна съ точностію, ибо нельзя прямо утверждать, что это писаніе было выпущено около момента по истеченіи двухъ лѣтъ римскаго узничества Павлова. Въ такомъ случаѣ было бы естественнѣе ожидать достаточной подробности въ изображеніи этого періода, между тѣмъ Лука совсѣмъ не говоритъ, хотя бы, о возможномъ исходѣ процесса Павлова и ограничивается лишь упоминаніемъ, что по причинѣ упорства іудеевъ благовѣстникъ вынужденъ былъ перенести Евангеліе къ язычникамъ, которымъ и проповѣдывалъ два года царство Божіе, уча о Господѣ Іисусѣ невозбранно (Дѣян. XXVIII, 28 — 31). Во всемъ этомъ проглядываетъ тенденція —показать фактическое выполненіе заповѣди Христовой о возвѣщеніи благодатнаго искупленія всѣмъ народамъ (Лк. XXIV, 47) даже до края земли (Дѣян. I, 8), а это — принципіально — достигалось перенесеніемъ христіанскаго оглашенія въ міровую столицу, гдѣ — черезъ Павла — Евангеліе проповѣдано было всей твари поднебесной (ср. Кол. I, 23). Эти идейныя намѣренія могли быть осуществлены и много послѣ прекращенія римскихъ узъ Павловыхъ, при чемъ для изданія синоптическаго повѣствованія освобождается широкій просторъ. Текстъ Евангельскій допускаетъ нѣсколько болѣе позднюю дату, но не безусловно рѣшителенъ. Судя по „прологу", Лука принадлежалъ какъ бы ко второму христіанскому поколѣнію, когда ряды „самовидцевъ" постепенно рѣдѣли и живыя уста ихъ замолкали въ силу неумолимаго закона смертности, такъ что и воспріятіе отъ нихъ преданія рисуется съ оттѣнкомъ прошедшаго (aor. παρέδοσαν), хотя преимущественно для писанія по сравненію со слушаніемъ. Эта эпоха приближенія къ завершительной грани апостольскаго періода предполагается и особенностями эсхатологической рѣчи (гл. XXI я) Лишенная въ редакціи Лукиной спеціальной приспособительности къ іудейству, она замѣтно отличается отъ другихъ синоптическхъ изложеній по содержанію и по характеру своего изображенія, ибо описываетъ Іерусалимскія бѣдствія и осаду святого города съ особою наглядностію и эту катастрофу не связываетъ столь тѣсно съ уничтоженіемъ прежняго міропорядка и пришествіемъ Господа въ славѣ, какъ дѣлаетъ Матѳей и частію Маркъ и чего третій Евангелистъ могъ избѣгать подъ влія-

ніемъ нѣкоторыхъ конкретныхъ наблюденій. Въ ослабленіе этихъ соображеній ссылаются, что иногда и обыкновенные историческіе дѣятели обнаруживаютъ удивительную проницательность касательно даже самыхъ мелкихъ деталей будущихъ событій, а Христосъ, конечно, обладалъ совершеннымъ предвѣдѣніемъ [1]). Равно и Лука „подобно всѣмъ истинно геніальнымъ натурамъ *жилъ и въ прошломъ и въ будущемъ*“ [2]), почему увѣренно могъ конструировать второе по первому. Значитъ, нельзя даннымъ аргументамъ отказать въ извѣстной солидности, однако и они тоже весьма относительны: — при полномъ господствѣ ихъ смолкала бы всякая обычная человѣческая хронологія, и мы въ правѣ были бы ожидать тогда болѣе конкретную пунктуальность. Разъ послѣдней нѣтъ въ потребной для гипотезы степени, — этимъ свидѣтельствуется для нашего случая примѣненіе простыхъ человѣческихъ способовъ въ созерцаніи фактическаго теченія, которое было уже проникнуто предчувствіемъ сокрушительной грозы для Іерусалима. Тѣмъ не менѣе разрушеніе его совсѣмъ еще не было для Евангелиста уже fait accompli[3]), поскольку — въ параллель пророчески предупреждающему предостереженію Матѳея — онъ теперь едва ли воздержался написать обличительно-увѣщательное „иже зритъ, да разумѣетъ“. Вопреки сему вся рѣчь ведется въ чисто профетическомъ тонѣ и заканчивается футуристическимъ напоминаніемъ, что „когда все предсказываемое начнетъ сбываться (ἀρχμένων δὲ τούτων γίνεσθαι), тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается (ἐγγίζει) избавленіе ваше“ (Лк. XXI, 28) [4]). Прибавимъ, что въ послѣдней фразѣ и въ предшествующихъ словахъ (ст. 27) о Сынѣ человѣческомъ, грядущемъ на облакѣ съ силою и славою великою, выражается общесиноптическая ассоціація второго пришествія Христова съ Іерусалимскою гибелью. Посему и Лука, стоя на одной почвѣ съ другими Евангелистами, писалъ не послѣ іудейской

[1]) Prof. Fr. Blass, Evangelium secundum Lucam (Lipsiae 1897), p. VII—VIII.

[2]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 9,1.

[3]) Такъ прежде и Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius II,1 (Leipzig 1897), S. 248,

[4]) Въ пользу ранней даты (до смерти Апостола Павла) для третьяго *Евангелія и книги Дѣяній* аргументируетъ и Prof. Ad Harnack въ Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte und zur Abfassung der synoptischen Evangelien (Leipzig 1911), S. 85—86.

катастрофы[1]), а раньше, хотя и нѣсколько ближе къ ней[2]).

Съ этою датой мы выходимъ за предѣлы извѣстнаго намъ по прямымъ документамъ апостольской исторіи, почему невозможно со всею точностію отыскать

## мѣсто написанія третьяго Евангелія.

Преданіе настолько сбивчиво и неустойчиво, что пріурочиваетъ это писаніе чуть не ко всѣмъ важнѣйшимъ центрамъ. Блаж. Іеронимъ (in Matth. prol.: M. lat. XXVI, 18) и св. Григорій Богословъ (Carm. XII, 2 2: M. gr. XXXVII, 474) отсылаютъ къ Ахаіи[3]) и Беотіи, къ коимъ иногда присоединяется еще Македонія; Сирійскій переводъ называетъ Александрію, позднѣйшій авторъ (Косма Индоплаватель) — Римъ. Многіе склоняются на сторону послѣдняго города; однако у Луки не видится приспособленія къ спеціальнымъ потребностямъ римскаго общества. Если и подчеркиваются у Евангелиста нѣкоторые латинизмы (Лк. XII, 58 διδόναι ἐργασίαν. XIV 18 ἔχε με παρῃτημένον. VII, 4 ἄξιός ἐστιν ᾧ παρέξῃ. Дѣян. XVII, 9 λαμβάνειν τὸ ἱκανόν и inf. pass. при *κελεύειν*), то изслѣдователи, констатирующіе этотъ фактъ, пишутъ: „при частыхъ сношеніяхъ Палестинцевъ и Малоазійцевъ съ Римлянами — проникновеніе *подобныхъ (латинскихъ) оборотовъ* въ народную греческую рѣчь такъ же мало удивительно, какъ и заимствованіе римской терминологіи; даже на поверхностное знакомство съ латинскимъ языкомъ *нигдѣ болѣе нѣтъ* у Луки ни одного намека, — и скорѣе это можно бы допустить для Марка и Іоанна, особенно въ столь часто поразитель-

---

[1]) Въ этомъ случаѣ указываютъ такія даты: 80-е годы (Prof. Paul Ewald въ Realencyclopädie XI[3], S. 703), послѣ разрушенія Іерусалима, однако до 80 года, приблизительно около 75 года. (Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[3], S. 439—441), по разрушеніи Іерусалима (Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur, II, 1, S. 248) между 78 и 93 годами, но ближе къ 80-му (S. 250, 651, 653), при чемъ Лука могъ быть въ живыхъ около 90 года (S. 653), въ періодъ 75—80 г. г. (Rev. A. Plummer, A Commentary, p. XXXI—XXXII) или 78—93 г. г. (Rev. A. Plummer въ „The Criticial Review“ XII, 6: November, 1902, p. 499—500), даже между 80 и 120 г. г. (Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S. 206).

[2]) Prof. Joh. Ev. Belser навываетъ 61—62 г. для Евангелія и 63 г. для книги Дѣяній (Einleitung in das N. T., S. [2]126—127.

[3]) Ср. Prolog. у Wordsworth-White I, p. 269, 271.

ныхъ Asyndeta“[1]). Во всякомъ случаѣ третій синоптикъ не имѣетъ римскихъ характерностей второго, а пристрастіе къ нему синоплянина Маркіона, изъ Понта, можетъ убѣждать, что наше Евангеліе было распространено и авторитетно въ восточной половинѣ Римской имперіи, хотя извѣстно и на Западѣ, судя по примѣру св. Іустина М., который его зналъ несомнѣнно. По этимъ наблюденіямъ иногда склоняются къ Малой Азіи, предполагая именно въ ней мѣсто изданія обсуждаемыхъ твореній: однако освѣдомленность Дѣеписателя въ ея топографіи и этнографіи собственно лишь подтверждаетъ, что авторъ участвовалъ въ малоазійскихъ путешествіяхъ Павловыхъ. Если исключить единичный голосъ насчетъ Александріи и не догадываться объ Антіохіи Сирійской, то вѣроятность останется за „Греціей“ — безъ ближайшаго указанія, былъ ли это Коринѳъ (Prof, Fr. Godet), или другой городъ. И весьма понятно, что письменное изложеніе Павлова благовѣстія первоначально появилось тамъ, гдѣ Апостолъ языковъ наиболѣе потрудился и снискалъ себѣ наилучшій „вѣнецъ похваленія“ (1 Ѳесс. II, 19) Римъ же недавно получилъ Евангеліе Марково и чуть ли не ввелъ его въ церковное употребленіе, а Лука, конечно, не рѣшился бы измѣнить правилу своего учителя, избѣгавшаго созидать на чужомъ основаніи (Рим. XV, 20). Такимъ образомъ, если первый и второй синоптики знаменуютъ двѣ грани Евангельскаго распространенія, то третій является связующимъ звеномъ между ними.

Всѣми отмѣченными историческими условіями происхожденія безспорно предполагается

## подлинность третьяго Евангелія

въ смыслѣ писанія Луки. Историческія извѣстія подходятъ къ этому заключенію. Намеки 1-го Климентова посланія (1 Соч. 46) во второмъ (мнимомъ) предваряются словами, что „такъ говоритъ Господь въ Евангеліи“ (2 Cor. 8, 13), оно отражается еще у Поликарпа (ad Smyrn. 3=Лк. VI, 36—38), а въ „Ученіи XII ти Апостоловъ“ усматривается явная близость къ редакціи Луки въ выдержкахъ изъ Нагорной проповѣди (1 = Лк. VI, 29, 30) и въ другихъ Евангельскихъ изреченіяхъ (16 =Лк. XII, 35). Св. Іустинъ М. пользовался, конечно, письменными Евангельскими ἀπομνημονεύματα (Apol. I, 33, 34, 36; cnf. Dial. cum Tryph. 78, 100, 103, 105: M. gr. VI, 381, 384, 429; 657, 712, 717, 721), и у него отсылаютъ къ третьему Евангелію исторія Благовѣщенія, данныя о Квириніевой пе-

---

[1]) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 227.

реписи, объ установленіи таинства Евхаристіи, о кровавомъ потѣ въ Гефсиманскомъ саду, послѣднія слова Господа на крестѣ и разсказъ о вознесеніи. По блаж. Іерониму (ad Algas. ep. CXXI, 6: M. lat. XXII, 1029), Феофилъ Антіохійскій истолковалъ нѣкоторыя притчи третьяго синоптика, который вліялъ на посланіе къ Діогнету (II, 13=Лк. XVIII, 27) и обнаруживается въ замѣчаніи письма Ліонской церкви (Eus. h. e. V, 1:9—10), что Веттій Епагатъ ходилъ во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ безпорочно (ср. Лк. I, 6). О широкомъ распространеніи третьяго Евангелія свидѣтельствуютъ своими соотношеніями къ нему апокрифическіе „Завѣты XII-ти патріарховъ", Василидъ, Валентинъ, Феодотъ Кожевникъ, Гераклеонъ, и даже Цельсъ упоминаетъ (Orig. Contra Cels. II, 32: M. gr. XI, 851) о генеологіи Христа отъ перваго человѣка (Лк. III, 38). Маркіонъ предпочиталъ исключительно третьяго синоптика, и послѣдній, очевидно, былъ общепринятымъ и безусловно авторитетнымъ, если подъ этимъ прикрытіемъ еретикъ надѣялся обезпечить господство своимъ доктринамъ въ церковныхъ кругахъ, которые не обманулись бы подложнымъ документомъ.

Всѣ эти факты не абсолютно убѣдительны и допускаютъ разныя перетолкованія, удобныя для скептическаго критицизма [1]). Ихъ сила — въ связи съ другими данными и лишь въ смыслѣ подтвержденія хорошо удостовѣреннаго преданія объ авторствѣ Луки [2]). Его христіански-литературной личности соотвѣтствуетъ и

## Текстъ третьяго Евангелія въ теперешней редакціи.

Что до цѣлаго, то здѣсь вызываетъ на размышленіе Маркіоновская рецензія, которая — по разнымъ побужденіямъ—часто выдавалась учеными за первоначальную, почему изъ нынѣшняго текста немало частей относилось къ позднѣйшимъ наслоеніямъ, и вся композиція оказывалась искусственно обработанною [3]). Мы должны допросить факты

---

[1]) О новыхъ опытахъ отрицанія принадлежности третьяго Евангелія Лукѣ см. и у Rev. A. Plummer въ „The Critical Review" XII, 6 (November, 1902), p. 485 sq., 489 sq.

[2]) Новѣйшіе авторитеты въ пользу сего см. у Rev. A. Plummer въ „The Critical Review" XII, 6 (November, 1902), p. 494 sq.

[3]) О новѣйшихъ сужденіяхъ въ этомъ смыслѣ см. у Rev. A. Plummer въ „The Critical Review" XII, 6 (November, 1902), p. 489—490, 498—499.

насколько они убѣдительны объективно. А здѣсь весьма характерно, что въ корректурахъ Маркіона замѣчается нетерпимость ко всему Ветхому Завѣту, и именно ради этого дѣлаются изъятія или измѣненія. Онъ прямо опускаетъ двѣ первыя евраистическія главы, утверждающія непрерывность и гармонію между обѣтованіемъ и исполненіемъ, — и все Евангеліе Маркіоновское начиналось словами: „въ пятнадцатый годъ правленія Тиверія сошелъ Іисусъ въ Капернаумъ“, конечно, въ качествѣ небеснаго эона; вмѣсто „узрите Авраама и Исаака и Іакова и вси пророки въ царствіи Божіи“ (Лк. XIII, 28) еретикъ читаетъ „всѣхъ праведниковъ“, устраняя ветхозавѣтныхъ столповъ отъ христіанскаго наслѣдія; изреченіе Господа: „скорѣе небо и земля прейдутъ, нежели одна черта изъ закона пропадетъ“ (Лук. XVI, 17) во второй половинѣ у него гласитъ: „чѣмъ хотя бы іота едина изъ Моихъ словъ“ — безъ упоминанія ненавистнаго ему ветхозавѣтнаго откровенія. Эти и подобные примѣры[1]) удостовѣряютъ, что всѣ исправленія Маркіона носятъ выдержанную идейность, а она точно совпадаетъ съ его доктринально-догматическими тенденціями. Безспорно, что для этого Понтійца Творецъ міра и дарователь закона былъ существомъ низшимъ и ограниченнымъ, отличнымъ отъ верховнаго Бога, дѣйствовавшаго въ Іисусѣ. Поэтому, считая св. Павла крайнимъ антиномистомъ, онъ изъ всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ избралъ десять Павловыхъ посланій — за исключеніемъ пастырскихъ и къ Евреямъ. Во всемъ этомъ очевидна умышленная работа своеобразнаго дуалиста, но она же несомнѣнна и въ операціяхъ надъ нашимъ памятникомъ, какъ предпочтеніе третьяго синоптика другимъ опять выясняется изъ его ложнаго павлинизма. При такихъ отчетливыхъ предвареніяхъ получаютъ особенную силу протестующіе голоса древнихъ, что — подобно своему учителю Кердону (Ps.— Tert. De praescr. haeret. 51: M. lat. II, 70. Theodoreti Haer. fabul. comp. I, 24) — Маркіонъ имѣлъ трудъ Луки не полный, ибо — по Иринею (Contra haer. III, 11, 12. I, 27: M. gr. VII, 884, 906, 688) — онъ „обрѣзалъ“, „укоротилъ“ оригиналъ и „передалъ ученикамъ лишь часть его“, а — согласно Тертулліану (Adv. Marc. IV, 2, 5 etc: M. lat. II, 364, 367) — „обрубалъ“, „наложивъ на него свою руку“. Св. Епифаній, говоря объ устраненіи Маркіономъ многихъ истинныхъ изреченій и о замѣнѣ другихъ въ срединѣ и въ концѣ третьяго Евангелія, насчетъ изъятія начала его удачно констатируетъ

---

[1]) См. подробнѣе у Prof. Friedrich Bleek, Einleitung in das Neue Testamenti; vierte Auflage besorgt von Prof. Wilhelm Mangold (Berlin 1886), S. 148—163.

причину сему въ томъ, что „здѣсь прямо упоминается о зачатіи Спасителя во чревѣ, Его рожденіи и пришествіи во плоти“ (haer. XLI, 9: M. gr. XLI, 708), т. е. о тѣхъ пунктахъ, которые противны Маркіоновской системѣ. Въ результатѣ находимъ, что Маркіоновскій текстъ всего менѣе можетъ претендовать на первоначальность и есть тенденціозное искаженіе послѣдняго. И Тертулліанъ въ лицо Маркіону смѣло бросаетъ обидную укоризну: „ты вырвалъ то, чему и самъ прежде вѣровалъ, какъ это выразилъ въ нѣкоемъ письмѣ своемъ“ (De carne Christi 2: M. lat. II. 755), признавая общецерковный типъ (Adv. Marc. IV, 4: M. lat. II, 365), о которомъ пламенный Африканецъ свидѣтельствуетъ: „И я заявляю, что не только у этихъ — церквей апостольскихъ, но и у всѣхъ, какія соединены съ ними общеніемъ въ таинствахъ, отъ начала изданія сохраняется то Евангеліе, которое имѣемъ мы; Маркіоново же большинству не извѣстно, а знающими осуждается“ (Adv. Marc. IV, 5: M. lat. II, 366).

Теперь можно принять съ научною твердостію, что Маркіоновская рецензія была плодомъ стремленій еретичествующаго сектанта примѣнить Евангельское повѣствованіе къ своимъ метафизически-сотеріологическимъ построеніямъ, хотя онъ не провелъ своего намѣренія до конца и не выгравилъ всѣхъ непріятныхъ ему мѣстъ, поелику для сего потребовалось бы написать чуть не новое Евангеліе, а тогда и самъ Маркіонъ потерялъ бы объективную почву подъ ногами и у другихъ заранѣе лишился всякаго довѣрія. Слѣдовательно, дальше позволительна рѣчь развѣ о томъ, не вкралось ли въ теперешній текстъ постороннихъ и позднѣйшихъ вставокъ. Въ этомъ смыслѣ дѣлается нѣсколько замѣчаній.

Они начинаются уже съ двухъ первыхъ главъ Евангелія. Извѣстныя автору Мураторіева фрагмента (a nativitate Johannis — Lucas — incipit dicere), онѣ отвергались не рѣдко, но отсутствіе ихъ у Маркіона скорѣе служитъ отрицательной инстанціей въ пользу ихъ, а характеристика въ Дѣян. I, 1 содержанія перваго — Евангельскаго — слова, что тамъ было описано, „яже начать (ἤρξατο) Іисусъ творити же и учити“, не исключаетъ вводныхъ свѣдѣній о событіяхъ, бывшихъ историческимъ предначинаніемъ искупительнаго домостроительства Христова. Тогда особенности стиля будутъ лишь фактическимъ ручательствомъ точности автора въ использованіи документовъ при безспорной Луканистической обработкѣ [1]).

---

[1]) Prof. Ad. v. Harnack, Das Magnificat der Elisabet u. s. w., S. 10—15 (=547—552) противъ P. Corssen'a. См. еще подробнѣе у Lic. Dr. Hellmuth Zimmermann,

Категорически исповѣдуя эту послѣднюю истину, проф. Adolf v. Harnack тѣмъ энергичнѣе защищаетъ отрицателей Лк. I, 34 — 35, уповая окончательно устранить изъ Евангельскаго преданія идею чудеснаго рожденія Христа Спасителя отъ Приснодѣвы и обратить это вѣрованіе въ простую легенду [1]). Кажется, въ этомъ предзанятомъ стремленіи заключается и единственное оправданіе всей затѣи, ибо всѣ текстуальные авторитеты имѣютъ эти стихи, такъ что и самъ критикъ датируетъ ихъ не позднѣе заключенія Четвероевангелія и не прочь усвоять эту глоссу даже Лукѣ [2]). Если оставить въ сторонѣ напрасную замѣтку о необычности частицъ ἐπεί и διό, то все будетъ исчерпываться удареніемъ на непріемлемости самаго содержанія въ текстѣ и по существу. Подчеркивается несоотвѣтствіе стиха 35 го съ 31 и 32-мъ, къ разъясненію коихъ онъ предназначенъ. Едва ли это вѣрно и убѣдительно. Своимъ вопросомъ Марія направила рѣчь на чрезвычайность всего событія, почему вполнѣ натурально, что — вмѣсто упоминанія о рожденіи Сына съ царственными прерогативами — теперь является Сынъ Божій по наитію свыше, поелику лишь одно это могло давать вполнѣ удовлетворительное объясненіе всему совершающемуся [3]). Ничуть не дисгармонируетъ сему и ссылка на примѣръ Елизаветы, поскольку ею подтверждается не доступность для Св. Духа подобнаго чуда, не нуждавшаяся въ подкрѣпленіи, а единственно то, что слово ангельское сбудется съ Маріею не меньше, чѣмъ и съ заматорѣвшею Елизаветой (ст. 37). Недоумѣніе Богоматери вовсе не странно, разъ Іосифъ былъ собственно хранителемъ ея дѣвства и фактически не пользовался супружескими правами. Если проф. Ад. Гарнакъ для всей исторіи считаетъ исходнымъ пунктомъ Мѳ. I, 18 — 25, то и отсюда

---

Evangelium des Lukas Kap. 1 und 2: ein Versuch der Vermittlung zwischen Hilgenfeld und Harnack въ „Stud en und Kritiken“ 1903, II, S. 250 263 („Ansdruck und Sprache in Luk 1 u. 2 ganz lukanisch sind“). Ограниченія у Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, S. 78—83.

[1]) См. въ „Zeitscrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums“ II (1901), 1, S. 53—57. Ср. еще у Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, S. 66,1. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 268—270.

[2]) См. „Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft“ II (1901), 1, S. 57.

[3]) Въ виду сего и H. Zimmermann признаетъ (въ „Studien und Kritiken“ 1903, II, S. 374), что идея сверхъестественнаго рожденія и безсѣменнаго зачатія Іисуса внесена самимъ Лукою въ утилизируемый нмъ іудейско-христіанскій источникъ.

слѣдуетъ та же истина, ибо при потенціальности супружескихъ отношеній Обручнику — для прикрытія случившагося — проще было бы принять все на себя, а не задумывать взаимно неудобное „тайное отпущеніе“, не снимавшее обличительныхъ подозрѣній съ Дѣвы Маріи. Слова ея вовсе не выражаютъ не—до—вѣрія или сомнѣнія въ ангельскомъ возвѣщеніи: – они касаются только способа его осуществленія и тѣмъ самымъ безспорно и рѣшительно предполагаютъ возможность послѣдняго; отсюда понятна и разница въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по сравненію съ наказаніемъ Захаріи. Въ этомъ освѣщеніи рѣчь Богоматери будетъ вполнѣ подходить къ ея образу — благоговѣйной кротости сдержаннаго самоуглубленія. Послѣ этого συλλήφῃ 31 го стиха и συ ἔλη εν 30-го совсѣмъ не будутъ аргументомъ за позднѣйшую вставку промежуточныхъ стиховъ.

Внушительнѣе данныя противъ XXII, 43—44 о явленіи Ангела и о кровавомъ потѣ во время „боренія“ Спасителя въ саду Геѳсиманскомъ. Ихъ нѣтъ въ BART 124, а въ Синайскомъ манускриптѣ они зачеркнуты первымъ корректоромъ и заподозрѣваются другими рукописями (ESVΓΔΠ) и переводами. Иларій не находилъ ихъ et in Graecis et in Latinis codicibus complurimis (De trin. IV, 1: M. lat. X, 375), блаж. Іеронимъ читалъ лишь in quibusdam exemplarimus tam Graecis, quam Latinis (Adv. Pelag. II, 16: M. lat. XVI, 23, 552), а св. Епифаній встрѣчалъ ἐν τοῖς ἀδιορθώτοις ἀντιγράφοις [1]), или же слова ὤφθη δὲ αὐτῷ ἄγγελος κτλ. приписывались къ Мѳ. XXVI, 39. Доводы — очень вѣскіе, но они не убѣдили и проф. Ад. Гарнака, который энергически выступаетъ на защиту этого извѣстія [2]), хотя и не безъ того внутренняго мотива, что въ немъ неотразимо свидѣтельствуется о совершенномъ человѣчествѣ (полной человѣчности) Господа. Тѣмъ не менѣе соображенія Берлинскаго ученаго обладаютъ всею объективностію. Они таковы. 1) Разумѣемыя слова носятъ яркую печать авторства Луки по содержанію (ибо у него обычны явленія Ангеловъ) и по формально-языковой обработкѣ. 2) Текстуальное преданіе не сообщаетъ о сомнѣніяхъ на этотъ счетъ раньше 300 г., между тѣмъ наличность этихъ стиховъ удостовѣряется уже

---

[1]) Такъ, напр., и въ № 1 Аѳонской Лавры (Gregory Evang. 1074) XII—XIII в.: см. у Prof. Kirsop Lake, Texts from Mount Laura въ Studia Biblica et Ecclesiastica V, 2 (Oxford 1902), p. 175.

[2]) Probleme im Texte der Leidensgeschichte Jesu. Sonderabdruck aus „Sibzungsberichten der K.-Pr. Akademie der Wissenschaften“ zu Berlin; Philos.-histor. Classe XI (1901), S. 1—5 = 251—255.

для первой половины II вѣка, а 3) позднѣйшее изъятіе могло совершиться по идейно-догматическимъ интересамъ, напр., въ недоумѣніяхъ касательно укрѣпленія Господа Ангеломъ и вообще самой ἀγωνία; св. Епифаній прямо замѣчаетъ, что по такимъ именно побужденіямъ данное изреченіе устранялось иногда и православными. Этихъ аргументовъ вполнѣ достаточно, и намъ нѣтъ надобности усвоять сомнительныя соображенія проф. Ад. Гарнака о своеобразномъ отраженіи разсматриваемыхъ словъ въ Евангеліи Іоанновомъ.

Одинаково твердо защищаетъ Берлинскій ученый и подлинность воззванія Спасителя къ Отцу о прощеніи невѣдущихъ распинателей у Лк. XXIII, 34 [1]) — опять по достаточнымъ основаніямъ. 1) Сравненіе съ Мрк. XV, 22 сл. убѣждаетъ, что это упоминаніе вовсе не является неестественною вставкой. 2) Татіанъ, Игизиппъ, Ириней и Синайскій кодексъ возводятъ его къ половинѣ II вѣка, почему отсутствіе въ B, D и Syr. sin. не столь ужъ страшно. 3) Выпаденіе этого трогательнаго изреченія можетъ объясняться вліяніемъ редакцій Матѳея и Марка, а примѣненіе такового къ іудеямъ не способствовало его сохраненію при господствѣ антиіудаистическихъ настроеній. Напротивъ, 4) признаніе тутъ позднѣйшей интерполяціи создаетъ неразрѣшимую загадку, почему вызвавшая ее потребность фиксировалась на Лукѣ — съ насиліемъ надъ контекстомъ — и почему вмѣстѣ съ тѣмъ не распространилась на первыхъ двухъ синоптиковъ, когда для нихъ это было бы не менѣе удобно.

Исчерпавъ существенные случаи, мы можемъ теперь считать хорошо обезпеченною подлинность важнѣйшихъ частей теперешняго текстуальнаго типа третьяго Евангелія. Но желательно еще формулировать точнѣе, насколько вѣрно онъ сохранился въ текстуальной передачѣ. Въ частности и въ особенности, — этотъ вопросъ вызывается новѣйшими сужденіями о „величаніи“ Богоматери. Не первымъ высказалъ [2]), но именно проф. Ад. Гарнакъ больше другихъ возбудилъ научное вниманіе къ гипотезѣ, будто эта пѣснь самимъ Лукою усвоялась Елизаветѣ и была продолженіемъ обращенія ея къ Приснодѣвѣ, которой ошибочно приписана позднѣе [3]). Эта идея породила горячіе дебаты и нашла не

---

[1]) Ibid. S. 5—11 = 255—261.

[2]) См. „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ III (1903), 3, S. 256.

[3]) Das Magnificyt der Elisabet (Luc. 1, 46—55) nebst einigen Bemerkungen zu Luc. 1 und 2; Sonderabdruck aus „Sitzungsberichten“ u. s. w. XXVII (1900), S. 1 ff. = 538 ff.

мало сторонниковъ [1]), которые пробуютъ отыскать даже литургическія подтвержденія [2]). Однако текстуальныя оправданія для сего совершенно ничтожны. Это — латинскіе кодексы Vercellencis (IV-го в.), Veronensis (V в.), Rhedigerarnus —Vratislavensis (ок. VII в.), въ латинской перефразировкѣ пятой Оригеновой гомиліи на Евангеліе Луки (Lomnatzsch V, 108 sq: Invenitur beata Maria, sicut in aliquantis exemplaribus reperimus, prophetare; non enim ignoramus, quod secundum alios codices et haec verba Elisabeth vaticinetur. Spiritu itaque Sancto repleta est Maria etc.), въ латинской интерпретаціи Иринея IV, 7:1 по двумъ спискамъ (Claromont. et Voss.), когда третій (Arund.) и III, 10:1 (ср. III, 14:3) требуютъ усвоенія Magnificat'а Богоматери. Слѣдовательно, передъ нами лишь безусловно слабое текстуальное преданіе, неизвѣстное до IV вѣка [3]), и тутъ необходимы поразительные аргументы чтобы отвергнуть всю текстуальную традицію, имѣвшую за собою и литургическое поручительство [4]). Такихъ доводовъ подобной важности мы не находимъ у проф. Ад. Гарнака. Если подчеркивается, что здѣсь нѣтъ ссылки на осѣненіе отъ Духа Св., чѣмъ мотивируются пѣсни Елизаветы и Захаріи (стт. 41 и 67), то нельзя забывать, что Марія выступаетъ предъ своею родственницей въ достоинствѣ матери Господа ея (ст. 43), о которой выше засвидѣтельствовано исключительное отношеніе къ ней силы Всевышняго (ст. 35). Конечно, былъ бы удобнѣе переходъ съ оттѣнкомъ контраста — чрезъ εἶπεν δὲ Μαριάμ, а не чрезъ связующее καὶ εἶπεν (ст. 46), но во 1 хъ), судя по оппозиціи противъ стиха 34-го съ желательною для критики формулой, эта редакція не спасла бы отъ предубѣжденныхъ возраженій: во-2 хъ), рѣчь идетъ о фразѣ въ наиболѣе евраистическомъ отдѣлѣ Евангелія, гдѣ еврейская координація чрезъ καί вполнѣ ес-

---

[1]) См. „The Hiebbert Journal" I, 1 (October 1902), p. 16?. Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, ein Psalm der Maria und nicht der Elisabeth въ Theologische Abhandlungen für H. J. Holtzmann (Leipzig und Tübingen 1902), S. 63 ff. H. A. Köstlin въ Realencyklopädie XII³ (Leipzig 1903), S. 72—73. Alfred Loisy въ „Revue d'histoire et littérature religieuse" 1903, № 3, p. 288 (o Lepin), 289—292 (o Harnack). Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 271—272.

[2]) H. A. Kösttin въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft" III (1902), 2, S. 142—145.

[3]) Prof. Fr. Spitta, S. (9— ) 93.

[4]) Можно согласиться съ P. Hugo Bévenot (Alte und neue Lukanische Quellen въ „Theologische Quartalschrift" 1929, IV, S. 443—445), что гимнологія Луки взята изъ литургическаго употребленія.

тественна. Безспорно, что выраженіе 56-го стиха ἔμεινεν δὲ Μαριὰμ σὺν αὐτῇ не совсѣмъ удобно, и по всему контексту было бы натуральнѣе ἔμεινεν δὲ (Μαριὰμ) σὺν Ἐλισάβετ, но не вразумительность являлась бы непостижимою со стороны позднѣйшаго корректора, стремившагося къ устраненію неясностей, и потому именно она могла служить побужденіемъ къ поправкѣ въ стихѣ 46-мъ, поскольку — съ опущеніемъ упоминанія о Маріи — исчезала вся трудность [1]. Что для Луки Богоматерь — наряду съ Іосифомъ — была лицомъ нерѣчистымъ, — это есть напрасное предубѣжденіе, которое не извиняетъ, а изобличаетъ себя, если и раньше отнимаетъ у Приснодѣвы слова ея къ Ангелу — Благовѣстителю. Начало „величанія", будучи воспроизведеніемъ пѣсни долголѣтне неплодной Анны, матери Самуиловой (1 Цар. II, 1 и ср. I, 11) было бы приличнѣе въ устахъ Елизаветы, но это соображеніе получаетъ внушительность лишь при томъ условіи, еслибы сохранились характерные штрихи, указывающіе на аналогичность положенія въ прекращеніи продолжительнаго неплодія; разъ же этого нѣтъ, — отсюда вытекаетъ, что изъятіе этихъ чертъ было неизбѣжно по разности ситуаціи, а дальше слѣдуетъ, что — значитъ — содержаніе Magnificat' лучше соотвѣтствуетъ Маріи, чѣмъ Елизаветѣ, которая даже предъ самою собою не забывала вспоминать о тяготѣвшемъ на ней поношеніи (ст. 25). Тоже вѣрно и по инымъ матеріальнымъ даннымъ, — и, напр., великое упованіе на ублаженіе отъ всѣхъ родовъ (ст. 48) умѣстно только для одной Богоматери. Берлинскій ученый парируетъ въ томъ смыслѣ, что какъ разъ это реченіе и повело къ вставкѣ имени Приснодѣвы, но неужели этого не могъ предусмотрѣть самъ Евангелистъ, яко бы свободно скомпонировавшій всѣ поэтическія пѣснословія [2]? А между тѣмъ — по Гарнаку — онъ почти прямо вызывалъ недоумѣнія, написавъ (въ стихѣ 46-мъ) по срединѣ Елизаветинскаго возглашенія прерывающее его безличное καὶ εἶπεν безъ субъекта, хотя Лука обладалъ высокимъ искусствомъ счастливаго стилиста [3].

Когда мы безпристрастно взвѣсимъ всѣ pro и contra, то безъ особыхъ предрасположеній тенденціознаго свойства намъ трудно не согласиться, что всѣ вѣроятности рѣшительно говорятъ за признаніе Magnificat'а пѣснію Присно-

---

[1] См. Westcott and Hort II, p. 52 въ Notes.

[2] Prof. Ad. Harnack, Das Magnificat, S. 15, 19 = 552, 556.

[3] Prof. Ad. Harnack, Das Magnificat, S. 10, 19 = 547, 556.

дѣвы [1]). Въ такомъ случаѣ у насъ отпадаютъ всякія основанія къ подозрѣнію въ умышленной несправедливости текстуальнаго преданія, на которое стараются набросить тѣнь, будто оно пострадало отъ догматическихъ корректуръ — преимущественно — каѳолическихъ справщиковъ [2]). По этой причинѣ оказывается вполнѣ обезпеченная почва для текстуально-критическихъ операцій въ сохранившихся текстуальныхъ авторитетахъ. Работа надъ ними должна разрѣшиться сведеніемъ къ единству, поелику они идутъ отъ единаго источника въ апостольскомъ оригиналѣ. Но достижимъ ли этотъ оригиналъ и нѣтъ ли въ текстуальномъ теченіи такихъ разностей, что подобное примиреніе является невозможнымъ по существу дѣла? Эти вопросы выдвинуты для научнаго обсужденія гипотезою профессора Friedrich Blass'а, яко бы и для третьяго Евангелія были два изданія — только въ обратномъ порядкѣ по сравненію съ книгою Дѣяній: для нея признается преемство Римской — первичной — формы и Антіохийской — послѣдней; тамъ Антіохійская (Кесарійская) обработка смѣняется окончательною — Римской [3]). Эта теорія, пріобрѣвшая Галльскому оригиналу много адептовъ по отношенію къ Дѣяніямъ, не раздѣляется даже и ими въ примѣненіи къ третьему синоптику [4]). Пока иной взглядъ едва ли будетъ имѣть научную солидность объективнаго достоинства. Несомнѣнно, что въ текстуальной традиціи третьяго Евангелія есть нѣкоторое раздвоеніе, и въ нѣсколькихъ примѣрахъ эти уклоненія носятъ характеръ высокой вѣроятности, претендующей на первоначальность; однако это раздѣленіе — не систематическое, не всецѣлое и бо́льшею частію теперь поддается удовлетворительному обобщенію, почему двойства

---

[1]) Ср. Le Magnificat, doit-il être attribué à Marie ou à Élisabeth? par M. Lepin, Lyon 1902; Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, S. 64 ff., хотя второй авторъ высказываетъ, что этотъ гимнъ первоначально не принадлежалъ къ составу теперешняго комплекса первой главы третьяго Евангелія, а ходилъ отдѣльно въ видѣ особаго псалма, который Лука внесъ въ свою композицію, усвоивъ его Богоматери (S. 88, 90).

[2]) Такъ Prof. Ad. Harnack, Problem u. s. w., S. 4, 15—16 = 254, 265—266, и Fred. C. Conybeare въ „The Hibbert Journal" I, (October 1902) p. 112.

[3]) Evangelium secundum Lucam, sive Lucae ad Theophilum liber primus. Secundum formam quae videtur Romanam edidit Fridericus Blass. Lipsiae 1897.

[4]) Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[3], S. 350—351. Ср. еще Rev. A. Plummer въ „The Critical Review" XII, 6 (November, 1902), p. 500—501.

прародителей ничуть не требуется прямо. Значитъ, въ текстуальной исторіи Евангелія Луки не усматривается особой, индивидуальной судьбы, и съ этой стороны оно имѣетъ равную участь со всѣми новозавѣтными писаніями во вторженіи западнаго текстуальнаго типа, отличаясь лишь по степени, а это вполнѣ естественно. Западный текстъ яснѣе выступаетъ въ Евангеліяхъ, чѣмъ въ другихъ новозавѣтныхъ книгахъ, и для сего отыскивается достаточная причина во вліяніи Татіановскаго Діатессарона. Для третьяго Евангелія существуетъ больше характерныхъ западныхъ чтеній, и опять на это находится резонное оправданіе и фактическое основаніе въ Маркіоновской рецензіи, которая заключала лишь Лукино писаніе и немало отражалась въ западныхъ текстуальныхъ кругахъ, судя, напр., по текстуальнымъ варіаціямъ въ посланіи къ Римлянамъ. Этимъ путемъ всѣ текстуальныя задачи о третьемъ Евангеліи разрѣшаются по наличнымъ научнымъ даннымъ и потому не нуждаются въ отвлеченныхъ гипотетическихъ построеніяхъ.

Тогда у насъ будутъ всѣ обычныя средства къ возстановленію возможно первоначальнаго текста, который, какъ хорошо удостовѣренный въ своей подлинности, по своему происхожденію отъ спутника Павлова Луки возводится — въ существенномъ — къ живому свидѣтельству самовидцевъ. Съ какой же стороны изображаются здѣсь „извѣствованныя вещи", многообразность и глубина коихъ необходимо вызывала спеціальное освѣщеніе въ каждомъ письменномъ „словѣ"? Это долженъ показать

## анализъ содержанія третьяго Евангелія.

Самое общее наблюденіе открываетъ, что — по сравненію съ Матѳеевымъ изложеніемъ — трудъ Луки много потерялъ въ іудейско націоналистической окраскѣ и въ библейско-теократическомъ обоснованіи дѣла Христова. Генеологія не занимаетъ тутъ перваго мѣста, когда ею выражается подлинное, историческое достоинство мессіанства Христова по осуществленію въ немъ пророческаго идеала обѣтованнаго Избавителя, — не ведется по царственно наслѣдственной линіи дома Давидова и оканчивается Адамомъ, какъ бы для оттѣненія той мысли, что Іисусъ изъ Назарета является представителемъ всего человѣчества (Iren. Contra haer. III, 22. J. Chrys. in Matth. hom. I. 3: M. gr. LVII 17) и имѣетъ быть для него такимъ же родоначальникомъ, чтò и тотъ, а это есть уже чисто Павлинистическая концепція „второго Адама". Наряду съ этимъ не менѣе характерно, что ветхозавѣтныя цитаты Матѳея частію опускаются или стоятъ на второмъ планѣ (II, 23—24. III, 4. IV, 4, 8, 10, 11,

12, 18, 19. VII, 27. X, 27. XVIII, 20. XIX, 46. XX, 17, 28, 37, 42, 43. XXII, 37) и всѣ онѣ по LXX-ти кромѣ VII, 27 (изъ Мал. III, 1), которая не совпадаетъ до точности ни съ этимъ переводомъ, ни съ еврейскимъ подлинникомъ. Мало говорится объ исполненіи пророчествъ и — за исключеніемъ одного случая (III, 4) — остальные четыре (IV, 21. XXI, 22. XXII, 37. XXIV, 44) встрѣчаются въ рѣчахъ Господа къ іудеямъ, гдѣ больше всего ссылокъ на Ветхій Завѣтъ (IV, 4, 8, 12, 18, 19, 26. VI, 4. VII, 27. VIII, 10. XIII, 19, 28, 29, 35. XVIII, 20. XIX, 46. XX, 17, 31, 42, 43. XXI, 10, 24, 26, 27, 35. XXII, 37, 69. XXIII, 30, 46), каковой чаще вспоминается еще другими Евангельскими лицами (I, 15, 17, 37, 46—55, 68—79. II, 30, 31, 32. IV, 10, 11. X, 27. XX, 28). Галилейское служеніе Христа не мотивируется словами Исаіи IX, 1—2 (ср. Мѳ. IV, 13—16) и сразу отрѣшается отъ національныхъ ограниченій, при чемъ примѣры Сарептской вдовицы и сирійца Неемана (IV, 25—27) ясно свидѣтельствуютъ объ универсальности спасительной проповѣди. Нагорная бесѣда не приспособляется столь близко къ номистическимъ формуламъ, а выраженіе насчетъ нескончаемой значимости закона (Мѳ. V, 17—19) нѣсколько сглаживается и въ новой концепціи получаетъ тотъ смыслъ, что ветхозавѣтное домостроительство незыблемо лишь по силѣ своего утвержденія въ царствѣ Божіемъ, не простираясь дальше его откровенія, ибо здѣсь и теперь не оставлено ничего важнѣйшаго изъ легализма, такъ что послѣдній принципіально и фактически не прошелъ безъ реализаціи ни единою своею чертой (XVI, 16—17). Тамъ, гдѣ — по Матѳею (X, 5—6) — Христосъ направлялъ Апостоловъ „наипаче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева", воспрещая всякое уклоненіе на путь язычниковъ и самарянъ, — тутъ Лука совершенно умалчиваетъ о подобныхъ условныхъ оговоркахъ (IX, 2 сл.), и у него сообщается лишь о посольствѣ „проповѣдывать царство Божіе и исцѣлять больныхъ". Эпизодъ о Хананейской женщинѣ (Мѳ. XV, 21—28), смягченный уже Маркомъ (VII, 24—30) черезъ пропускъ ограничительнаго замѣчанія Спасителя касательно объема своей миссіи, третій синоптикъ совсѣмъ игнорируетъ. „Не и язычницы ли (οὐχὶ καὶ ἐθνικοί) такожде творятъ?" — вмѣсто этой укоризненной редакціи Мѳ. V, 47—мы имѣемъ у Луки (VI, 35) простое упоминаніе только о грѣшникахъ. Специфическое „язычники ищутъ" (τὰ ἔθνη ἐπιζητοῦσιν) Мѳ. VI, 32 нѣсколько сглаживается болѣе квалифицированнымъ πάντα τὰ ἔθνη τοῦ κόσμου (XII, 30), которое порусски передается даже совсѣмъ общимъ „люди міра сего". Ненависть къ ученикамъ Христовымъ первый Евангелистъ усвояетъ (XXIV, 9) „всѣмъ языкамъ" (ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν), между тѣмъ третій называетъ (XXI, 17) просто „всѣхъ" (ὑπὸ πάντων), безъ всякихъ національно-

расовыхъ различенiй. Вопроса о разводѣ, принадлежащаго къ области чисто еврейскаго права (Мѳ. XIX, 3—12. Мрк. X, 2—12), Лука едва касается, опуская легалистическiя ассоцiацiи (XVI, 18), эсхатологическую рѣчь сильно измѣняетъ въ духѣ нѣкоторой общности, разрушенiе Iерусалима не связываетъ тѣсно съ фактомъ пришествiя Господня, которое отодвигается въ даль неизвѣстнаго будущаго, а при грядущихъ страшныхъ бѣдствiяхъ Iудеи не заставляетъ молиться, чтобы эта катастрофа не случилась въ субботу (Мѳ. XXIV, 20), каковая, очевидно, уже существенно потеряла прежнюю обязательность и для писателя и для читателей.

Всѣ эти данныя прежде всего показываютъ, что третiй Евангелистъ разсчитывалъ не на iудейскую публику, когда приходилось становиться на iудейскую почву, гдѣ только и можно было встрѣтиться съ евреями болѣе или менѣе мирно. Разумѣется совсѣмъ иной кругъ людей, не почивавшiй столь упоительно на ветхозавѣтномъ словѣ, хотя бы и знакомый съ нимъ почтительно. Этимъ самымъ фактически удостовѣряется, что Евангелiе Христово не связано внѣшними условностями, но всеобъемлюще по существу и сразу же заявило себя съ такимъ неограниченнымъ характеромъ, поглощая всякiя преимущества и всѣхъ одинаково награждая богатствами благости. Значитъ, христiанскiй универсализмъ коренится въ самой природѣ спасительнаго благовѣстiя. Это несомнѣнно уже и потому, что здѣсь перенесенiе проповѣди Христовой въ необъятную сферу всего мiра не мотивируется, какъ у Матѳея, отверженiемъ ея со стороны Израиля. Въ этомъ отношенiи весьма знаменательно, что Лука замѣтно прикрываетъ вину iудеевъ, говоритъ о нихъ мягче и много тягостнаго предаетъ забвенiю. Количество противо iудейскихъ угрозъ и прещенiй у него гораздо меньше и они не отзываются такою суровостiю даже въ общихъ съ Матѳеемъ пассажахъ. Тонъ сердечнаго сокрушенiя и любящей скорби проникаетъ всѣ соотвѣтственныя рѣчи Господа. Онъ предсказываетъ своимъ врагамъ конечное пораженiе, но и тутъ не совсѣмъ закрываетъ для нихъ возможность избавленiя: „аще не покаетеся, вси такожде погибнете“ (XIII, 3, 5). Острая сѣкира лежитъ при корнѣ безплодной смоковницы, однако и для нея заслуженное уничтоженiе отодвигается на годъ, пока ее окопаютъ и обложатъ навозомъ — съ надеждой, не оправдаетъ ли она этой заботливости своимъ изобилiемъ, хотя три года оставалась безплодной (XIII, 7—9). Всѣмъ дается щедрое снисхожденiе, — нужно лишь съ усердiемъ пользоваться имъ, „подвизаясь войти сквозь тѣсныя врата“, чтобы не оказаться внѣ дома, когда хозяинъ запретъ дверь (XIII, 24 — 25). Христосъ охотно освобождаетъ отъ узъ сатаны дщерь Авраа-

мову (XIII, 16) и возвѣщаетъ спасеніе презрѣнному среди іудеевъ Закхею (XIX, 9). Печальная судьба священнаго города неизбѣжна и справедлива, но этимъ только возбуждается тяжелая грусть съ горькимъ плачемъ о слѣпотѣ обреченной столицы (XIX, 41). Царя Израилева влекутъ на позорный крестъ для лютой казни, а Божественнаго Страдальца волнуетъ единственно участь дерева сухого, и Онъ приглашаетъ сердобольныхъ женъ проливать горькія слезы не о Немъ, но за себя и за дѣтей своихъ въ виду приближенія страшнаго гнѣва (XXIII, 28—31). Будучи распятъ и поруганъ, Господь и теперь платитъ виновникамъ своей казни трогательнымъ всепрощеніемъ и искреннею мольбою за нихъ: Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что̀ творятъ (XXIII, 34). И самый фактъ богоубійственнаго умерщвленія Сына не истощаетъ всей благости Божіей къ жестоковыйному народу: „Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ“ (XXI, 24). Не меньше мягкости обнаруживается и по отношенію къ злѣйшимъ врагамъ — фарисеямъ. Уже Іоаннъ Креститель не къ нимъ направляетъ позорную кличку „порожденій ехидниныхъ“ (Мѳ. III, 7), а къ народу (Лк. III, 7). Въ другихъ мѣстахъ опять немало сглаживается жестокость обличительныхъ словъ Христовыхъ, и самое гнусное объясненіе въ связи Чудотворца съ веельзевуломъ (Мѳ. XII, 24) усвояется безличному подозрѣнію толпы (Лк. XII, 15), которая выступаетъ впередъ и въ теченіе послѣднихъ ужасныхъ дней. Лука умалчиваетъ о формальномъ приговорѣ синедріона противъ Христа (XXII, 71), въ преданіи Его Пилату XXIII, 1) и въ пререканіяхъ съ игемономъ главную роль приписываетъ народу (XXIII, 4, 14), хотя при активномъ участіи вождей. Подобно сему, ругателями и истязателями невинно осужденнаго Узника называются (XXII, 63) люди (οἱ ἄνδρες) безъ яснаго намека, что это было по волѣ первосвященника и его клевретовъ (ср. Мѳ. XXVI, 65—68). И во время земной жизни своей Христосъ не чуждался фарисеевъ, охотно принималъ ихъ приглашенія (VII, 36 сл. XI, 37 сл. XIV, 1 сл.) съ цѣлію пробудить въ нихъ добрыя чувства и внушить спасительное настроеніе.

Мы видимъ теперь, что у Луки нигдѣ не отмѣчается, чтобы Евангеліе отрѣшалось отъ іудейской массы по причинѣ отверженія его послѣднею, чѣмъ фатально порождается взаимное отрицаніе. Расхожденіе было принципіальное. Эта истина несомнѣнна и потому, что теократическія права Израиля признаются Лукою въ полной мѣрѣ. Христіанство рисуется у него величайшимъ осуществленіемъ священныхъ обѣтованій и чаяній народа Божія и въ своемъ историческомъ развитіи утверждается на ветхозавѣтномъ основаніи (II, 22 сл., 27. X, 26. XVI, 17, 29. XXIV, 44; ср. IV, 21. X, 25

— 28. XVII, 14. XVIII, 18 — 20. XXIII, 56). Естественно, что здѣсь получаютъ высшее освященіе всѣ преимущества богоизбранности чадъ Авраамовыхъ. Для нихъ безспорно было божественное „усыновленіе“ (Рим. IX, 4) по особой близости къ Богу (Исх. IV, 22. XIX, 5. Второз. XIV, 1 — 2. XXXII, 6, Ос. XI, 1 и др.), — и Всевышній „воспринялъ Израиля, отрока своего“ (Лк. I, 54), „посѣтилъ народъ свой“ (ср. II, 32) и „сотворилъ ему избавленіе“ (I, 68). Евреямъ принадлежали „слава“ (Рим. IX, 4) соприсутствія Божія,—и въ принесенномъ Богомладенцѣ Симеонъ узрѣлъ спасеніе и славу народа своего предъ лицемъ всѣхъ людей (II, 31—32) согласно предреченію пророка Аггея (II, 9) о бóльшемъ величіи храма второго сравнительно съ первымъ. Потомки Авраамовы были въ „завѣтѣ“ съ Іеговою, получили божественное „законоположеніе“, обладали наилучшимъ средствомъ для выраженія своего благоговѣнія въ установленномъ „богослуженіи“, были надѣлены всѣми дарами высокихъ обѣтованій (Рим. IX, 4), — и все это сбылось съ пришествіемъ „Святаго Божія“. Теперь Богъ, „какъ говорилъ отцамъ, воспомянулъ милость къ Аврааму и сѣмени его до вѣка“ (Лк. I, 54 — 55), „воздвигъ рогъ спасенія въ дому Давида, отрока своего, какъ возвѣстилъ устами бывшихъ отъ вѣка святыхъ пророковъ своихъ“ (I, 69 — 72), когда въ городѣ Давидовомъ родился Спаситель, Господь Христосъ (II, 11), — утѣха Израилева для всѣхъ, ожидавшихъ избавленія (II, 25, 38). Вмѣстѣ съ обѣщаніемъ нашла тутъ свое осуществленіе и клятва, которою клялся Богъ Аврааму (I, 73). Равно не осталась безъ награды вѣрность закону и богоучрежденному культу: — радостное благовѣстіе прежде всего сообщается „священнику“ Захаріи, „служившему въ порядкѣ череды своей“ (I, 8) и „ходившему по заповѣдямъ и уставамъ Господнимъ безпорочно“ (I, 6), потомъ Симеону, „мужу праведному и благочестивому“ (II, 25), и Аннѣ, которая не отходила отъ храма и благоугождала Богу постомъ и молитвою (II, 37). Понятно, что и Богомладенецъ принесенъ былъ въ храмъ для представленія Господу (II, 22), соблюдалъ праздники (II, 41) и съ самаго дѣтства выполнялъ законническія предписанія (I, 21, 22 — 24, 27, 39). Въ качествѣ „пророка Всевышняго“ и „Востока свыше“ (I, 76, 78). Онъ — соотвѣтственно древнимъ предначертаніямъ — далъ народу возможность „служить Богу въ святости и правдѣ предъ Нимъ во всѣ дни жизни“ (I, 75). Іудеи почитались сѣменемъ Авраамовымъ, — и Всевышній, по клятвѣ своей и завѣту святому съ праотцами, сотворилъ потомкамъ милость (I, 54, 55, 72 73), пославъ — въ лицѣ Іоанна Предтечи — учителя для возвращенія сердецъ отчихъ дѣтямъ и для сообщенія непокоривымъ образа мыслей праведниковъ, чтобы предсталъ Господу приготовленнымъ

народъ Его (I, 17). Мало того: Іосифъ (и Дѣва) — изъ дома Давидова (I, 27. II, 3 — 5) и Христосъ раждается въ городѣ Давида (II, 11) и занимаетъ престолъ Его, какъ своего отца (I, 32).

При такомъ внутреннемъ соотношеніи христіанство являлось величайшимъ увѣнчаніемъ и всесовершеннымъ удовлетвореніемъ педагогическихъ усилій ветхозавѣтнаго прошлаго, почему послѣднее — устами праведнаго Симеона — спокойно говорило себѣ съ сознаніемъ исполненнаго долга: нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему, съ миромъ (II, 29). Устраняясь и поглащаясь, истинное іудейство совсѣмъ не усматривало въ этомъ своей смерти, а — напротивъ — чувствовало, что именно теперь и начинается исполненіе того, что было предметомъ робкаго чаянія и тусклаго прозрѣнія. Народъ Израильскій сходилъ съ передняго плана обогащенный болѣе содержательными надеждами, чѣмъ какими жилъ доселѣ. И тотъ же старецъ Симеонъ съ увѣренною восторженностію возглашалъ: видѣста очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей,—свѣтъ во откровеніе языковъ, и славу людей своихъ Израиля (II, 30—32).

Ясно, что христіанство разобщается отъ іудейства не по какой-либо враждѣ къ нему и не по отсутствію фактическаго и идейнаго родства съ нимъ. Внутренняя ихъ связь и историческій восходъ солнца правды именно на іудейскомъ горизонтѣ — скорѣе — должны свидѣтельствовать, что сама тьма не восхотѣла принять живительнаго сіянія. Такъ и было въ фактической дѣйствительности. Истинные носители богооткровенныхъ завѣтовъ сразу усмотрѣли въ Сынѣ Маріи свое избавленіе, однако въ цѣлой массѣ народъ оказался далеко не на высотѣ своего призванія. Въ немъ было немало добрыхъ зачатковъ и здравыхъ упованій (III, 15—16, 18, 21. VII, 29. VIII, 47. XVIII, 43. XIX, 48. XX, 5, 45. XXI, 38. XXIV, 19 и др.), и онъ спѣшилъ къ Іисусу Христу для помощи и назиданія, встрѣчая сочувствіе, одобреніе, похвалу и поддержку (IV, 15, 42. V, 1, 15. VIII, 4, 40. IX, 37. XI, 29. XII, 1. XIV, 25 и др.). Къ сожалѣнію, его нравственная энергія не имѣла достаточной крѣпости, чтобы сохраниться до конца. Уже при входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ мы не встрѣчаемъ ликующей толпы, которая упоминается Матѳеемъ (XXI, 8—9) и Маркомъ (XI, 8—9), — и у св. Луки (XIX, 37) ее замѣняетъ „все множество учениковъ“ (ἅπαν τὸ πλῆθος τῶν μαθητῶν). Въ противовѣсъ сему, при осужденіи Христа первенствующая роль усвояется народу, который въ безумномъ ослѣпленіи собираетъ горящіе угли на свою голову. Фарисейское самомнѣніе и людская самоправедность (XV, 1—2. XVI, 14—15. XVIII, 9—14)

сами закрываютъ себѣ возможность спасенія, а ожесточенное упорство истинѣ равняется смертному приговору. „Враговъ же моихъ, — тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы я царствовалъ надъ ними, — приводите сюда и избейте предо мною“ (XIX, 27) — это неизбѣжная участь людей, не только не желающихъ принимать подаваемое туне, но и попирающихъ священный даръ. Тутъ вина самаго грѣшника, который преступно невнимателенъ къ предлагаемому свыше и потому не сподобляется спасительныхъ благъ.

Значитъ, въ грѣховной анестезіи и нравственной косности вся причина того, что христіанство отрывается отъ іудейства и теряетъ тяготѣніе къ нему. Въ этомъ смыслѣ для Евангелія Луки крайне показательно, что въ немъ всѣ важнѣйшіе отдѣлы начинаются сообщеніемъ типическихъ сценъ отверженія Христа іудеями (IV, 28—30. IX, 51—56. XIX, 41—44) безъ соблюденія точной хронологія и, очевидно, для выраженія спеціальной идеи о собственной виновности Израиля въ его богооставленіи.

Этотъ послѣдній штрихъ служитъ къ завершенію всѣхъ нашихъ наблюденій касательно принципіальныхъ воззрѣній третьяго Евангелиста на христіанство. Оно какъ бы отстраняется отъ іудейства и избираетъ себѣ другое поприще, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что это случилось по враждѣ къ изгнавшему, когда по необходимости бываетъ нужно отыскивать новое поприще и иной пріютъ. Въ этомъ случаѣ расширенія сферы дѣйствія было бы непредусмотрѣннымъ и ненатуральнымъ для христіанства, которое по существу являлось бы силою націоналистически обусловленною, сохраняя свою эссенціанальную узость и послѣ ухода на страну далече отъ своего отчаго іудейскаго дома. Напротивъ, у Луки съ отчетливостію отмѣчается симпатія глубокаго соболѣзнованія къ теократическому іудаизму —и не по одному состраданію снисхожденія, а по духовному влеченію къ тому, что родственно по природѣ. Поэтому здѣсь разрывъ сопровождается не механическимъ рефлексомъ пропорціональнаго противодѣйствія сравнительно съ напряженностію отверженія и соотвѣтственнымъ послѣднему, т. е. одинаково ограниченнымъ. Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ сознательное перенесеніе христіанской активности по горестному убѣжденію въ непригодности прежней почвы и по собственной независимости отъ нея. Тогда эта энергія будетъ несвязанною внѣшними стѣсненіями и оказывается господствующею надъ ними съ необъятностію, которую они сдержать не могутъ. Такъ іудейская безнаціональность христіанства сочетается и мотивируется его универсальностію по самой своей природѣ. И это значеніе коренится даже въ самомъ генетическомъ соотношеніи къ Израильской исторіи, которая фактически раскрывается тутъ по вселенски-обязатель-

ному достоинству своего божественнаго содержанія. Если пришествіе Христово было для Симеона „свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ“, то и Приснодѣва съ рѣшительностію высказываетъ, что ее будутъ ублажать всѣ роды (I, 48), а при рожденіи Богомладенца Ангелы славословятъ миръ по всей землѣ и *благоволеніе въ человѣкахъ* (*II, 14*). Іоаннъ Креститель заставлялъ трепетать сердца не правовѣрныхъ только евреевъ, но его голосу внимали отверженные мытари и грубые воины (III, 12, 14), одинаково интересуясь его разъясненіями на вопросъ, что̀ имъ дѣлать? Еще при самомъ началѣ своего служенія рѣчью въ Назаретской синагогѣ Христосъ категорически удостовѣрилъ, что и Сирія и Сидонъ не менѣе принадлежатъ къ Его владѣніямъ (IV, 16—30) и будутъ находиться въ сферѣ сіянія Его божественной славы. И именно у Луки мы читаемъ, какъ презрѣнный самарянинъ оказался выше гордаго священника (X, 30—37) и прокаженный иноплеменникъ превзошелъ своею благодарностію черствыхъ евреевъ (XVII, 12—19). Наряду съ этимъ заботливо опускаются черты, которыя дозволяютъ истолкованіе, неблагопріятное для язычества (VII, 6. X, 5—6. XX, 16. XXII, 14). Не безъ намѣренія, конечно, повѣствованіе о спасительной дѣятельности Христовой начинается общею для всѣхъ Евангелистовъ цитатой изъ Иса. XL, 3—5, но со свойственнымъ лишь Лукѣ (III, 6) продолженіемъ ея (сравнительно съ Мѳ. III, 3. Мрк. I, 3. Ін. I, 23) до великихъ торжественныхъ словъ: и у з р и т ъ в с я к а п л о т ь с п а с е н і е Б о ж і е. Равно и въ заключеніе реферата о земномъ подвигѣ Христовомъ читается сладостное увѣреніе, что „Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее“ (XIX, 10). Отсюда вытекаетъ, что универсализмъ не случайно привился къ христіанству вслѣдствіе изгнанія изъ первоначальной національной области. Онъ заложенъ въ эссенціальныхъ глубинахъ благодатной силы, какъ независимо всеобъемлющей. Достаточно сослаться еще на отношенія къ преступному Израилю. Еслибы послѣдній былъ покинутъ всецѣло и навсегда съ окончательною безповоротностію, — этимъ могло бы внушаться подозрѣніе о недостаточности христіанскихъ рессурсовъ къ преодолѣнію инертности или упорства. Но этого фактически нѣтъ, ибо не всѣ надежды потеряны. Никто изъ званныхъ не вкуситъ вечери Христовой, при ихъ отказѣ на благостное приглашеніе, — и понятно, что она достается покорнымъ голосу Господа (XIV, 16—24), — нищимъ, увѣчнымъ, слѣпымъ, хромымъ (XIV, 13), когда „придутъ отъ востока и запада, и сѣвера и юга и возлягутъ въ царствѣ Божіемъ“ и эти послѣдніе замѣстятъ собою первыхъ (XIII, 29—30). Очевидно, требуется лишь душевное влеченіе смиренной готовности, а это вполнѣ доступно для благоразумнаго іудейства. Естественно, что

и оно не устраняется окончательно по натуральной неспособности, или по закоренѣлой неисправимости. Бѣда вся въ томъ, что его недостойные адепты не хотятъ слушать Моисея и пророковъ и въ своемъ ожесточеніи доходятъ до невѣрія даже воскресшимъ изъ мертвыхъ (XVI, 18 — 31). Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и всѣ пророки войдутъ въ царство Божіе, несчастные же потомки будутъ изгоняемы вонъ, поелику хозяинъ дома не вѣдаетъ ихъ (XIII, 25 — 28). Впрочемъ, и это еще не рѣшительная гибель: — слѣдуетъ только подвизаться войти сквозь тѣсныя врата (XIII, 23), чтобы достигнуть обителей небесныхъ. Эти возможности позволяютъ Евангелисту открыть нѣкоторые просвѣты въ будущемъ для самоосужденнаго Израиля. Не безъ цѣли, конечно, онъ упоминаетъ, что при смерти Христовой весь народъ (іудейскій) былъ душевно потрясенъ и возвращался, бія себя въ грудь (XXIII, 48), а въ теченіе своего разсказа особенно оттѣняетъ состраданіе Господа къ дѣтямъ и дщерямъ Авраамовымъ (XIII, 16. XIX, 9), равно скорбь объ ослѣпленіи народномъ, исторгающую жгучія слезы изъ божественныхъ очей и горячую мольбу изъ устъ о святомъ городѣ (XIX, 41 — 42): „о, еслибы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что̀ служитъ къ міру твоему!" И для іудеевъ не на вѣки потерянъ спасительный путь. „Востокъ свыше" не освѣщаетъ ихъ, но лишь нынѣ (XIX, 42); они погибаютъ, но только по нераскаянности (XIII, 5 , ибо не уразумѣли времени посѣщенія своего (XIX, 44). Однако, настанетъ великій моментъ, когда кончатся καιροὶ ἐθνῶν (XXI, 24), — и тогда Іерусалимъ снова возсіяетъ съ необычайною яркостію во свѣтѣ немерцающемъ и непреходящемъ — во свѣтѣ славы Христовой.

Всѣмъ этимъ въ христіанскомъ универсализмѣ указывается та типическая особенность, что христіанская энергія, будучи всевластною, не является жестоко сокрушительной даже тамъ, гдѣ подобное наказаніе юридически было бы безусловно справедливымъ. Значитъ, христіанство рисуется у Луки всесѣло благостнымъ, а для этого должны быть достаточныя причины, чтобы не оказалось тутъ просто подозрительное попустительство, разъ имѣются всѣ средства обуздать и разгромить зло. Недоумѣніе разрѣшается тѣмъ, что въ третьемъ Евангеліи человѣческая грѣховность представляется неразрывною отъ безпомощности. Помимо вопроса о виновности и вмѣняемости — безспорно, что іудейство зашло во мракъ безысходности, безъ дороги и безъ компаса, а уже выбилось изъ силъ. И если высшіе классы законничества оттѣсняются здѣсь народными массами, то отсюда лишь неотразимѣе, что это истощеніе захватило всѣ слои и проникло до самаго корня націи. Въ результатѣ получалась фактическая неспособность къ созиданію собствен-

наго избавленія. Потому именно и предуготовительная миссія Предтечи была разсчитана на полное внутреннее измѣненіе духовнаго состоянія сыновъ Израилевыхъ (I, 17), а „Востокъ свыше“ долженъ былъ даровать прощеніе грѣховъ, просвѣщеніе сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смертной и путь мира для блуждающихъ ногъ (II, 77—79). Понятно само собою, что язычество было тѣмъ болѣе слабо и скудно. И римскіе воины, наряду съ прочими, спрашивали Іоанна Крестителя: „а намъ что̀ дѣлать?“ Капернаумскій сотникъ склоняется къ вѣрѣ Израилевой, снискивая высокое уваженіе ея исповѣдниковъ, но и его давитъ неумолимо-мучительное чувство (VII, 2—10): „нѣсмь достоинъ“.

Такая безпомощная слабость обыкновенно бываетъ только удобною средой для наилучшаго обнаруженія торжествующей силы, которая побѣдоносно водворяется на развалинахъ всеобщаго погрома. Если въ настоящемъ случаѣ было совсѣмъ противное, — этимъ категорически свидѣтельствуется, что вседержавность христіанская неотлучна отъ необъятной милости, во имя которой Евангелистъ обнаруживаетъ безграничную, даже парадоксальную любовь къ грѣшникамъ и самую незыблемую увѣренность въ ихъ прощеніи и исправленіи [1]). Именно съ этой стороны христіанство и живописуется у Луки, и о немъ еще Данте говорилъ, что это есть scriba mansuetudinis Christi, а поэтъ Гердеръ называлъ его „благовѣстникомъ филантропіи“ [2]). Явленіе Господа было актомъ благоутробнаго милосердія Божія (I, 78), и „Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души, а спасать“ (IX, 56). Онъ преисполненъ духомъ всецѣлой любвеобильности (ср. IX, 51), и въ Немъ столь часто отмѣчается внимательность къ женской слабости, что иногда трудъ спутника Павлова называется Евангеліемъ для женщинъ [3]). У Христа Іисуса заблудшая овца нимало не забывается ради девяносто девяти оставшихся дома и найденная дидрахма вызываетъ великую радость, какой не возбуждаютъ девять, хранящіяся въ сокровищницѣ. Притча о блудномъ сынѣ почитается какъ бы особымъ „Евангеліемъ въ самомъ Евангеліи“ [4]), или квинтъ-эссенціею послѣдняго, а она намъ внушаетъ, какъ возвращеніе кающагося грѣшни-

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 100

[2]) Joh. G. Herder, Vom Erlöser der Menschen (Riga 1796), S. 218 у Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II$^{3}$, S. 398$_{23}$

[3]) Rev. A. Plummer, A Commentary on the Gospel according St. Luke, p. XLIII. Ср. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 109 — 110

[4]) Rev. A. Plummer, p. 371.

ка встрѣчается съ истиннымъ восторгомъ всепрощенія и любви (XV, 3—32). Презрѣнная грѣшница преимущественно удостоивается снисхожденія и спасенія (VII, 36—50), уничиженный мытарь возвышается оправданіемъ (XVIII, 10—14), отверженный Закхей взыскивается необычайною милостію (XIX, 1—10), безнадежно скорбная Наинская вдова слышитъ всемогуще утѣшительное „не плачь" (VII, 11—15), исцѣленныя отъ злыхъ духовъ и болѣзней жены занимаютъ мѣсто наряду съ Апостолами (VIII, 1—3), Марѳа и Марія сподобляются чести принять божественнаго Наставника въ домъ свой и учиться единому на потребу (X, 38—42), простая незнакомка за возгласъ восхищенія награждается ублаженіемъ (XI, 27—28), — и умирающій Христосъ за распинателей молится словами безмѣрной благости (XXIII, 34): Отче, отпусти имъ, вдохновляя благоразумнаго разбойника счастливымъ упованіемъ (XXIII, 43): днесь со Мною будеши въ раи.

Христосъ есть Господь щедротъ и владыка всякой утѣхи: — таковъ тонъ всего Евангельскаго изображенія у третьяго синоптика. Посему христіанство, универсальное въ въ своемъ существѣ, является и столь же благостнымъ, пользуясь своею неограниченною мощію для наилучшаго проявленія своего спасительнаго милосердія. Оно — всесовершенная благость по источнику и по способу достиженія своей цѣли. Человѣчество пало окончательно, и его гибель была бы неизбѣжна, но тогда-то и оправдалось поразительно, что невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога (XVIII, 27). Въ эту именно пору надвигающейся катастрофы Христосъ принимаетъ на себя тяжкое бремя вины Авраамовой и несетъ въ теченіе всей жизни, чтобы на Голгоѳѣ свергнуть его навсегда. Уже Богомладенецъ возбуждаетъ горестное предчувствіе смертельной драмы, которая — подобно острому мечу — поразитъ душу Матери (II, 35); однако Господь непоколебимъ въ своемъ подвигѣ. Подъ этою ношей подгибаются Его колѣна, и страстная чаша вызываетъ болѣзненное содроганіе во всей святой природѣ. Онъ изнемогаетъ въ истощеніи и нуждается въ укрѣпленіи Ангела, потъ — какъ капли крови — орошаетъ божественное чело (XXII, 41—44) и крестъ жестокимъ позоромъ завершаетъ великое служеніе. Но теперь то и наступаетъ желанное увѣнчаніе, ибо власть князя міра сего пала и двери рая открылись для всѣхъ, — даже для разбойника (XXIII, 42—43). Своими страданіями Христосъ вошелъ въ славу свою (XXIII, 26), а все это было для того, чтобы уготовать миръ (XXIII, 36) всѣмъ народамъ (XXIII, 46—47).

Спасеніе достигнуто и составляетъ собственность совершителя. И дальше проникаетъ его таже благость, которая

господствовала съ самого начала всего искупительнаго процесса. Ради и вмѣсто другихъ пріобрѣтенное, — это благо и сообщается спеціально тѣмъ, кто въ немъ наиболѣе нуждается. Не требуютъ здравіи врача, но болящіи. Не пріидохъ призвати праведныхъ, но грѣшныхъ въ покаяніе, — говоритъ Христосъ (V, 31—32). Пусть люди слабы и немощны, но вѣдь отъ нихъ и не требуется особыхъ подвиговъ. Напротивъ, необходимо лишь исповѣдать свою безпомощность и всею полнотой вѣры въ божественную милость прилѣпиться къ Избавителю со смиреннымъ сознаніемъ своего недостоинства и со всецѣлою преданностію, отрѣшенною отъ всякихъ мірскихъ привязанностей и заботъ, съ горячею мольбой о снисхожденіи, съ сердцемъ сокрушеннымъ и ищущимъ возрожденія. Эти оттѣнки проглядываютъ уже въ изображеніи отношеній Господа къ XII-ти. Самъ Онъ призываетъ ихъ къ себѣ (V, 1 сл.) безъ малѣйшихъ заслугъ и постепенно возводитъ къ высшему совершенству. По своимъ естественнымъ способностямъ они часто не могутъ просто понять сказаннаго (IX, 45. XVIII, 34), — и въ словахъ Петра иногда звучитъ темное невѣдѣніе (IX, 33). Не менѣе того имъ не по силамъ изгнать демона (IX, 40), и только усердная молитва помогаетъ не впасть въ искушеніе (XXII, 40, 46). Посему для нихъ обязательно удаленіе отъ всякой лицемѣрной закваски вѣка сего (XII, 1) съ его гордостію и превозношеніемъ. Слѣдуетъ оставить все это (V, 11, 28. XVIII, 28), не искать первенства при отсутствіи правъ даже на послѣднее мѣсто и умалиться до меньшаго всѣхъ, чтобы сдѣлаться великимъ (IX, 46 сл. XXII, 24 сл.). При какихъ условіяхъ лишь одна вѣра спасаетъ человѣка, надѣляя всякаго дѣйствительною энергіей исторгать смоковницу и ввергать ее въ море (XVII, 6). Предъ своими страданіями Христосъ молился, чтобы не оскудѣла вѣра Петрова (XXII, 32), и каждому внушается взывать непрестанно (XVII, 5): приложи вѣру! Въ ней вся важность для всѣхъ, ибо благодать неизмѣнно спѣшитъ навстрѣчу ей, открывая доступъ къ завѣтнымъ тайнамъ царства Божія (VIII, 10) и прямой путь къ трапезѣ Господней (XXII, 28 — 30) съ неисчерпаемымъ избыткомъ все болѣе и болѣе умножающихся даровъ: „кто имѣетъ, тому дано будетъ" (VIII, 18). „Отвергнись себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною" (IX, 23): — вотъ единственно необходимый спасительный способъ, а плоды его таковы: „потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее" (IX, 24). Посему горе богатымъ, пресыщеннымъ, смѣющимся, упивающимся мірскими утѣхами (VI, 24 — 26) и вѣчное мученіе самодовольному бражнику съ его виссонною порфирой и блистательными пиршествами (XVI, 19 сл.). „Что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ" (XVI, 15) и наоборотъ. Гибельно отягощеніе сердецъ забо-

тами житейскими (XXI, 34), и — напротивъ — нищета, алчба, плачъ, уничиженіе приносятъ блаженство (VI, 20—23). Сокрушеніе о духовной скудости вызываетъ мольбу, которая — при искренности и энергичности — никогда не останется безъ вознагражденія (XI, 5—15). Все въ вѣрѣ и отъ вѣры. Если таковой нѣтъ, — зерно погибаетъ, при ея слабости и второстепенномъ значеніи — злакъ скоро засыхаетъ и подавляется, но совершенно ея даетъ сторичный плодъ (VIII, 5—15). Невѣрующіе не спасутся (VIII, 12), за—то каждому обладателю ея Христосъ неизмѣнно и властно говоритъ (VII, 50. VIII, 48. XVII, 19. XVIII, 42): вѣра твоя спасе тя,

Мы видимъ теперь, что у Луки въ процессѣ спасенія всецѣло господствуетъ благостная вѣра, какъ и терминъ πίστις встрѣчается у него 11 + 15 разъ, чаще другихъ Евангелистовъ (у Мѳ. 8, у Мрк. 5, у Ін. нѣтъ). Въ согласіи съ нею даются и практическія наставленія При немощности и недостаточности необходимо испрашивать верховную помощь по снисхожденію къ нуждающейся слабости. Поэтому у третьяго синоптика особенно внушается неотложность взывающей и уповающей молитвы какъ прямыми заповѣдями (XI, 5 сл., 9 сл. XVIII, 1—8, 11— 13. XXI, 36. XXII, 32, 40), такъ и примѣромъ самого Христа, о моленіяхъ Котораго Лука сообщаетъ семь новыхъ случаевъ по сравненію съ другими извѣстіями (III, 21. V, 16. VI, 12. IX, 18, 29. XI, 1. XXIII, (34), 46). Для успѣшности —эти воззванія непремѣнно должны связываться съ покаянною настроенностію, которая потребна въ качествѣ почвы для приложенія милости Божіей чрезъ отпущеніе грѣховъ и для благодатнаго освященія бренной природы человѣческой отъ Св. Духа. Соотвѣтственно преобладанію этихъ понятій — и въ вокабулярѣ Луки мы находимъ больше примѣровъ употребленія словъ такого содержанія: 5 (Лк. III, 3, 8. V, 32. XV, 7. XXIV, 47) + 6 (Дѣян. V, 31. XI, 18. XIII, 24. XIX, 4. XX, 21. XXVI, 20 μετάνοια (у Мѳ. 2: III, 8. 11, у Мрк. 1: I. 4, у Ін. нѣтъ); 6 (Лк. I, 50, 54, 58, 72, 78. X, 37) ἔλεος (еще только у Мѳ. 3: IX, 13. XII, 15. XXII, 23, а у Мрк., Ін. и въ Дѣян. не имѣется); 3 (Лк. I, 77. III, 3 XXIV, 47) + 5 (Дѣян. II, 38. V, 31. X, 43. XIII, 38. XXVI, 18) ἄφεσις ἁμαρτιῶν (у Мѳ. 1: XXI, 28, у Мрк. 2: I, 4. III, 29, у Ін. не находится'; Πνεῦμα ἅγιον 12 (13) + 41 (у Мѳ. 5, у Мрк. и Ін, по 4 ре). При этомъ немыслимо и разсчитывать на вознагражденіе, когда все зависитъ отъ верховнаго состраданія по благодати (χάρις у Лк. 8 + 17, у Ін. 3, у Мѳ. и Мрк. не встрѣчается). Естественно, что Матѳеевы выраженія: „аще любите любящихъ васъ, кую мзду (τίνα μισθόν) имате?" (V, 46), „будите убо вы совершени (-έλειοι), якоже Отецъ вашь небесный совершенъ (τέλειος) есть" (V, 48) измѣняются у Луки, получая такую

фразировку: „и аще любите любящія вы, кая вамъ благодать (ποία... χάρις) есть?" (VI, 32), „будите убо милосерди (οἰκτίρμονες), якоже и Отецъ вашъ милосердъ (οἰκτίρμων) есть" (VI, 36). Тутъ все условливается благодатію Господней, — и чѣмъ она незслуженнѣе и неожиданнѣе, тѣмъ глубже отвѣтная благодарность, тѣмъ громче и искреннѣе ея проявленія. Неудивительно, что третье Евангеліе полно хвалы и благодаренія Всевышнему — въ трогательныхъ гимнахъ Ангеловъ (II, 14), Приснодѣвы (I, 46—55), Захаріи (I, 68—79), Симеона (II, 29—32). Здѣсь всюду раздается слава (δοξάζειν τὸν θεὸν: II, 20. V, 25, 26. VII, 16. XIII, 13. XVII, 15. XVIII, 43; ср. Мѳ. IX, 8. Мрк. II, 12) славословій (αἰνεῖν τὸν θεόν: II, 13, 20. XIX, 37. XXIV, 53 (?). Дѣян. II, 47. III, 8, 9; αἶνον διδόναι Лк. XVIII, 43) и неумолчныхъ благословеній (εὐλογεῖν τὸν θεόν: I, 64. II, 28. XXIV, 53 (?) и еще лишь Іак. III, 9) Богу благодѣющему. У Луки все сіяетъ радостію: (χαίρειν: у Лк. 12+7, у Мѳ. 7, у Мрк. 1, у Ін. 9; χαρά: у Лк. 8+4, у Мѳ. 6, у Мрк. 1, у Ін. 9), — и повѣствованіе, открывающееся молитвой по обязательному чину, заканчивается упоминаніемъ о всегдашнемъ пребываніи въ храмѣ благодарно славословящихъ учениковъ (XXIV, 53 καὶ ἦσαν διαπαντὸς ἐν τῷ ἱερῷ αἰνοῦντες καὶ εὐλογοῦντες τὸν θεόν).

Эти детали оживляютъ общую картину и наглядно оттѣняютъ, что для Луки христіанство есть попреимуществу благодать Божія. Въ ней именно универсализмъ и находитъ свое точное осуществленіе чрезъ божественнаго подателя во Христѣ Іисусѣ, какъ вѣчномъ и неисчерпаемомъ источникѣ. Если ни у кого нѣтъ правъ на блаженство, то никому оно и не принадлежитъ исключительно, а если дарованіе зависитъ только отъ милости, то, очевидно, его и удостаиваются всѣ нуждающіеся, ибо Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшаго (XIX, 10 и ср. VI, 9, IX, 56). Поэтому, занимаясь въ Палестинѣ (I, 34, 54 сл., 68 сл. II, 10, 31, 32), заря христіанства постепенно захватываетъ Самарію (X, 33 сл. XVII, 1 сл. и ср. IX, 55 сл.) и распространяется на весь міръ, поелику въ немъ свѣтъ для всѣхъ, сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной (I, 79). Апостолы обязаны начать съ Іерусалима (XXIV, 47); однако искупленіе совершено по благоутробному милосердію Всевышняго (I, 78), въ силу чего покаянію и прощенію грѣховъ надлежало быть проповѣдану во всѣхъ народахъ (XXIV, 47).

Но, реализуясь при помощи благодати Божіей, универсализмъ сообщаетъ ей энергію для плодотворнаго функціонированія. Нетребовательность по отношенію къ просителю обычнѣе и чаще всего связывается съ неспособностію дающаго удержать свое достояніе, которое и у него не прочно и похитителю всего менѣе полезно. Для всесовер-

шенной дѣйственности необходимо, чтобы это была милость независимаго обладателя и самодержавнаго распорядителя: — тогда всѣ акты будутъ обезпечены въ своей высшей разумности его безусловною автономностію. Эссенціальный универсализмъ и сообщаетъ это существенное основаніе, удостовѣряя, что христіанство чуждо всякихъ внѣшнихъ ограниченій, поскольку по природѣ своей всевластно. Значитъ, это достоинство, какъ натуральное по самому бытію даннаго явленія, коренится въ его производителѣ и необходимо предполагаетъ абсолютнаго устроителя спасенія, почему онъ и можетъ награждать людей со щедростію полноправнаго отца и съ авторитетомъ неоспоримаго владыки, а для всего міра и для всѣхъ вѣковъ этимъ требуется въ немъ наиполнѣйшая божественность. И она здѣсь вполнѣ несомнѣнна фактически. Христосъ раждается, но отъ Дѣвы и по наитію Св. Духа въ качествѣ сына Всевышняго, у котораго даже земная генеалогія возводится къ Богу (III, 38). Тогда оказывается божественная гуманитарность, близкая и родственная человѣчеству, но независимая всецѣло, всегда и во всемъ, безспорная и дѣйственная даже при внѣшнемъ уничиженіи. Рѣшительнымъ „да“ отвѣчаетъ обвиняемый Христосъ на вопросъ игемона: σὺ οὖν εἶ ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ? — съ присовокупленіемъ, что „отнынѣ Онъ возсядетъ одесную силы Божіей“ (XXII, 70, 69), которою облекаетъ и своихъ учениковъ (XXIV, 49) для продолженія Его дѣла въ томъ же направленіи. Воскресшій есть для всѣхъ Господь и съ высоты своего престола властно разсыпаетъ щедроты по всей поднебесной. Согласно этому принципіальному воззрѣнію Лука особенно часто употребляетъ наименованіе ὁ Κύριος въ приложеніи къ Искупителю (VII, 13. X, 1. XI, 39. XII, 42. XIII, 15. XVII, 5 сл. XIX, 8. XXII, 31. XXIV, 34), приближаясь тутъ къ Іоанну Богослову; независимому, но во многомъ предполагающему его [1]), а терминологически отражая Павлинистическую концепцію [2]). Однако эта господственность — не отвлеченно подавляющая, а гуманитарно-приближенная и потому пріобщающая все человѣческое и органически объединяющая въ себѣ всѣхъ его членовъ на началахъ равнаго облагодатствованія всякой вѣрующей души. У Луки Христосъ есть абсолютный примиритель, а христіанство — божественная бла-

[1]) См. Lic. Dr. Hellmuth Zimmermann, Lukas und die Johanneische Tradition въ „Studien und Kritiken“ 1913, IV, S. 586—605 Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S 159, 160. См. и выше на стр 19.

[2]) Ср и Theodor Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil, S. 251.

годать безмѣрной милости Божіей, всѣхъ избавляющей и оживляющей для радости и блаженства не по холодному деспотизму, а по внутренней конгеніальности. И мы видимъ что терминъ υἱὸς θεοῦ значительно превышается въ третьемъ Евангеліи (8+26) сочетаніемъ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου, ибо, будучи и всегда пребывая Богомъ, Сынъ Вышняго сдѣлался человѣкомъ по любви къ людямъ и ради ихъ спасенія. Въ такомъ качествѣ Онъ всѣмъ близокъ, и Его учительное обращеніе для всѣхъ обязательно и вразумительно. Посему лишь у Луки и нигдѣ болѣе Христосъ шесть разъ (V, 5. VIII, 24, 45. IX, 33, 49. XVII, 13) именуется ἐπιστάτ ς, или общій наставникъ неоспоримо божественнаго авторитета и не менѣе несомнѣнной гуманитарности. Слово Его и властно (IV, 32, 36) и непреложно (XXI, 33), такъ что внимательность къ нему награждаетъ слушающихъ тѣснѣйшимъ родствомъ съ Учителемъ (VIII, 21) и даетъ единое на потребу (X, 39, 41). Онъ — Κύριος, господинъ, всѣмъ владѣющій и всѣмъ распоряжающійся неограниченно, но Его сила направляется не къ побѣдѣ принужденія, поелику это — Спаситель (σωτήρ I. 47. II, 11 и ср. 1н. IV, 42; σωτηρία I, 69, 71, 77. XIX, 9 и ср. Ін. IV, 22; τὸ σωτήριον II, 30. III, 6 — у другихъ синоптиковъ не встрѣчаются) по снисхожденію, человѣколюбію и благости Божіей (χαριτόω I, 28; χάρις 8 разъ и еще у 1н. I, 14, 16, 17). Отсюда и миссія Христова заключалась въ томъ, чтобы εὐαγγελίζεσθαι (у Лк. до 10 разъ и еще лишь у Мѳ. XI, 5 по связи съ Иса. LXI, 1)—возвѣщать всѣмъ радость великую, которая громко звучитъ по всему третьему Евангелію, какъ отголосокъ любви, дающей всѣмъ жизнь, свѣтъ и веселіе.

---

Съ утвержденіемъ успѣшнаго примѣненія спасительныхъ началъ Христовыхъ — задача Евангельскаго изображенія оказывается достаточно законченною, а у насъ получается то общее заключеніе, что у Луки христіанство есть благодать и оно всегда и для всѣхъ благодатно. Но благость, будучи истинною, обязательно требуетъ соотвѣтственнаго обнаруженія и безъ него обычно бываетъ лишь пустымъ звукомъ. Ясно, что для обоснованія такой идеи необходимы историческіе факты, которые удостовѣряли бы ее по природѣ и вліянію. Съ другой стороны, Лука отправляется отъ „извѣствованности", гдѣ реальное завершеніе событій является и конкретнымъ раскрытіемъ и нагляднымъ оправданіемъ господствующаго принципа.

Отсюда естественно и понятно, что

**планъ третьяго Евангелія**

чисто историческій. Въ первой части (I, 5—IV, 13) Лука передаетъ предуготовительныя свѣдѣнія о спасеніи всѣхъ въ Сынѣ Вышняго, предваряемомъ чрезъ вѣстника Господ

ня, который всѣхъ призываетъ къ покаянію, равно и Бого младенецъ — при вѣрности закону — есть свѣтъ и слава для всѣхъ народовъ. Во второмъ отдѣлѣ (IV, 14—IX, 50) и описывается, какъ въ этомъ направленіи Христосъ развивалъ Свою миссію и въ словѣ (IV, 14—30) и въ дѣлѣ (IV, 31—VI, 11), учреждая — въ лицѣ избранчыхъ Апостоловъ — вселенское царство всепрощенія, мира и любви (VI, 12—IX, 50). Въ третьемъ циклѣ (IX, 51—XIX, 27) — по поводу путешествій Господа въ Іерусалимъ на праздники (IX, 51—XI, 54. XII, 1—XIII, 9. XVII, 11—XIX, 28), пребыванія въ Переѣ (XIII, 10—XVII, 10) и отправленія въ столицу на страданія (XVII, 11—XVIII, 30)—излагаются въ рядѣ наставленій, притчей и изреченій истинныя основы церкви Христовой и ея характеръ, условія и качества, потребныя для всѣхъ членовъ Въ четвертой, заключительной части (XIX, 28—XXIV, 52) излагается самое дѣло искупленія — всѣми желаемое, для всѣхъ совершонное и всѣмъ даруемое.

Вполнѣ подходитъ къ этому историко прагматическому плану третьяго Евангелія и

## общій характеръ повѣствовательной изобразительности,

типически индивидуально отличающій весь священный трудъ. Изъ него слѣдуеть, что все спасительное служеніе Господа во всемъ объемѣ и всѣми своими подробностями показывало въ Немъ универсальнаго и вседовлѣющаго Спасителя міра. Подмѣтивъ эту господствуюцую черту, Лука уже не нуждался въ особенномъ освѣщеніи дѣйствительности, поелику сама она давала все, къ чему стремился исторіографъ въ своихъ увѣщательныхъ цѣляхъ и что наиболѣе потребно было для предположенныхъ читателей. Ему оставалось только воспроизвести подлинный ходъ событій, чтобы достигнуть задуманнаго результата. И научное наблюденіе удостовѣряетъ, что третій Евангелистъ больше даже четвертаго обладалъ несомнѣннымъ даромъ хорошаго историческаго разсказчика [1]) и былъ отличнымъ стилистомъ [2]). При этомъ онъ все живописуетъ съ такою пластичностію, что его писаніе, какъ самое литературное среди всѣхъ Евангелій [3]), считается наиболѣе прекрасною книгою въ мірѣ (E. Renan).

[1]) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 235.
[2]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Artzt, S. 80, 146.
[3]) См. у Rev. A. Plummer, p. XLVI—XLVII.

и автору издавна усвояется достоинство художника [1]). Понятно, что такая картина невольно захватывала слушателя, котораго приковываетъ къ себѣ рельефною наглядностію, увлекаетъ глубиною всюду пробивающихся чувствъ [2]), трогаетъ истинно гуманитарною человѣчностію [3]).

Но по самому существу задачи пластическая изобразительность при обрисовкѣ событій обязательно должна сочетаваться съ фактическою обстоятельностію и историческою корректностію. И мы видимъ, что Лука наблюдаетъ точность въ употребленіи „свѣтской терминологіи“ [4]) и по-Ксенофонтовски подробенъ въ фактическихъ сообщеніяхъ [5]), хотя все это нужно понимать въ духѣ греческой исторіографіи, которая отличалась небрежною вольностію передачи и не стремилась къ строгой фактической скрупулёзности [6]). Однако историческій объективизмъ вовсе не является у Луки послѣднею цѣлію литературнаго воспроизведенія, и хронологическое καθεξῆς [7]) разумѣется по аттически — въ смы-

---

[1]) Позднѣйшія извѣстія Никифора Каллиста (XIV в. въ h. e. II, 43), Симеона Метафраста (около 1100 г.) и Минолопія (отъ 980 г.) императора Василія II го подкрѣпляются свидѣтельствомъ церковнаго историка (повидимому, VI вѣка) Өеодора Чтеца (Collectan. I,1: M. gr. LXXXVI, col. 165), что императрица Евдокія (около 440 г.) послала въ Константинополь своей дочери Пульхеріи, женѣ Өеодосія II, найденный въ Іерусалимѣ образъ Богоматери (Θεομήτωρ), писанный Апостоломъ Лукою, откуда — вопреки скептицизму многихъ (Prof. Paul Schanz, Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas, S, 3 u. Anm. 4 — 5. Rud. Cornely, Introductio specialis in singulos N. S. libros, p. 121, not. 4) — заключаютъ, что по крайней мѣрѣ „the legenda has a strong element of thruth“ (Rev. A. Plummer, p. XXII и ср. XLVI). Допустить здѣсь зерно исторической правды гораздо естественнѣе, чѣмъ видѣть тутъ сплошное недоразумѣніе, которое Prof. Th. Zahn объясняетъ такъ (Einleitung in das N. T. II, S. ¹337:6; ³341·6 )· у Нила (ср. IV, 61) ἱστορίαι суть живописныя изображенія и у византиковъ ἱστορεῖν тожественно съ ζωγραφεῖν, поэтому и слова Өеодора Чтеца τὴν εἰκόνα τῆς θεοτόκου, ἣν ὁ ἀπόστολος Λουκᾶς καθιστόρησεν, конечно, относятся къ художественности литературнаго воспроизведенія. Все это слишкомъ тонко и легко обрывается обратнымъ предположеніемъ, что данная интерпретація представляется лишь изощреннымъ перетолкованіемъ термина καθιστορεῖν и не имѣетъ подъ собою никакого историческаго основанія.

[2]) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S.²34.

[3]) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. ²35—36.

[4]) Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. ²51 f.

[5]) Th. Vogel, Zur Charakteristik.., S.²52.

[6]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 80 ff.

[7]) Prof. Joh Evang. Belser, Einleitung in das N. T. S. ²136, 138.

слѣ Өукидидовскаго прагматизма[1]). Эти качества внѣшней обстоятельности занимаютъ въ третьемъ Евангеліи служебно соподчиненное значеніе, нимало не лишаясь своего достоинства. Исторія есть всегда самый лучшій и нелицемѣрный учитель, а по отношенію ко Христу она и совершеннѣйшій руководитель ко спасенію, которое созидалось Его историческою жизнію. Поэтому чѣмъ фактичнѣе, полнѣе и детальнѣе она будетъ изложена, тѣмъ яснѣе и внушительнѣе зазвучитъ ея голосъ, тѣмъ побѣдоноснѣе будетъ самое дѣйствіе. Здѣсь тотъ пунктъ, гдѣ научная солидность сходится съ телеологическими стремленіями благовѣстническаго вліянія, и они взаимно покрываютъ свой предметъ. Отсюда будучи „словомъ" назидательнымъ, третье Евангеліе вмѣстѣ съ тѣмъ и по тому самому является также и писаніемъ научно историческимъ[2]). Въ „прологѣ" Лука ясно выражаетъ объективно-научныя воззрѣнія касательно своего литературнаго предпріятія и при его осуществленіи строго держится научныхъ пріемовъ объективности, возможно тщательной вѣрности по вопросамъ о мѣстѣ, времени и т. п. Самый слогъ его — слогъ историка, достаточно правильный и ровный, иногда возвышающійся до аттической элегантности и чистоты греческихъ классиковъ, но не рѣдко приближающійся къ хронологической отрывочности лѣтописца, кратко отмѣчающаго рядъ событій (*IX, 51 — XVIII, 31*), при добросовѣстномъ использованіи документальныхъ оригиналовъ (гл. I — II), хотя бы и съ немалымъ насиліемъ надъ своимъ изящнымъ перомъ.

Всѣмъ этимъ достигается отчетливая повѣствовательная изобразительность, а чрезъ нее обезпечиваются и внутреннія намѣренія увѣщанія, коренящагося въ „извѣствованныхъ вещахъ", ибо своею живостію онѣ захватываютъ каждаго и переносятъ его въ сферу благодатной спасительности. Чрезъ трудъ Луки дѣло Христово получаетъ всѣ гарантіи соотвѣтственнаго примѣненія по своему значенію въ качествѣ универсальнаго благодатнаго фактора. Но самая благодать бываетъ истинно зиждительною силой лишь при томъ непремѣнномъ условіи, если она проистекаетъ изъ источника эссенціально божественнаго. Въ этомъ направленіи Лука явно наклоняется къ чисто Іоанновскому пониманію личности Господа Спасителя, приближаясь къ Евангелисту-Богослову не по однимъ фактическимъ подробностямъ, а идейно[3]). Слѣдовательно, искупленіе Христово оказы-

[1]) Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N. T. S.[2] 137.

[2]) Cp. Prof. W. M. Ramsay, St. Paul the Traveller and the Roman Citizen, p. 2, 3, 20, 21. Rev. A. Plummer, p. XLVIII

[3]) Cp. Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI[3], S. 697.

вается вполнѣ божественнымъ по своему основанію и утвержденію, почему должно быть именно таковымъ по распространенію и возобладанію, ведущимъ къ окончательному торжеству. Но если первое оправдывалось историческимъ повѣствованіемъ, то и второе требуетъ не менѣе историческаго огражденія въ фактическомъ описаніи благодатной дѣйственности Христовой въ мірѣ. Такъ третье Евангаліе естественно сопровождается и увѣнчивается книгою Дѣяній апостольскихъ.

* * *

# КНИГА ДѢЯНІЙ СВ. АПОСТОЛОВЪ.

Книга Дѣяній св. Апостоловъ имѣетъ

## положеніе и значеніе въ новозавѣтномъ канонѣ

соотвѣтственно объективнымъ историческимъ требованіямъ. Она открывается такимъ вступленіемъ: „первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити, даже до дне, въ онь же заповѣдавъ Апостоломъ Духомъ Святымъ, ихъ же избра, вознесеся" (Дѣян. I, 1—2). Этимъ категорическимъ предупрежденіемъ „второе" писаніе св. Луки приводится въ прямую свяяь съ „первымъ", какъ непосредственное приложеніе къ нему. Отсюда точно и безошибочно опредѣляются его мѣсто и достоинство. Ранѣйшее повѣствованіе было посвящено подробному и всестороннему изображенію дѣлъ и ученія Христа Спасителя до завершенія искупительной миссіи въ вознесеніи. Тутъ подвигъ Господа былъ вполнѣ законченнымъ, достигшимъ своего всецѣлаго обнаруженія и безусловнаго историческаго раскрытія. Созиданіе уже оказывалось фактомъ прошлаго, не требующимъ и не допускающимъ какого либо фактическаго или исторіографическаго добавленія, но наряду съ этимъ не менѣе справедливо и необходимо, что если спасительное благовѣстничество Искупителя имѣло божественную силу и соотвѣтствующую дѣйствительность, — а это неоспоримо, — то у него непремѣнно должно быть равное будущее въ смыслѣ продолженія, развитія и утвержденія. Доброе дерево не могло не принести плодъ — и, разумѣется, — по роду своему. Въ такомъ случаѣ для дальнѣйшаго процесса обязательно по самому существу, что онъ идетъ въ духѣ служенія Христова, для чего нужны лица, которыя бы усвоили его и были авторитетно уполномочены на эту миссію.

Таковъ неизбѣжный выводъ, удостовѣряющій, что „второе слово" къ Ѳеофилу занимается именно этою стадіей христіанскаго дѣйствія въ исторіи и даетъ намъ подлинную

картину того, какъ закрѣплялось въ мірѣ основанное Господомъ избавленіе, получая свойственную ему реализацію на землѣ. Посему въ книгѣ Дѣяній мы находимъ исторію возрастанія уже созданнаго царства Божія въ его нормальномъ и предначертанномъ теченіи, хотя бы и сверхъестественными средствами, достойными энергіи и благодати Христовой. Въ этомъ своемъ качествѣ разсматриваемый трудъ является драгоцѣннымъ звеномъ въ цѣпи священныхъ новозавѣтныхъ памятниковъ, поскольку захватываетъ важнѣйшую сторону подвига Христова. Послѣдній не былъ бы совершеннымъ и всецѣлымъ, еслибы онъ замыкался въ личности самого Искупителя и не обнаруживалъ всей своей возрождающей и обновляющей мощи среди людей, на которыхъ онъ и былъ разсчитанъ спеціально. Иначе получилось бы съ несомнѣнностію, что Христосъ туне умре (*Гал.* II, 21). Подобно сему и письменное возвѣщеніе должно было представить фактическое примѣненіе основоположительныхъ началъ христіанскаго возрожденія. Все это мы полностію и находимъ въ книгѣ Дѣяній. Тутъ она прямо и органически примыкаетъ къ Евангелію и неразрывна отъ него, какъ и фактически эти моменты слѣдовали одинъ за другимъ. Естественно, что священный писатель называетъ свое новое твореніе „вторымъ словомъ", которое чрезъ это пріобрѣтаетъ въ новозавѣтномъ канонѣ мѣсто соотвѣтственно реальному ходу вещей, показывая намъ растространеніе и возобладаніе во вселенной таинства искупленія людей благодатію Христовой.

Эту идею должно прежде всего выражать

## наименованіе книги „Дѣяній Апостоловъ" адекватно ея содержанію.

Спасительная жертва была принесена Сыномъ Божіимъ. Онъ есть единый устроитель благодатнаго примиренія, а по тому самому и единственный собственникъ всѣхъ даровъ христіанскаго наслѣдованія. Понятно теперь, что другіе могли пріобрѣтать только отъ Него и черезъ Него. По этой причинѣ и сообщеніе благъ Христовыхъ предполагаетъ лицъ, уполномоченныхъ Господомъ и надѣленныхъ спеціальными средствами. Таковыми были только ученики Христовы, которые — по предреченію — воспріяли обѣтованіе Духа, продолжающаго искупительную миссію Сына на землѣ. Лишь Apostolorum erat proprium praedicare (Hilarii in Matth. X, 9 ad vers. 30: M. lat. IX, 965). Значитъ, поступательное движеніе благовѣстія Христова непремѣнно должно быть апостольскимъ, какъ это необходимо въ дѣлѣ Божіемъ.

Здѣсь и вполнѣ законное основаніе для названія данной священной книги Πράξεις τῶν Ἀποστόλων. Неизвѣстно съ

точностію, когда именно оно появилось. Іоаннъ Златоустъ какъ будто допускаетъ его изначальность, говоря (in princ. Act. I, 3: M. gr. LI, 72): „Павелъ, имѣвшій благодать Духа, не пропустилъ надписи на (Аѳинскихъ) алтаряхъ, а ты проходишь безъ вниманія заглавія Писаній. Онъ не пропустилъ того, что начертали Аѳиняне — идолослужители, ты же не считаешь необходимымъ и то, что̀ написалъ Духъ Святый". Однако въ цитованномъ пассажѣ мысль выражена слишкомъ догматически — въ примѣненіи къ ходившему тогда тексту, а не въ видѣ историческаго извѣстія, отголосковъ котораго нигдѣ не встрѣчается у св. отца въ другихъ мѣстахъ. Но во всякомъ случаѣ вѣрно, что это есть древнее обозначеніе, вызвавшее очень раннія апокрифическія подражанія (напр. „Дѣянія Павла и Ѳеклы" II в. и, можетъ быть, отъ конца I-го) и иногда съ буквальностію транскрибировавшееся въ старинныхъ переводахъ (сирійскомъ, bohaïrica, армянскомъ—эрпеніанскомъ) и даже у латинскихъ комментаторовъ (in libro Praxeos vel Praxeon у Иларія in Matth. XIV, 20: M. lat. IX, 1000).

Принимая этотъ фактъ, многіе находятъ указанный титулъ не соотвѣтствующимъ содержанію, поелику въ самой книгѣ разсказывается только объ Апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, изъ которыхъ второй не принадлежалъ къ лику XII-ти, хотя и занимаетъ Дѣеписателя преимущественно; о прочихъ упоминается кратко и о большинствѣ ихъ сохраняется голое имя. Это недоумѣніе достаточно серьезно, ибо — при его неразрѣшимости — мы должны будемъ согласиться, что или самъ Лука не съумѣлъ справиться со своею задачей, давъ вмѣсто цѣлаго нѣчто фрагментарное, искаженно освѣщающее событія, или Церковь неправильно поняла апостольское произведеніе, сообщивъ ему несвойственный смыслъ. Для устраненія этихъ принципіальныхъ затрудненій обыкновенно ссылаются (Rud. Cornely; И. П. Николинъ, Дѣянія святыхъ Апостоловъ, Сергіевъ Посадъ 1895, стр. 172—173), что въ авторитетныхъ кодексахъ читается не *αἱ πράξεις τῶν ἀποστόλων*, а лишь *πράξεις ἀποστόλων*: такъ B (въ подписи), D и др., св. Аѳанасій (epist. fest. 39: M. gr. XXVI, 1177, 1437), Іоаннъ Златоустъ (in princ. Act. I, 3: M. gr. LI, 71), Евѳалій. Это названіе будетъ уже обозначать просто „Дѣянія апостольскія" — безъ нумерическаго опредѣленія описываемыхъ лицъ, а апостольское достоинство окажется общимъ, нарицательнымъ для всѣхъ „посланниковъ" Евангелія, не ограниченнымъ по приложенію только къ избранному сонму приближенныхъ учениковъ Господнихъ.

Въ этомъ толкованіи есть доля вѣроятности, но едва ли ее предполагали и ничуть не выражаютъ прямо вышеприведенныя варіаціи въ греческихъ текстахъ. А затѣмъ подобное пониманіе совсѣмъ не исчерпываетъ всей глубины

предмета и потому не отвѣчаетъ предъявленному имъ требованію. Мы знаемъ, что „Дѣянія“ изображаютъ распространеніе царства Христова въ мірѣ чрезъ авторитетныхъ по своему званію и уполномоченныхъ служителей Господнихъ, а таковыми были и оставались только и единственно XII ть „преднихъ“. Св. Лука противорѣчилъ бы самъ себѣ и набросилъ бы догматическое сомнѣніе на весь этотъ величественный процессъ, еслибы — вопреки существу задачи — сосредоточился особенно лишь на второстепенныхъ его двигателяхъ, между тѣмъ принципіально изыскивалось, чтобы тутъ выступали не просто достойные продолжатели, а неоспоримые замѣстители Христовы. Посему исторіографъ непремѣнно долженъ былъ разумѣть Апостоловъ въ собственномъ и строжайшемъ смыслѣ, дабы оградить ходъ развитія христіанской Церкви неотразимыми удостовѣреніями, что распространеніе и утвержденіе благовѣстія Христова совершались по его нормамъ, въ его духѣ и силѣ. Заглавіе книгъ и должно констатировать со всею категоричностію, что это — истинно „Дѣянія самихъ Апостоловъ“, приближенныхъ ко Христу и лично Имъ посланныхъ на вселенскую проповѣдь. Сколько изъ нихъ живописуются и какіе подвиги рисуются? — тутъ совсѣмъ иной вопросъ. Важность не въ количествѣ, а исключительно въ самомъ принципѣ, что дѣло Христово строилось руками вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ. Именно такая идея господственно занимала мысль писателя, почему онъ пунктуально сообщаетъ о восполненіи лика XII-ти и въ кандидаты на мѣсто отпавшаго Іуды допускаетъ только „одного изъ тѣхъ, кто находились при нихъ во все время, когда пребывалъ и обращался съ ними Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ нихъ, былъ вмѣстѣ съ ними свидѣтелемъ воскресенія Его“ (Дѣян. I, 21—22). По этой причинѣ и самое избраніе совершилось изволеніемъ Духа по жребію. Но разъ тутъ все сводится къ наглядному оправданію принципіальнаго тезиса, то въ его конкретномъ фактическомъ раскрытіи состояла и вся исторіографическая задача. Для нея нимало не требовалось, чтобы зарегистрированы были всѣ дѣянія всѣхъ, какъ этого не нужно было и для Евангелій, по заявленію св. Іоанна Богослова (XXI. 25; XX, 30). Необходимымъ оказывалось единственно то, чтобы апостольская исторія была изображена соотвѣтственно внутренней ея цѣли, а послѣдняя сводилась къ Евангельскому возвѣщенію въ Іерусалимѣ, во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края вселенной (Дѣян. I, 8). Поелику въ началѣ особенно выдѣляется Апостолъ Петръ,—отсюда вполнѣ естественно, что ему и посвящено здѣсь наибольшее вниманіе, при чемъ молчаніе о другихъ достаточно убѣждаетъ, что они тоже подвизались въ оди-

наковомъ духѣ, хотя бы менѣе замѣтно и не столь отвѣтственно; разсказъ о нихъ не прибавлялъ бы ничего существеннаго, загромождая книгу разнороднымъ фактическимъ матеріаломъ и этимъ даже затемняя нѣсколько доминирующую идею. Во второй и бо́льшей части Дѣяній всюду рисуется предъ нами св. Павель, не принадлежавшій къ сонму XII ти. Устроеніемъ Божіимъ ему суждено было достигнуть до „послѣднихъ земли", — и въ этомъ вполнѣ законная причина, что дальше мы читаемъ у Луки только почти о Павловомъ благовѣстничествѣ. При всемъ томъ дѣятельность Апостола исходитъ отъ „преднихъ", регулируется ими и утверждается на согласіи съ ихъ авторитетомъ, какъ и самъ Павелъ лишь единеніемъ и тожествомъ съ ними ограждаетъ свое полноправное достоинство. Будучи „сосудомъ избраннымъ" (Дѣян. IX, 15) „ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ" (Гал. I, 1), онъ все-таки исполнялъ всю свою великую миссію во всецѣлой солидарности со столпами Церкви, отъ нихъ получилъ санкцію „свободнаго" служенія у язычниквъ и имъ же доставлялъ отчеты, подчиняясь общецерковной дисциплинѣ въ интересахъ христіанскаго блага. Значитъ, и тутъ мы имѣемъ дѣянія собственно апостольскія, ибо они идутъ отъ апостольскаго источника и совершаются мужемъ, несомнѣнно, апостольскимъ, хотя онъ и не былъ „самовидцемъ" Господа въ теченіе Его земной жизни.

При такомъ пониманіи, обоснованномъ принципіально и фактически, наименованіе книги будетъ точно совпадающимъ съ ея содержаніемъ и снова показываетъ намъ, что въ ней автентично воспроизводятся труды полномочныхъ преемниковъ подвига Христова въ смыслѣ непосредственнаго примѣненія спасительнаго искупленія при созиданіи царства Божія въ мірѣ. Въ подвигахъ посланниковъ мы должны находить и видѣть осуществленіе завѣтовъ Пославшаго, поелику они безспорные Апостолы Христовы. Посему и „второе слово" Луки — изображеніемъ апостольской проповѣди въ лицѣ ея главнѣйшихъ носителей — представляетъ намъ дальнѣйшую стадію въ историческомъ раскрытіи благодатнаго избавленія Христова. Этимъ опредѣляются

## цѣль и характеръ апостольской исторіографіи.

Если вышесказанное несомнѣнно теперь съ разныхъ сторонъ, то и самая задача являлась исчерпанною, когда дѣло Христово получало совершенное развитіе и обезпеченную прочность. По существу предмета, тутъ нужно было всецѣлое фактическое закрѣпленіе завѣтовъ Господнихъ, ихъ не-

искоренимое внѣдреніе въ строй міровой жизни. Разъ это достигнуто, — тогда нормальный процессъ христіанскаго процвѣтанія оказывается обезпеченнымъ по своей непрерывности и возрождающему вліянію на умы и сердца людей. Раскрыть это движеніе отъ силы въ силу — такова только и была главнѣйшая цѣль Дѣеписателя. Онъ берется за трудъ лишь потому, что тутъ вопросъ идетъ о спасительномъ оживотвореніи вселенной благодатію Христовой, которая по самой своей природѣ не могла оставаться замкнутою въ себѣ и обязательно должна была обнаруживать свое божественное дѣйствіе. Естественно, что фактическое напоминаніе объ этомъ являлось всего менѣе холоднымъ и бездушнымъ фотографированіемъ, но направлялось къ тому, чтобы посредственно воспитывать читателей въ благотворномъ смыслѣ. Исторія евангельской проповѣди сама переходитъ въ проповѣдь и призываетъ къ подножію креста. И св. Лука ясно выражаетъ это внутреннне намѣреніе, когда книгу Дѣяній называетъ „вторымъ словомъ" и приравнаваетъ къ „первому", гдѣ точнымъ и безпристрастнымъ воспроизведеніемъ событій онъ желалъ достигнуть, чтобы „Өеофилъ узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ" (Лк. I, 4). Здѣсь историческое изображеніе пріобрѣтаетъ глубоко назидательный характеръ, а частное посвященіе гарантируетъ распространеніе чрезъ вѣрныя руки надежнаго и авторитетнаго сановнаго магната. Разумѣется, и для сего не требовалось хронографической пунктуальности, поскольку убѣжденія утверждаются не на количествѣ фактовъ, а на ихъ принципіальномъ достоинствѣ. Тоже вполнѣ безспорно и для апостольской исторіографіи — лишь съ перенесеніемъ персональныхъ примѣненій на всю читающую массу. Въ этомъ пунктѣ увѣщательно-миссіонерскія стремленія Луки органически сходятся съ его объективно-историческими планами. Послѣдніе для насъ совершенно очевидны и безспорны. „Дѣянія" прямо считаются вторымъ твореніемъ по сравненію съ Евангеліемъ и по тому самому должны продолжать его, давая намъ картину распространяющагося искупленія Христова. А оно было разсчитано на спасеніе всего міра, почему и повѣствованіе не имѣетъ нужды распространяться дальше момента утвержденія христіанства въ господствующемъ центрѣ тогдашней „вселенной". Но, будучи исключительно дѣломъ Божіимъ, это избввленіе —соотвѣтственно своему началу— можетъ созидаться только по божественному полномочію чрезъ богоизбранныхъ совершителей. Понятно, что эта исторія является всецѣло апостольскою, поелику именно Апостолы были преемниками даровъ и служенія Господа, исполняя свою благовѣстническую миссію осуществленіемъ завѣтовъ Христовыхъ. Какъ фактически строилось на землѣ

царство Божіе средствами божественными чрезъ богопосланныхъ вѣстниковъ? — на этотъ вопросъ и отвѣчаетъ намъ обстоятельно Дѣеписатель своимъ историческимъ разсказомъ, въ чемъ неотразимо убѣждаетъ

## Содержаніе книги Дѣяній.

Она имѣетъ свое оправданіе въ томъ, что воскреніемъ Господа еще не закончилось спасительное промышленіе Божіе о человѣкѣ, — и на трепетное ожиданіе, „не въ сіе ли лѣто возстановляетъ Онъ царство Израилево", слышится отъ Него рѣшительное отклоненіе подобныхъ нетерпѣливыхъ надеждъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти (Дѣян. I, 6 — 7). Это скрыто въ невѣдомыхъ глубинахъ премудрости Божіей; ученикамъ же предлежало пока продолжать дѣло Учителя, — конечно, въ Его духѣ и силѣ. Поэтому-то въ началѣ мы и видимъ ихъ неотступно пребывающими при Господѣ и до самаго момента вознесенія поучающимися касательно судебъ царства Божія, которое они должны были распространять и утверждать въ мірѣ. Для сего Апостолы были ранѣе призваны самимъ Іисусомъ Христомъ и нынѣ получили въ этомъ смыслѣ прямыя повелѣнія отъ Него, но съ рѣшительнымъ условіемъ — ждать въ Іерусалимѣ „обѣтованія Отчаго" для открытія своей благовѣстнической миссіи (I, 2—11). Въ этомъ сознаніи своего предназначенія они со смиренною молитвой приготовляются къ столь великому подвигу и, не предвосхищая своевольно намѣреній Божіихъ, — по слову Апостола Петра, заботятся лишь о восполненіи своего сонма избраніемъ — вмѣсто Іуды—достойнѣйшаго замѣстителя, какой будетъ указанъ свыше. Это былъ Матѳій (I, 12 — 26), удовлетворявшій всѣмъ предъявленнымъ „знаменіямъ Апостоловымъ" (2 Кор. XII, 12). Но и теперь они не активны, потому что еще не воспріяли обѣтованнаго Духа. Только въ день Пятидесятницы въ обильномъ Его изліяніи имъ сообщены были всѣ потребныя средства, — и отселѣ открывается ихъ благовѣстническое служеніе чудодѣйственно—успѣшною проповѣдію св. Петра, а внутреннее созиданіе формирующейся Церкви обнаруживается всецѣлымъ единеніемъ ея членовъ во всемъ (II я гл.). Внѣшнее расширеніе ничуть не идетъ за счетъ внутренняго укрѣпленія и органическаго развитія, — и христіанская жизнь — покоряющимъ благоуханіемъ чистоты, святости и любви — фактически способствуетъ благовѣстническому слову. Неудивительно, если затѣмъ и сила Божія совершается въ немощи человѣческой при исцѣленіи хромого въ храмѣ; не менѣе понятно, что Апостолы стараются привлечь къ ней

соплеменниковъ, рекомендуя имъ путь покаянія за свое отреченіе отъ Праведнаго и за богоубійство, для чего они должны возвратиться къ великимъ обѣтованіямъ пророческаго прошлаго, исполнившимся на воскресшемъ Христѣ (III-я гл.). Но благая воля Божія требуетъ доброй воли человѣческой и вызываетъ инстинктивную оппозицію злой. Синедріонъ налагаетъ запретъ на уста Апостоловъ, а они съ сугубымъ дерзновеніемъ взываютъ къ Богу и преуспѣваютъ великою благодатію (IV-я гл.). Не задерживаетъ этого роста и единичное уклоненіе Ананіи и Сапфиры, поелику немедленно пресѣкается судомъ апостольскимъ, который свидѣтельствовалъ, что идеалъ Христовъ сохранялся въ неприкосновенности и теоретически и практически. Благодатный прогрессъ идетъ быстрыми шагами и преодолѣваетъ всѣ преграды узъ и бичеваній (V я гл.). Отнынѣ дѣло Божіе становилось и человѣческимъ, пріобрѣтая прочную организацію въ институтѣ „семи", которые и сами принимаютъ плодотворное участіе въ Евангельской проповѣди (VI-я гл.). Такъ изъ немногихъ членовъ постепенно составляется христіанская община съ опредѣленнымъ устройствомъ, гарантирующимъ ея земное процвѣтаніе и неослабное возрастаніе. По своему божественному существу она является грозною и опасною величиной для всего наличнаго, глубоко фальшиваго уклада, потому что желаетъ уже не просто уживаться съ нимъ, а стремится вытѣснить устарѣвшее разложеніе, замѣстить и поглотить его. Ревность Стефана, громко выразившаго эти намѣренія, открываетъ глаза начальникамъ іудейскимъ, и лютою смертію платятъ они за свою неминуемую бѣду, ничуть не отвращая ея (VII-я гл.). Основаніе положено твердое, и разрушить его невозможно. Посему и злобное противодѣйствіе фактически сопровождается экстенсивнымъ распространеніемъ благовѣстія по Іудеѣ и Самаріи. Для христіанства начинается новая эра обширнѣйшаго служенія по Евангельскому ревнію Апостоловъ и „діакона" Филиппа, пріобщающаго къ избранному стаду вельможнаго евнуха изъ далекой Эѳіопіи (VIII-я гл.).

Все предуказывало, что скоро благовѣстіе должно открыться предъ лицемъ всего свѣта, не стѣсняемое національными и географическими рамками. И въ это время Господь предуготовляетъ Себѣ достойный сосудъ благодати обращеніемъ къ своему имени „гонителя" Савла (IX, 1—30) и обезпечиваетъ просторъ для его вселенской миссіи предвареніемъ ея въ провозглашеніи Евангелія въ Палестинѣ (IX, 31—43) и — особенно — чрезъ призваніе Корнилія (X-я гл.). Крещеніе язычника — помимо вратъ прозелитизма — было тогда необычайнымъ фактомъ, возбудившимъ большія недоумѣнія даже во св. Петрѣ, но тутъ была такая принудительность божественнаго повелѣнія, что всѣмъ при-

шлось согласиться: убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ (XI, 1 — 18). Такъ открывалось мѣсто для созданія чисто языческой Церкви, которая и дѣйствительно возникаетъ скоро въ Антіохіи Сирійской и — трудами Варнавы и Савла — достигаетъ такого вліянія и настолько цвѣтущаго состоянія, что входитъ въ общеніе съ Іерусалимскою и помогаетъ ей въ матеріальныхъ затрудненіяхъ (XI, 19 — 30). Между тѣмъ и тамъ, несмотря на тиранническое преслѣдованіе свѣтской власти, слово Божіе росло и множилось, (XII-я гл.), — и это служило явнымъ знаменіемъ его всепобѣждающей благодатной мощи. Понятно, что теперь и нужно было предоставить ему всецѣлый просторъ, почему, согласно божественному внушенію, въ Антіохіи составляется планъ обширнаго миссіонерскаго путешествія, оффиціально возложеннаго на Варнаву и Савла. Они, „бывъ посланы Духомъ Святымъ", проходятъ Кипръ, Памфилію и Ликаонію и — съ радостнымъ чувствомъ благословеннаго успѣха — возвращаются обратно (XIII — XIV-я гл.).

Опытъ этой миссіонерской практики былъ поразительный. Благовѣстники неизмѣнно держались принципа, что спасеніе предлежитъ первѣе всего Израилю, а потому всегда и преимущественно аппеллировали къ іудеямъ и старались дѣйствовать черезъ синагогу. Но при этомъ со всею неотразимостью выяснилось, что „огрубѣло сердце людей сихъ и ушами они тяжко слышатъ". Евангельская проповѣдь чаще вызывала въ нихъ раздраженіе и злобу, язычники же принимали ее съ пламенною готовностію и всюду обнаруживали плоды вѣры. Не предрѣшая судьбы народа Божія, можно было съ несомнѣнностію утверждать, что — пока и въ массѣ — эллинская почва и больше нуждалась и лучше приспособлена для Евангелія. Это былъ величайшій фактъ христіанской исторіи. Его исключительная важность несомнѣнна уже по самому принципіальному смыслу. Оказывалось, что іудейскія прерогативы нимало не способствуютъ скорѣйшему усвоенію христіанскаго искупленія, а языческое „безбожіе" не мѣшаетъ глубинѣ и стремительности въ воспріятіи этихъ благъ. Отсюда вытекало съ неизбѣжностію, что нѣтъ необходимости налагать на эллиновъ иго іудейскаго законничества и польза евангелизаціи скорѣе требуетъ обратнаго метода. Приближался радикальный и рѣшительный кризисъ, — и христіанская мысль, естественно, останавливалась передъ нимъ въ раздумьи. Сомнѣнія немощныхъ и возраженія упорныхъ были лишь внѣшнимъ поводомъ къ авторитетному и окончательному разсмотрѣнію этого вопроса, который и былъ подвергнутъ обсужденію на Апостольскомъ соборѣ (XV, 1—34). Результатъ былъ благопріятный для язычниковъ, ибо Апосто-

ламъ угодно было не возлагать на нихъ стѣснительнаго законническаго бремени.

Здѣсь заключалось прямое благословеніе языческой миссіи, которая и раскрывается теперь во всей своей силѣ. Но еще ранѣе на этомъ поприщѣ особенно выдвигается св. Павелъ, и успѣшность его благоплоднаго дѣланія была яркимъ знаменіемъ божественнаго избранія даннаго лица на этотъ Евангельскій подвигъ со всѣми правами апостольства Христова. Естественно, что дальше именно на немъ и сосредоточивается все вниманіе Дѣеписателя, поелику „свидѣтельство" Палестинское считается законченнымъ и обезпеченнымъ въ той мѣрѣ, насколько это предопредѣлено Господомъ. Однако допущеніе въ Церковь язычника не равняется еще изгнанію іудея и всего менѣе позволяетъ забывать о послѣднемъ въ миссіонерской работѣ. Поэтому и св. Павелъ сначала направляется въ прежнія области и старается не выступать за предѣлы Малой Азіи и вообще держаться Эгейскаго побережья [1]). Его завѣтнымъ пунктомъ была Асія съ знаменитымъ Ефессомъ. Но Духъ не допускаетъ благовѣстника даже въ Виѳанію и приводитъ въ Троаду къ берегамъ желаннаго моря, за которымъ находится центръ эллинскаго блеска и языческаго мрака. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, — и все-таки великій миссіонеръ только послѣ особаго указанія садится на корабль, плывущій въ Македонію. Впрочемъ, и на этой чисто эллинской почвѣ онъ прежде всего взываетъ къ своимъ соплеменникамъ и лишь при упорствѣ ихъ переноситъ свое слово къ язычникамъ. Въ Филиппахъ, Ѳессалоникѣ, Веріи — вездѣ онъ встрѣчаетъ оппозицію іудаизма и пожинаетъ богатые плоды среди эллиновъ. Аѳиняне не были ни исключеніемъ изъ этого правила, ни опроверженіемъ такого опыта. Своимъ скептицизмомъ и индифферентизмомъ они показали не болѣе того, что утонченный умъ и высокое знаніе — подобно еврейской привилегированности — не служатъ благопріятнымъ условіемъ къ полученію спасенія и по своей самодовлѣемости иногда являются препоной, хотя сами по себѣ и не содержатъ чего либо эссенціально враждебнаго. Это видно съ отчетливостію на примѣрѣ просвѣщеннаго Коринѳа, гдѣ около двухъ лѣтъ съ успѣхомъ трудился св. Павелъ. Онъ съ радостію усматриваетъ въ этомъ великое благословеніе Божіе и, не останавливаясь въ Ефессѣ спѣшитъ въ Іерусалимъ на праздникъ, чтобы подѣлиться своими вѣстями съ церковію матерію (XV, 35—XVIII, 22). Подкрѣпленный и ободренный братьями, св. Павелъ устремля-

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte: Untersuchungen (Leipzig 1908), S. 87.

ется теперь въ Асійскую митрополію, дабы возжечь тамъ немерцающій и неугасающій свѣточъ для всей Малой Азіи. Его трехлѣтняя дѣятельность имѣла чрезвычайное вліяніе и въ корнѣ потрясла тамъ все исконное богопочтеніе. Неистовый бунтъ, поднятый среброковачемъ Димитріемъ, не могъ уничтожить слѣдовъ благовѣстнической энергіи, ибо удаляющійся Апостолъ оставилъ послѣ себя вѣрныхъ и испытанныхъ учениковъ, способныхъ и достойныхъ продолжать спасительную миссію. Самъ же онъ совершалъ благовѣстничество въ Елладѣ и Македоніи, изъ Филиппъ возвратился въ Троаду и чрезъ Милитъ моремъ достигъ Птолемаиды, откуда отправился въ Іерусалимъ (XVIII, 23 — XX, 16).

Радушный пріемъ братьевъ укрѣпилъ его духъ, и онъ не безъ удовлетворенія могъ окинуть испытующимъ взоромъ все свое благовѣстническое теченіе. Предъ нимъ возставали отрадныя картины повсюднаго оживотворенія лучами восшедшаго солнца правды, которое, разливаясь повсюду, не допускало и не терпѣло ослабленія въ силѣ и благотворности своего свѣта. Въ этомъ отношеніи были всѣ ручательства счастливаго будущаго съ полною надеждой на возрастающую экстенсивность благовѣстія Христова. Съ другой стороны, и почва оказалась весьма благодарною. Она охотно и глубоко принимала христіанскія сѣмена, которыя, естественно, должны были приносить плодъ по роду своему. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія не предвидѣлось опасности, а въ такомъ случаѣ было несомнѣнно, что здѣсь Евангеліе насаждено прочно, и все дѣло теперь въ продолженіи, достаточно безспорномъ по множеству вѣрныхъ учениковъ. Нужно было искать новаго поприща и притомъ въ спеціальномъ мѣстѣ, чтобы оно было центральнымъ для обширнѣйшихъ областей и служило удобнымъ средоточіемъ для христіанской миссіи. Въ этихъ интересахъ св. Павелъ уже давно рѣшилъ, что ему подобаетъ и Римъ видѣти (XIX, 21). Это значило обратить гражданскую столицу тогдашняго міра въ митрополію христіанской евангелизаціи, воздѣйствовать чрезъ вѣчный городъ по всѣмъ концамъ земли и постепенно преображать весь порядокъ жизни. Тогда наступило бы всецѣлое увѣнчаніе апостольскаго подвига. Но если и прежде всякій моментъ миссіонерскаго расширенія совершался по волѣ Божіей, то тѣмъ болѣе подобное грандіозное предпріятіе не могло строиться на однихъ человѣческихъ соображеніяхъ. Такъ и вышло фактически — вопреки всѣмъ обычнымъ расчетамъ. По совѣту предстоятеля Іерусалимской церкви, Апостола Іакова, и для устраненія іудаистическихъ подозрѣній и злоупотребленій — св. Павелъ принимаетъ участіе въ назорейскомъ обѣтѣ; однако этотъ актъ благожелательнаго

снисхожденія вызвалъ лишь бурный мятежъ. Критическое напряженіе уже достигало крайней остроты, и христіанскіе вожди стремились разрѣшить его въ пользу независимаго Евангелія, показавъ на примѣрѣ его глашатая, что оно ничуть не ведетъ къ ренегатству и отверженію Израильскихъ обѣтовъ и благочестивыхъ религіозныхъ обычаевъ. Этимъ у враговъ отнималась послѣдняя опора для благовидной борьбы, и они, предвидя свою гибель, поспѣшили устранить ее бунтарскимъ способомъ. Въ этомъ вся разгадка неожиданнаго и рокового эпизода. Апостолъ попадаетъ въ крѣпость и мужественно защищается предъ синедріономъ, при чемъ Богъ открываетъ ему, что такимъ именно путемъ осуществится его великое намѣреніе „свидѣтельствовать и въ Римѣ". Преступный замыселъ іудеевъ вынуждаетъ тысяченачальника препроводить арестованнаго изъ Іерусалима въ Кесарію, гдѣ изъ-за проволочекъ алчнаго Феликса онъ томится два года. При Фестѣ процессъ повернулся быстрѣе, но св. Павелъ, какъ римскій гражданинъ, потребовалъ непосредственнаго суда Кесаріева и, исповѣдавъ свою вѣру предъ Агриппой и Вереникой, былъ отправленъ въ Италію. Узы тяжелые содѣйствовами Апостолу къ обнаруженію нечистоты его враговъ и дали ему немало случаевъ и поводовъ возвѣстить имя Христово предъ тѣми, кто фактически не могъ, или не хотѣлъ и не расположенъ былъ слушать объ этомъ. Долгое и опасное плаваніе тоже не лишено было проявленій силы и милости Божіей чрезъ св. Павла, почему онъ прибылъ въ Римъ не безъ доброй для него рекомендаціи со стороны сотника предъ высшимъ начальствомъ. И „воевода" сразу позволилъ узнику жить особо при охранѣ одного воина. Свобода слова осталась за нимъ всецѣло, — и онъ немедленно дѣлаетъ попытку привлечь іудеевъ къ „надеждѣ Израилевой." Косность соплеменниковъ снова обнаружила предъ Апостоломъ, что „спасеніе Божіе послано язычникамъ". И, безъ сомнѣнія, эта увѣренность его вполнѣ оправдалась, когда въ теченіе двухъ лѣтъ онъ всѣмъ приходящимъ проповѣдывалъ царство Божіе и училъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно (XXI, 18—XXVIII, 31).

Завѣтная цѣль стремленій св. Павла была достигнута, а вмѣстѣ съ этимъ естественно прерывается и повѣствованіе о немъ, показывая своею идейною и литературною закругленностію

## фактически-художественный объективизмъ изображенія и законченность книги Дѣяній.

Всматриваясь въ движеніе дѣеписательскаго разсказа, мы не можемъ не замѣтить въ немъ строгой послѣдовательно-

сти и гармонической преемственности въ расположеніи отдѣльныхъ моментовъ при единствѣ основной идеи, проходящей черезъ все писаніе. Рѣчь идетъ о вліяніи христіанства, какъ возрождающей и всепобѣждающей силы, — и мы съ необходимостію ожидаемъ изображенія источниковъ и свойствъ ея, внутренняго строенія и внѣшняго облика. Это и дается намъ на самыхъ первыхъ страницахъ книги Дѣяній. Но эта сила — абсолютно спасительная и потому органически требуетъ приложенія къ другимъ для проявленія своей мощи и для сохраненія своего природнаго достоинства. Соотвѣтственно сему она и фактически сразу же начинаетъ работать въ указанномъ направленіи. Ближайшее и наиболѣе сродное, конечно, бываетъ первѣйшимъ объектомъ ея активности, а спасительность предохраняетъ отъ насильственнаго притѣсненія и нагнетательнаго подчиненія. И мы знаемъ, что христіанство прежде всего обращается къ іудейству и все время старается не прерывать связей съ нимъ. Однако упорное противоборство всегда вызываетъ отклоненіе энергіи въ иную сторону, гдѣ она находитъ подходящій матеріалъ, чтобы въ благопріятной сферѣ развернуться во всемъ блескѣ и величіи. Натурально, что — по причинѣ оппозиціи Израиля — Евангеліе переходитъ за черту Іерусалима и постепенно прокладываетъ себѣ путь въ міръ языческій, дабы потомъ пріобрѣсти тамъ исключительное господство. Въ общемъ и существенномъ — предъ нами рисуется картина проповѣданія іудейскаго и языческаго, и отсюда двѣ главнѣйшія части повѣствованія, живописующія 1) борьбу за іудеевъ, ради обѣтованно обезпеченной имъ евангелизаціи (I—XV, 34), и 2) побѣду благовѣстія въ язычествѣ (XV, 35 сл.). Если же обоснованный разрывъ съ съ родною средой невозможенъ безъ усерднаго, хотя бы и горькаго, опыта и если успѣшнаго перенесенія на чужую почву не бываетъ безъ предварительной подготовки, то эти стадіи не менѣе необходимы въ изображеніи, чѣмъ и въ жизни. Такъ получаемъ въ первой половинѣ два отдѣла, представляющіе устроеніе церкви Палестинской (I — VIII, 4) и постепенное перенесеніе христіанской проповѣди къ народамъ языческимъ (VIII, 5 — XV, 34). Послѣднее случилось, разумѣется, потому, что эллины оказались особенно воспріимчивыми къ Евангельскому слову и его благодатному вліянію. Тогда именно между ними благовѣстіе и развивается съ поразительною напряженностію, которая — при данныхъ условіяхъ — обязательно достигаетъ свойственнаго торжества. Понятно теперь, что и языческая миссія раскрывается въ двухъ періодахъ 1) утвержденія (XV, 35 — XXI, 16) и 2) окончательнаго торжества (XXI, 17 сл.). Теченіе христіанской исторіи до точности совпадаетъ съ заповѣдію Спасителя, чтобы Апостолы были свидѣтелями Ему въ Іеру-

салимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли (I, 8). При всемъ томъ это не есть намѣренное и тенденціозное приспособленіе писателя ко взятой формулѣ, поелику все покоится на самомъ свойствѣ разсматриваемаго явленія, въ которомъ всѣ моменты непремѣнно должны слѣдовать именно въ этомъ порядкѣ. Можно сказать, что историческія событія располагались согласно обѣтованію Господа и смотрѣть на это съ разныхъ точекъ зрѣнія, но рѣшительно нельзя отказать исторіографу въ полнѣйшемъ и нелицемѣрномъ объективизмѣ. Въ этомъ отношеніи св. Лука всячески безупреченъ, разъ онъ только раскрываетъ и показываетъ истинную сущность предмета. Такимъ способомъ съ безусловною безспорностію оправдывается и его спеціальная цѣль, коренящаяся во внутреннѣйшей глубинѣ воспроизводимаго историческаго событія. Спасеніе Божіе совершается лишь волею и силою Божіей: — этотъ тезисъ съ ослѣпительною яркостію освѣщается у Дѣеписателя, поскольку у него мы съ наглядностію видимъ, что все происходитъ сообразно верховнымъ планамъ. Божественное въ своемъ основаніи и Основатель, — христіанство оказывается одинаково божественнымъ и въ своемъ распространеніи, какъ несомнѣнно и то, что оно чуждо всякаго эгоизма — даже въ смыслѣ самосохраненія, преисполнено безграничной благостности и потому немедленно начинаетъ функціонировать вездѣ со свойственною животворностію.

Но въ такомъ случаѣ должно быть здѣсь и повсюдное божественное посредничество, потому что человѣческое, само по себѣ, не въ состояніи создавать и нормировать Божіе. Въ равной мѣрѣ очевиденъ и этотъ факторъ по достоинству самыхъ дѣятелей на всѣхъ ступеняхъ первохристіанскаго развитія. Преемство искупительнаго служенія было вручено Апостоламъ, а имъ предстояло привлечь къ благодати іудейство и язычество. Значитъ, въ обоихъ пунктахъ требуется апостольское верховенство. И на первыхъ порахъ всюду предносится намъ величественная личность св. Петра, сильнаго въ словѣ и въ дѣлѣ, полагающаго основаніе, обезпечивающаго продолженіе, отыскивающаго новые пути, направляющаго и благословляющаго подвиги другихъ. Безъ его соизволенія не совершается ничего, и вмѣстѣ съ Іоанномъ онъ низводитъ Духа Св. на обращенныхъ Самарянъ и обходитъ окрестныя области. О прочихъ Апостолахъ мы слышимъ мало, но для насъ принципіально и единственно важно, что не отмѣчается ни малѣйшихъ разногласій, почему мы вынуждены думать, что благовѣстники работали солидарно, усердно и успѣшно. Итакъ: исключительное апостольское участіе въ этой сферѣ удостовѣрено съ фактическою неотразимостію. Тоже истинно и для эллинской евангелизаціи. Она предваряется въ крещеніи

Корнилія св. Петромъ и зарождается въ Антіохіи по авторитету и подъ контролемъ Іерусалимскаго братства (Дѣян. XI, 22 сл.). Очевидно, его одобреніе необходимо мыслится и въ развитіи языческой миссіи чрезъ Варнаву и спеціально приглашеннаго Савла и громко сказывается въ соборно-апостольскомъ признаніи ея совершенной равноправности съ Палестинско іудейскою. Потомъ она почти цѣликомъ переходитъ въ руки св. Павла, для котораго уже самыя обстоятельства призванія свидѣтельствовали о его божественномъ посланничествѣ, тожественномъ по достоинству съ апостольствомъ „преднихъ". Поэтому-то и de facto у него существовало непрерывное и тѣсное общеніе съ „самовидцами", — и душей и сердцемъ они участвовали въ его подвигѣ. Слѣдовательно, и съ этой стороны безспорно божественное посредничество въ эллино-христіанскомъ благовѣстіи чрезъ апостольство Христово. Дѣйствительность гармонически отвѣчаетъ своей внутренней идеѣ и раскрываетъ ее, сама утверждаясь на этомъ въ своей нормальной реальности.

Здѣсь опять находитъ свое незыблимое оправданіе главнѣйшая тенденція св. Луки — показать апостольское строеніе христіанской исторіи въ ея распространеніи по міру языческому. И опять эта законченность пріобрѣтается совсѣмъ не искусственно, ибо не идетъ въ разрѣзъ съ фактическимъ положеніемъ вещей, а прямо и всецѣло вытекаетъ отсюда. Въ этой истинѣ наглядно убѣждаетъ самое свойство событій, что они во всемъ вѣрны себѣ, всегда выражаютъ свою норму, бываютъ именно тѣмъ, чѣмъ должны быть. Правда, весь разсказъ группируется тутъ около двухъ лицъ — Апостола Петра и св. Павла, — и они доминируютъ надъ всѣмъ и въ жизни, и въ ея изображеніи. Таковъ обычный пріемъ всей древней и наилучшей исторіографіи, что она преимущественно сосредоточивается на отдѣльныхъ выдающихся фигурахъ и къ нимъ стягиваетъ все многостороннее движеніе во всѣхъ его фактическихъ перипетіяхъ. Своимъ повѣствованіемъ такого характера Дѣеписатель только лишній разъ подтверждаетъ свою исконную славу широко просвѣщеннаго и литературно образованнаго человѣка, владѣющаго достаточными запасами и хорошею техникой исторіографическаго творчества, высокаго по изящно-правильному стилю и по научной обработкѣ матеріала. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи онъ далекъ отъ искусственной тенденціозности и значительно превосходитъ своихъ „свѣтскихъ" предшественниковъ: у послѣднихъ не рѣдко замѣчается насильственность повѣствовательной концентраціи съ незаконнымъ возвышеніемъ однихъ героевъ и несправедливымъ униженіемъ другихъ до безслѣднаго вытѣсненія народныхъ массъ, играющихъ лишь безличную аріе-

метическую роль, а у Луки нѣтъ ничего подобнаго даже въ приблизительной степени. Мы видимъ тамъ вѣрующихъ (Дѣян. II, 44. III, 32. V, 14), которые взаимно бываютъ „братьями“ между собою, не исключая Апостоловъ (VI, 3. XI, 1, 29. XII, 17. XV, 7, 13, 32, 33, 36. XVII, 10, 14. XVIII, 27. XXI, 7, 17, 20. XXVIII, 14, 15), крайне рѣдко слышимъ объ учителяхъ (XIII, 1), какъ и о друзьяхъ (XXVII, 3), за-то постоянно встрѣчаемъ собраніе учениковъ (I, 15 — 16. VI, 1, 2. IX, 26. XI, 26, 29. XV, 10. XVI, 1. XVIII, 27. XIX, 1, 9, 30. XX, 1, 7. XXI, 4, 16), которые во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ активны не менѣе пресвитеровъ (XI, 30. XV, 2, 4, 6. XXII, 23). Это — органически сплоченное и неразрывное братство, служащее не просто фономъ или механическимъ орудіемъ для руководителей, а ихъ основою и опорой. Въ этой перспективѣ, Петръ и Павелъ являются лишь primi inter pares, ибо не имѣютъ своей собственной силы или благочестія (III, 12), но одинаково получаютъ все изъ общаго источника въ Богѣ. Поэтому, выступая впередъ по своему отвѣтственному подвигу, они ничуть не занимаютъ всей картины и рисуются на ней среди равно святыхъ по благодати (IX, 13, 32). И фактически мы повсюду находимъ ихъ въ свитѣ единогласныхъ и активныхъ помощниковъ на нивѣ Христовой. Тутъ — характерно иллюстрирующіе типы, тѣмъ самымъ удостовѣряющіе наличность во всемъ церковномъ организмѣ господствующаго неизмѣннаго правила. Въ нихъ наиболѣе рельефно отражается основной принципъ апостольскаго созиданія, соприсущій всѣмъ, — и вполнѣ естественно, что ихъ творческими подвигами св. Лука освѣщаетъ свое коренное, догматическое воззрѣніе, не требовавшее ни множества деталей, ни фотографической пунктуальности въ воспроизведеніи каждой мелочи. И для сего были у него всѣ фактическія данныя, поелику въ самомъ ходѣ событій выдвигались зиждительными вождями Апостолы Петръ и Павелъ. Черезъ нихъ Дѣеписатель показываетъ намъ первохристіанскую исторію именно потому, что сама она реально сіяла въ нихъ по своему чисто апостольскому строенію въ духѣ священныхъ завѣтовъ и истинныхъ началъ Христовыхъ, если все это особенно воплотилось въ этихъ двухъ столпахъ, заставляя предполагать подобное и во всѣхъ остальныхъ въ качествѣ главнѣйшаго свойства достойнаго христіанина. Опять получается строгое совпаденіе цѣли и осуществленія, при чемъ исторіографическій объективизмъ обязательно долженъ способствовать и увѣщтельнымъ намѣреніямъ насчетъ утвержденія чрезъ Ѳеофила всѣхъ христіанъ въ божественномъ ученіи.

Въ результатѣ выходитъ, что христіанство обрисовано у св. Луки съ принципіальною и фактическою всесторонностію. Будучи силою божественною, — оно и возрастаетъ

божественною мощію; поскольку же послѣдняя спасительна и непреодолима, — ей покоряется вся вселенная въ своихъ основахъ. Въ двухлѣтнемъ Римскомъ проповѣданіи св. Павла, безъ сомнѣнія,точно оправдались его надежды, что — вопреки упорству іудеевъ — язычники услышатъ. Значитъ, теперь обнаруживалось здѣсь историческое торжество Евангелія и обезпечивалось непреходящее процвѣтаніе благодати Христовой на землѣ. Достигнувъ этого предѣльнаго пункта, Дѣеписатель исчерпалъ свою догматическую задачу и немедленно прерываетъ свой разсказъ въ самый удобный моментъ. По внутреннему смыслу взятой темы ему не зачѣмъ было идти дальше, и его трудъ оказывается совершенно законченнымъ. Въ этомъ принципіальномъ наблюденіи мы пріобрѣтаемъ прочную опору для безпристрастнаго сужденія о предполагаемыхъ литературныхъ планахъ автора. Издавна высказывалась догадка, будто по образцу греческихъ историковъ св. Лука думалъ дать своимъ читателямъ повѣствовательную трилогію, и только неизвѣстныя намъ обстоятельства помѣшали задуманному ея окончанію [1]). Въ новое время эту гипотезу особенно старался аргументировать и сдѣлать научною аксіомой проф. W. M. Ramsay [2]) не безъ успѣха [3]). Онъ обращаетъ вниманіе на терминъ (въ Дѣян. I 1) τὸν πρῶτον (λόγον), имѣя въ соображеніи слѣдующія особенности. По филологическимъ наблюденіямъ, санкціонированнымъ высокимъ авторитетомъ компетентнаго эллиниста Фридриха Бласса, въ Κοινή и въ новозавѣтномъ греческомъ языкѣ почти совсѣмъ сгладилось различіе сравнительной и превосходной степеней, почему первая стала выражаться положительною формой, и — значитъ — πρῶτος употреблялось вмѣсто и съ энергіею πρότερος. При такомъ пониманіи Дѣянія будутъ просто позднѣйшею книгой по сравненію съ предшествующею въ Евангеліи, какъ раннѣйшемъ трудѣ св. Луки, и своимъ ариѳметическимъ счетомъ вовсе не требуютъ продолженія. Въ этомъ случаѣ тріадологическая идея падаетъ сама собою. Но мы должны согласиться съ Рэмсеемъ, что констатированное филологическое обобщеніе далеко не абсолютно и допускаетъ зна-

---

[1]) Такъ, напр., Credner, Ewald, Meyer, Jacobsen, Fr. Spitta, И. Н. Николинъ (стр. 338).

[2]) St. Paul the Traveller and the Roman Citizen (London 1896), p. 27—28.

[3]) См. Prof. Th. Zahn. Einleitung in das N. T. II, S[1] 369—371; [2]375 — 377. Th. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas..., S[2]48. Сходно и Privatdor. Arnold Rüegg, Die Lukasschriften und Raumzwang des antiken Buchwesens въ „Studien und Kritiken“ 1896, I, S. 95, 101.

чительныя ограниченія, а тогда и стиль Іоанна Богослова нельзя прямо примѣнять къ Дѣеписателю. Вѣрно, что въ рѣчи Стефана πρῶτον (VII, 12) равняется πρότερον и по-славянски передано чрезъ „первѣе", однако это могло быть взято vertatim изъ евраистическаго источника. Наряду съ этимъ не менѣе несомнѣнно, что Апостолъ Павелъ, многократно пользующійся положительною степенью употребляетъ πρότερον (2 Кор. I, 15.) Евр. IV, 6. VII, 27), τὸ πρότερον (Гал. IV, 13. 1 Тим. I, 13), τὴν προτέραν ἀναστροφήν (Еф. IV, 22), τὰς πρότερον ἡμέρας (Евр. X, 32), и его спутникъ утилизируетъ порядковое πρῶτος въ обычномъ смыслѣ какъ въ Дѣяніяхъ (см. особенно XII, 10 διελθόντες δὲ πρώτην φυλακὴν καὶ δευτέραν), такъ и въ Евангеліи (II, 2. XI, 26. XIII, 30. XIV, 18. XVI, 5. XIX, 16. XX, 29). Тогда ничто не препятствуетъ видѣть въ τὸν πρῶτον λόγον „первое слово", которое по своему названію было бы непонятно, еслибы не предполагало своего продолженія. Но послѣднее ариѳметически могло быть безграничнымъ, а это въ отношеніи литературной человѣческой работы было бы совершеннымъ абсурдомъ и фактически немыслимо. Посему необходимо признать общепринятую для подобныхъ произведеній продолжаемость, и такою для историческихъ трудовъ была трилогія. Въ этомъ случаѣ Дѣянія оказываются *второю книгой, которая* слѣдуетъ *за* первой *и* отсылаетъ къ третьей, согласно исторіографической практикѣ и нормѣ. Все это правильно теоретически, но ничуть не принудительно для Луки [1]), поскольку не было абсолютнымъ, для каждаго непремѣннымъ закономъ. По этой причинѣ мы должны уступить, что филологически совсѣмъ не утверждается, будто авторомъ сразу задумано было третье слово въ качествѣ обязательной части. Τὸν πρῶτον (λόγον) всецѣло смотритъ назадъ, а не впередъ, и дѣлаетъ единственно вѣроятнымъ, что историческое повѣствованіе Луки было надписано Ὁ δεύτερος λόγος. Несомнѣнно, что разсказъ Дѣеписателя прерывается для насъ неожиданно, и мы ждемъ и страстно желали бы дальнѣйшихъ сообщеній о судьбѣ св. Павла. Должно прибавить къ сему, что это лишь наше субъективное влеченіе естественной любознательности, но ею мы не въ правѣ соизмѣрять богодухновенную новозавѣтную письменность. Въ этомъ отношеніи, она представляетъ чрезвычайно характерныя особенности, устраняющія всѣ наши нетерпѣливые запросы. Настоящей біографіи мы не имѣемъ ни объ одномъ изъ Апостоловъ и отрывочныя свѣдѣнія передаются сухо и мимоходно по

---

[1]) О πρῶτος и πρότερος, сравнительной и превосходной степени у Луки см. и „The Expositor" 1904, VIII, p. 133.

разнымъ случайнымъ поводамъ. Кромѣ Іакова Зеведеева — нѣтъ хотя бы бѣглой замѣтки о кончинѣ ихъ во всѣхъ новозавѣтныхъ памятникахъ, и даже объ Іоаннѣ Богословѣ не сказано, гдѣ, когда и какъ онъ „прославилъ Бога" тою смертію, какая была предвозвѣщена ему самимъ Господомъ. Глухое и — часто — темное и противорѣчивое преданіе: — вотъ нашъ главнѣйшій, почти исключительный источникъ въ данной области. По всему видно, что въ апостольскую эпоху мало интересовались личными событіями въ жизни благовѣстниковъ, такъ что и рано возникшая пытливость по этому предмету (напр., у Папія и Игизиппа) уже была не въ состояніи восполнить громаднѣйшихъ пробѣловъ на этотъ счетъ опредѣленными штрихами. Въ общемъ традиція всегда опирается на новозавѣтные намеки и только развиваетъ и разукрашиваетъ ихъ. Въ рѣшительный контрастъ сему апокрифическая литература изобилуетъ біографически-легендарными подробностями и иногда всецѣло исчерпывается ими. Ясный знакъ, что біографическая детальность совсѣмъ не интересовала священныхъ писателей. И не трудно, кажется, угадать существенную и благословную причину. Новозавѣтные авторы изображаютъ основаніе, распространеніе и утвержденіе на землѣ царства Божія. И фактически и по своей идеѣ — послѣднее было всецѣлымъ дѣломъ Божіимъ, гдѣ всякое человѣческое участіе являлось вторичнымъ, посредствующимъ и способствующимъ, творящимъ повелѣнное, но ничего не производящимъ своими силами и заслугами. Индивидуальный элементъ необходимо и неизбѣжно стушевывался чуть не до полнаго устраненія, чтобы тѣмъ ярче выступала во всемъ воля Божія, совершающаяся въ немощи человѣческой. Послѣдняя служитъ только агентомъ силы Божіей и захватывается лишь по связи съ нею, а никакъ не болѣе и не далѣе. Съ этой точки зрѣнія, продолженіе разсказа о великомъ Апостолѣ языковъ было и излишне и не нужно для благовѣстническаго дѣла. Сколько мы знаемъ по Пастырскимъ посланіямъ, — послѣдующее служеніе его было посвящено охраненію и расширенію прежняго, которое раскрылось вполнѣ и заложило прочныя и незыблемыя основы для нормальнаго развитія жизни церковной по завѣтамъ Христовымъ. Въ такомъ случаѣ этотъ періодъ носилъ больше личный характеръ и прямо подпадалъ формулѣ св. Іоанна Златоуста: εἰ καὶ Παῦλος ἦν, ἀλλ' ἄνθρωπος ἦν.

Понятно теперь, что своею богодухновенною мыслію Дѣеписатель всего менѣе располагался къ изданію воображенной третьей книги, — и ея, вѣроятно, не существовало даже въ проектѣ [1]). Тогда будетъ несомнѣнною и закончен-

---

[1]) См. еще Ant. Beck, Der Prolog des Lukas-Evange-

ность Дѣяній. Они имѣютъ цѣлію изобразить повсюдное распространеніе божественнаго спасенія по плану божественному и въ совершенствѣ достигаютъ этого результата чрезъ объективное воспроизведеніе апостольской проповѣди до мірового центра въ Римѣ, Господу поспѣшствующу, и слово утверждающу послѣдствующими знаменми (Мрк. XVI, 20).

Это гармоническое совпаденіе идеи и осуществленія лучше всего удостовѣряетъ

## Единство автора книги Дѣяній съ устраненіемъ гипотезъ о механической компилятивности писанія изъ разныхъ источниковъ [1]).

Самая мысль о послѣднихъ не должна казаться странною или произвольной. Свящ. авторъ не разъ отгѣняетъ свое непосредственное участіе въ событіяхъ чрезъ форму „мы"[2]), и тутъ невозможно усматривать (вмѣстѣ съ Baur, Zeller, Overbeck и др.) простой литературный пріемъ въ виду живости этихъ повѣствованій и безспорной добросовѣстности составителя. Этимъ, какъ будто, выдѣляется его личное знакомство отъ вторичнаго, пріобрѣтеннаго чрезъ разныя пособія. Да и само по себѣ недопустимо, чтобы повѣствователь присутствовалъ при всѣхъ обозрѣваемыхъ актахъ, почему вопросъ о соотвѣтствующихъ поручителяхъ возникаетъ съ необходимостію. Затѣмъ и въ обработкѣ матеріала легко усмотрѣть различную его группировку около нѣсколькихъ выдающихся личностей, откуда непроизвольно раждается догадка объ отдѣльныхъ біографическихъ опытахъ, своеобразно скомбинированныхъ компиляторомъ. Легко понять, что это было чрезвычайно удобнымъ орудіемъ для критики въ ея тенденціозныхъ построеніяхъ первохристіанской

---

liums (Amberg 1900), S. 42. Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N. T, S. [2]126—127. Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 50. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 286.

[1]) Сжатое изложеніе этого вопроса см. въ статьѣ проф. Otto Zöckler'a, Die Apostelgeschichte als Gegenstand höherer und niederer Kritik въ „Greifswalder Studien" (Gütersloh 1895), S. 109 ff. Ср. И. П. Николинъ, Дѣянія святыхъ Апостоловъ, стр. 1 сл. Проф. Д. И. Богдашевскій (архіеп. Василій), Опыты по изученію Священнаго Писанія Новаго Завѣта, вып. II: Книга Дѣяній Апостольскихъ (Кіевъ 1911), стр. 46 сл.

[2]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte S. 30[2].

эпохи, и она поспѣшила воспользоваться столь благодарнымъ средствомъ съ такимъ усердіемъ, что ея исторія въ отношеніи книги Дѣяній кажется страшною исторіей страданій [1]). Приведемъ главнѣйшее, чтобы обрисовались основныя линіи и существенныя теченія.

Уже Königsmnenn (въ Pott's Sylloge commentt. III: De fontibus commentarium sacrorum, qui Lucae nomen praeferunt etc. 1798) — по аналогіи съ первою частію старался расчленить и вторую, а J. C. Riehm (De fontibus Actuum apostolorum, Trajecti 1821), усвояя послѣднюю Лукѣ, находилъ въ той многочисленныя источники. Наука вступала чрезъ это на соблазнительно скользкій путь гипотезъ и мечтаній когда Schleiermacher (см. у Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II, S. 441:1) подъ „мы" предположилъ Тимоѳея, не совпадающаго съ редакторомъ, который сводилъ воедино разныя извѣстія, о чемъ онъ догадывался по пропускамъ въ разсказахъ, по недостаточности связи и нѣкоторымъ противорѣчіямъ, отражающимъ дисгармонирующія пособія. E. Th. Mayerhoff (Hist. — krit. Einleitung in die Petrinischen Schriften I, Hamburg 1835) распространилъ авторство Тимоѳея на все писаніе и тѣмъ открылъ просторъ для отыскиванія матеріаловъ при работѣ этого позднѣйшаго спутника Павлова. Нѣчто подобное видимъ у E. A. Schwanbeck'a (Ueber die Quellen der Schriften des Lukas I, Darmstadt 1847): „мы" онъ отожествилъ съ Силой и окончательному издателю усвоялъ біографію Петра, риторическое сказаніе о Стефанѣ и замѣтки о Варнавѣ (IV, 36 сл.; IX, 1 30 и XII, 25 — XV, 4). Fr. Bleek (въ „Studien und Kritiken" 1836), Ulrich (ibid. 1837, 1840) и W. M. L. De Wette (Kurze Erklärung der Apostelgeschichte, 1841) возвратились къ идеѣ Шлейермахера и прокладывали дорогу для Тюбингенскихъ реконструкцій съ отнесеніемъ книги Дѣяній ко II-му вѣку. Даже непричастный къ этому разрушительному направленію Heinrich Ewald принималъ „іудео христіанскіе источники" въ видѣ исторіи Петра (I — V. VIII, 5 — 40. IX, 32 — XI. 32) и исторіи Стефана - Савла (VI, 1 — VIII, 4. IX, 1 — 31). Первое призналъ и Bernhard Weiss, который производилъ частнѣйшія расчлененія и выдѣленія на основаніи критерія вѣроятности и достовѣрности (см. Einleitung in das N. T.). H. H. Wendt (въ Kritisch exegetisches- Handbuch — zur Apostelgeschichte — von H. A. W. Meyer, 7-te Aufl.) засчитываетъ за „мы" или Лукою все содержаніе съ XIII-й главы и XI, 19 — 21. 27 — 28 и въ раннѣйшемъ допускаетъ письменный матеріалъ только для эпизода о св. Стефанѣ. Въ общемъ, двойственность источниковъ сначала проектировала и Голландская школа въ лицѣ, напр., W. E. van Manen'a (Pau-

[1]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 9.

lus, I: De handelingen der apostelen, Leiden 1890), который утверждалъ, что долгое время особо ходили „Дѣянія Петра" (Ad. Hilgenfeld) и выросшія изъ путевого дневника „Дѣянія Павла", пока они не были слиты въ компактное цѣлое около 150 года. Martin Sorof (Die Entstehung der Apostelgeschichte, Berlin 1890) *рѣшился ближе характеризовать разумѣемыя* пособія: одинъ—древнѣйшій эллино-христіанскій, обязанный Лукѣ и изъ первой части обнимающій I, 1 сл., рефераты о Стефанѣ, о возникновеніи Антіохійской церкви, о южно малоазійскихъ путешествіяхъ и восполненія къ отрывкамъ съ „мы", которые принадлежатъ уже Тимоѳею и носятъ іудео-христіанскую окраску, отразившуюся и на всей композиціи книги. Такое свойство „Дѣяній" Paul Feine (въ „Jahrbücher für protestantische Theologie" 1890, I; Eine vorkanonische Ueberlieferung des Lukas in Evangelium und Apostelgeschichte, Gotha 1890) объясняетъ вторженіемъ посвященнаго Петру іудео христіанскаго Іерусалимскаго сказанія въ цѣпь эллино-христіанской повѣсти, которая вполнѣ не нарушается лишь съ XIII-й главы. Однако и теперь оставалось неопредѣленнымъ точное взаимоотношеніе обоихъ теченій. Эту задачу взялъ на себя Friedrich Spitta (Die Apostelgeschichte: ihre Quellen und ihr geschichtlicher Wert, Halle 1891). По его мнѣнію, почти двѣ трети всего состава падаютъ на A, отличающійся живостію и правдоподобіемъ и не безъ права почитаемый произведеніемъ Луки. Но онъ сильно пострадалъ отъ внесенія іудео-христіанскихъ элементовъ изъ B съ его пристрастіемъ къ чудесному и легендарному и стремленіемъ приравнять Петра къ Апостолу языковъ. Эта стихія преобладаетъ въ первой части (I, 4 — 14, 18 — 19. II. 1 — 3, 5 — 6, 9 сл.. 43. IV, 35 сл. V, 1 — 11, 17 сл., 21 сл. VI, 8b — 15. VII, 1, 55 сл., 58b — 60. VIII, 1 — 3. IX, 3 — 31. VIII, 5 — 40. IX, 36 — 43. X, 1 — 48. XI, 1 — 18, 22 — 26. XII, 1 — 24), но довольно замѣтна и во второй (XIII, 6 — 12, 44 — 49. XIV, 3, 8 — 20. XV, 1 — 4, 13 — 33. XVI, 20 сл., 24 — 34. XVII, 6 — 9. XIX, 1b — 7, 11 — 19, 24 — 41. XXI, 10 сл., 20b — 26. XXII, 30 — XXIII, 10. XXVIII, 17 — 23). Такое переплетеніе обязано R = Redactor'у, произведшему свою работу не безъ искусства, пожалуй, еще до конца 1-го вѣка. Эта попытка только яснѣе показала, что съ литературно критической точки зрѣнія двухъ источниковъ для нынѣшней композиціи Дѣяній совсѣмъ мало, ибо позднѣйшій редакторъ со своими привнесеніями оказывается безъ руководствъ и матеріаловъ. Carl Clemen (Chronologie der paulinischen Briefe, Halle 1893, S. 58 — 161) изобрѣтаетъ уже цѣлыхъ четыре пособія: 1) H. H. = Historia Hellenistarum съ извѣстіями о Стефанѣ (VI, 9 — VIII, 1b, не чуждыми позднѣйшихъ интерполяцій) и объ основаніи Антіохійской церкви (XI, 19 — 21, 24a, 26); 2) H. Pe = Historia Petri, обнимающая главы I — V, вводныя въ H. H.

замѣчанія (VI, 7 — 8, 11 — 15. VII, 37, 60. VIII, 2), свѣдѣнія о Симонѣ магѣ (VIII, 4 — 13, 18 — 24) и обращеніи эѳіопскаго евнуха (VIII, 24 — 40); 3) H. Pa = Historia Pauli съ XIII й главы, (впрочемъ, съ редакторскими прибавками), опирающаяся, главнымъ образомъ, на 4) I. Pa = Itinerarium Pauli, выступающій (въ XVI, 10 сл. XX, 5 сл. XXVII, 1 сл.) подъ форму лою „мы". Изъ этой реконструкціи необходимо вытекаетъ, что отдѣльныя законченныя повѣствованія не могли сплотиться сразу въ теперешнюю книгу, а должны были испытать много операцій со стороны трехъ редакторовъ: a) первый R вставилъ въ „исторіи Павла" фрагменты съ „мы" и по мѣстамъ пріукрасилъ ее эпизодами чудеснаго характера (XIV, 8 — 18. XVI, 23 b — 34. XVII, 19 — 33. XVIII, 12 — 17. XIX, 11 — 1 , 15 — 41. XX, 17 сл.); b) второй Rj (Redactor judaicus) — между 93 и 117 годами — приложилъ немало старанія въ іудаистическомъ перекрашиваніи бывшаго текста и до вольно данныхъ присоединилъ къ нему въ этомъ смыслѣ (IX, 32 — 43. X, 1 — XI, 18, XV, 1 — 4, 13 — 18, 20 — 22. XVI 1 — 3. XXI, 20 b — 22. XXII, 1 — 16, 19 — 21. XXIII, 1 — 10. XXIV. 10 — 21. XXVIII, 16 — 24); c) на долю третьяго R (Redactor antijudaicus), подвизавшагося при Адріанѣ (117 — 138 г. г.), выпало ослабить козни своего предшественника уравновѣшивающими вставками ( къ нимъ относятся IX, 1 — 31; XII 1 — 25; нѣчто въ главахъ XIII и XIV-й; XV, 5 — 12, 19, 23 — 33, 41; XIX, 4, 6, 14. XX, 19 b, 25 — 35, 33a. XXIII, 25 — 30). Крайняя запутанность этой „чудовищной гипотезы" [1]) необходимо побуждала къ упрощенію, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, основную критическую тенденцію, — и вотъ Johann Jüngst (Quellen der Apostelgeschichte, Gotha 1895) снова берется за построеніе двухъ источниковъ — Павлинистическаго A и эвіонитскаго B, которые при Траянѣ — Адріанѣ, въ промежутокъ времени съ 110 по 125 г., были обработаны неизвѣстнымъ R въ смыслѣ „іудаизаціи Павла". Тѣмъ не менѣе и въ этой игрѣ съ тремя иксами было слишкомъ много искусственности, почему Ad. Hilgenfeld (въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie" 1895, I, S. 65 — 115; II, S. 186 — 217; III, S. 384 — 447 и далѣе) продолжалъ — въ существенномъ настаивать лишь на Петринистическомъ пособіи первой части, Johann Weiss (въ „Studien und Kritiken" 1893, S. 480 — 540; 1895, S. 252 — 296) зло разноситъ Клеменовскую систему разныхъ редакторовъ, изъ которыхъ одинъ поправляетъ и искажаетъ другого. H. J. Holzmann (въ Handkommentar zum N. T., 2-te Aufl., I, S. 311 — 312; Jahresbericht 1893, S.

---

[1]) Такъ называетъ ее проф. Д. И. Богдашевскій (архіепископъ Василій), Опыты по изученію Священнаго Писанія Новаго Завѣта, вып. II, стр. 47, 6.

129 — 131; „D. Lit. — Zeitung“ 1895, Nz. 18) прямо называлъ неудачными всѣ эти опыты, филологъ A. Gercke („Hermes“ III, S. 373 — 392; „Göttingische Gelehrte Anzeigen 1894, S. 77 ff.) считаетъ ихъ „покоющимися на пескѣ“, хотя самъ Spiyрочиваетъ книгу Дѣяній къ моменту не ранѣе 100-го года и цѣнитъ ее очень низко.

По этому конспективно-сжатому изложенію видно, насколько затемненъ и осложненъ вопросъ объ источникахъ Дѣеписателя. Не менѣе ясно и то, что всѣ пробы на этомъ поприщѣ были безуспѣшны и остаются эфемерными доселѣ. Входить въ подробный ихъ разборъ было бы совершенно напраснымъ трудомъ, такъ какъ конкурренты въ истязаніяхъ книги Дѣяній поѣдаютъ сами себя, поскольку, напр., Юнгстъ называетъ „сверхъ искусственною“ систему Клемента, а послѣдній объявляетъ построеніе своего критика „истинно сверхъ-искусственнымъ“. Въ концѣ концовъ получается развѣ тотъ результатъ, что всѣ отмѣченные эксперименты фантастичны по самому замыслу и въ своемъ исполненіи лишены наиважнѣйшихъ свойствъ историческаго вѣроятія, почему намъ нѣтъ надобности безпокоиться насчетъ ихъ участи. Голландская ультра-критическая школа съ ея произвольными микроскопическими выдѣленіями и расчлененіями новозавѣтныхъ текстовъ есть живая обличающая совѣсть подобнаго направленія, разъ его буйные наскоки сопровождаются чудовищными уродствами.

Для насъ важна лишь одна принципіальная идея критическаго натиска по литературному достоинству. Въ ея оцѣнкѣ обязательно устранить всѣ субъективныя желанія и симпатіи съ наклономъ къ предзанятому отрицанію преданія вообще и сохранившагося текстуальнаго типа въ частности; — напротивъ, должно брать все писаніе въ его подлинномъ объемѣ и дѣйствительномъ значеніи. Тогда мы найдемъ, что главнѣйшею опорой всѣхъ критическихъ реконструкцій служатъ, яко бы, отсутствіе единства и связности въ цѣлой композиціи, случайность въ расположеніи частей, механическое нагроможденіе фрагментовъ неоднородныхъ и разнохарактерныхъ. Если это справедливо, — намъ пришлось бы заняться болѣе упрощеннымъ анализомъ, коль скоро мы не согласны со своими предшественниками. Но этой принудительности пока совсѣмъ не усматривается. Здѣсь чрезвычайно характерно то наблюденіе, что всѣ критики безъизъятно допускаютъ, будто у Дѣеписателя Павлинистическій источникъ переплетается съ Петринистическимъ, и оба окрашиваются смѣшаннымъ колоритомъ. Въ такомъ случаѣ является неизбѣжнымъ выводъ, что — въ существѣ своемъ — они одинаковы по тону и совпадаютъ между собою по настроенію. А вѣдь это будетъ уже единствомъ матеріи и освѣщенія и скорѣе требуетъ единства состави-

теля, исключая множество авторовъ съ диспаратными и, пожалуй, діаметральными тенденціями, поелику наличныя дисгармоніи легко объясняются различіемъ описываемыхъ предметовъ и бывшихъ подъ руками данныхъ. Въ этомъ пунктѣ критическій скептицизмъ побиваетъ самъ себя, своимъ собственнымъ крушеніемъ и косвенно подтверждаетъ традиціонную теорію. Въ его распоряженіи остается теперь лишь фактъ группировки событій около личностей Петра и Павла и разности въ ихъ индивидуально-благовѣстнической обрисовкѣ. Но послѣднее совсѣмъ несогласно съ критическою догмой о нивеллировкѣ обоихъ Апостоловъ и свидѣтельствуетъ о внутренней противорѣчивости всего направленія. Вообще же отмѣченный моментъ литературно-фактической двойственности неоспоримъ, и его никто не отвергаетъ. Вопросъ весь въ томъ, почему именно слѣдуетъ отсюда — по крайней мѣрѣ — двойство источниковъ, идущихъ отъ двухъ авторовъ и выражающихъ два первохристіанскія теченія? Намъ говорятъ, что въ началѣ преимущественно выдвигается фигура Петра, а это допустимо лишь въ спеціальной его біографіи. Тоже свидѣтельствуется и о второй части въ отношеніи Павла. Но пусть это будетъ искусственнымъ литературнымъ пріемомъ: — мы знаемъ, что, будучи тогда общепринятымъ научно, онъ вполнѣ объясняется и оправдывается господствующею идеей книги, гдѣ раскрывается принципъ неизмѣннаго и повсюднаго апостольскаго верховенства при распространеніи христіанства въ іудействѣ и въ язычествѣ. Въ этихъ интересахъ самъ писатель могъ такимъ образомъ расположить свой матеріалъ, потому что это было нужно ему по существу задачи. Что касается искусственности, то и она будетъ совершенно сомнительнымъ предубѣжденіемъ до тѣхъ поръ, пока не аргументируютъ съ неотразимостію, что Апостолъ Петръ не былъ главнѣйшимъ двигателемъ первохристіанской общины и что эллинская миссія не обязана подвигамъ св. Павла, потрудившагося здѣсь больше всѣхъ собратьевъ. Критика и тутъ обличаетъ свою неправоту, рѣзко оттѣняя контрастъ между этими благовѣстническими столпами и тѣмъ удостовѣряя, что — каждый на своемъ поприщѣ — они дѣйствительно были впереди всѣхъ и въ словѣ и въ дѣлѣ. По силѣ этого безспорно, что явленія изображаются у Луки исторически объективно, а это предполагаетъ одного безпристрастнаго составителя, пользовавшагося надежными свѣдѣніями и собственными наблюденіями.

Вмѣстѣ съ этимъ подрываются всѣ опоры для критической фантастики, неудачныя построенія которой только убѣждаютъ въ единствѣ книги Дѣяній. Наглядное и неопровержимое тому доказательство представляетъ ея

**ЯЗЫКЪ,**

спеціально разсмотрѣнный со стороны отношенія къ третьему Евангелію у J. Friedrich'a [1]) и филологически освѣщенный у проф. Фр. Бласса [2]). Въ Дѣяніяхъ повсюду господствуетъ у самого автора Κοινή или Ἑλληνική δι λεκτος, не совпадающій съ аттическимъ древнимъ и позднѣйшимъ, но и не безусловно чуждый имъ, а послѣдній является даже главнѣйшимъ его элементомъ [3]). Эта эллинистическая рѣчь знаменуетъ собою немалое паденіе по сравненію съ аттическою. Всѣ тонкіе штрихи были утеряны, и детальная композиція не могла быть скрупулёзно-художественною при отсутствіи прежняго богатства всякихъ тоновъ для самыхъ мельчайшихъ переливовъ.

На этомъ фонѣ замѣтно выдѣляются бóльшимъ совершенствомъ третье Евангеліе и книга Дѣяній и изъ нихъ вторая — по сужденію проф. Фр. Бласса (р. 18) — ἑλληνικώτερος, чтò аргументируется ad exempla ссылкою на изящную комбинацію частицъ τέ καί δέ [4]). Въ этомъ смыслѣ филологически подтверждаются тожество обоихъ писателей и единство языка у священнаго историографа. Стараются ослабить послѣднее заключеніе указаніемъ на различіе слога въ первой и во второй части, но это несомнѣнное явленіе имѣетъ свой корень въ отличительныхъ особенностяхъ самыхъ изображаемыхъ вещей, поскольку въ началѣ повѣствователь ближе держится чисто еврейской сферы, потомъ все больше удаляется и разобщается отъ нея. Естественно, что тамъ значительнѣе евраистическій элементъ, здѣсь менѣе и слабѣе, поскольку не могъ же писатель разсказывать о мор-

---

[1]) Das Lukasevangelium und die Apostelgeschichte Werke desselben Verfassers (Halle a. S. 1880), гдѣ основной тезисъ аргументируется вполнѣ убѣдительно, хотя статистика разныхъ сближеній не всегда исправна.

[2]) Acta apostolorum (Göttingen 1895), p. 14 squ.; его же Philology of the Gospels, London 1898. См. еще Th. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil (eine Laienstudie), Leipzig 1897; zw. Aufl. ibid. 1899.

[3]) См. Prof. Friedrich Blass, Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch, Göttingen 1896, S. 3 ff.; 2 Aufl. ibid. 1902, S. 3 ff.

[4]) Eb. Nestle даже находилъ (въ „Philologus" LIX за 1900, S. 46 ff.) у Дѣеписателя отголоски Еврипидовской рѣчи, но Prof. Albert Thumb высказалъ (Die grechische Sprache im Zeitaltez des Hellenismus, Strassburg 1901, S. 226), что въ этихъ пунктахъ былъ общій источникъ въ языкѣ народномъ, изъ котораго индивидуально черпали оба — и Еврипидъ и новозавѣтный авторъ.

скихъ путешествіяхъ и приключеніяхъ терминами и стилемъ. Ветхаго Завѣта и справедливо пишетъ (въ Дѣян. XXVII, 41) ἐπέκειλαν τὴν ναῦν („увязйша корабль"=засадили корабль — на косу, на мель) вмѣсто ожидаемаго ἐπώκειλαν τὸ πλοῖον. Соотвѣтственно этому предметному раздвоенію были у него, конечно, и неоднородные источники: для реферата объ Іерусалимско палестинской миссіи и ея дѣятеляхъ таковыми служили арамейскіе документы или ихъ евраистическіе перифразы погречески и непосредственные разсказы евраистическихъ участниковъ, при описаніи же трудовъ и подвиговъ Павловыхъ Лука передавалъ собственныя наблюденія и воспріятія и самостоятельно перерабатывалъ сообщенія другихъ поручителей, болѣе эллинистическихъ, хотя бы, въ силу миссіонерской практики въ эллинскихъ областяхъ. При этихъ условіяхъ чрезвычайно знаменательно, что языковой тонъ, тембръ рѣчи въ обоихъ отдѣлахъ остается сходственнымъ. Затѣмъ еврастическіе termini technici, въ родѣ τὸ ἔθνος въ смыслѣ „язычникъ", были неизбѣжны въ христіанскомъ изображеніи библейско - новозавѣтныхъ фактовъ и актовъ и разбросаны на пространствѣ всей книги, гдѣ по необходимости варіируется и языкъ со смѣною различныхъ по содержанію и по окраскѣ картинъ. Поэтому то разсмотрѣнныя языковыя стихіи нельзя разграничивать по особымъ авторамъ, если, напр., эллинистическій „прологъ" третьяго Евангелія сразу сопровождается густо-евраистическими отрывками. У Луки были разныя сказанія, и онъ лишь пользуется ими, примѣняя и передавая ихъ примѣнительно къ исторической обстановкѣ самыхъ событій и лицъ. Вездѣ это — самобытный повѣствователь, для котораго вѣрнымъ будетъ только то, что его языкъ — священно эллинистическій и принудительно указываетъ въ немъ человѣка, живущаго въ атмосферѣ созидающейся еврейско греческой церкви, говорящаго сходно съ нею и однозвучно. Аттическое преимущество свидѣтельствуетъ просто о его типической индивидуальности и устраняетъ всѣ фантастическія догадки о безличности предполагаемаго темнаго компилятора. Онѣ ниспровергаются и многими общими свойствами книги. Это замѣтно, прежде всего, на вокабулярѣ. Такъ, характерныхъ словъ имѣется у Луки до 140, въ числѣ коихъ встрѣчается до 94 у Павла, изъ писаній котораго онъ ближе сходится съ посланіями къ Колоссянамъ и Ефесянамъ [1]). Для безспорно подлинныхъ посланій Павловыхъ оказывается общихъ съ ними терминовъ — въ третьемъ Евангеліи 83 [2]), въ Дѣяніяхъ исключительно свойственныхъ имъ и

[1]) См. у Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S 206
[2]) Prof. Ad. Harnack ibid., S. 205.

этому писанію до 49 [1]). Значитъ, тутъ словарь достаточно Павлинистическій, но есть немало (по сравненію съ другими новозавѣтными авторами) словъ рѣдкихъ и даже ἅπαξ εἰρημένα. Въ изложеніи проглядываетъ распространенность рѣчи въ ущербъ ея сжатости: ὡς δέ τινες ἐσκληρύνον ο καὶ ἠπείθουν, κακολογοῦντες τὴν ὁδὸν ἐνώπιον τοῦ πλήθους (Дѣян. XIX, 9), когда достаточно было бы болѣе краткой редакціи (въ XVIII, 6) ἀντιτασσομένων δέ τινων καὶ βλασφη οὐντων (ср. еще XIV, 3); διὰ τῶν χειρῶν αὐτῶν (XIV, 3) вмѣсто δι' αὐτῶν; излишнее ἀναστά: при ἐξῆλθεν (X, 23) и т. п. Въ употребленіи частицъ исторіографъ замѣтнѣе другихъ избѣгаетъ механическаго ихъ нагроможденія, внимательнѣе наблюдаетъ хронологическую преемственность временъ (participium aoristi ставя прежде parfecti verbi finiti или participii praesentis: I, 24), удачнѣе въ примѣненіи причастій и въ пользованіи μέν и δέ. Впрочемъ, въ послѣднемъ пунктѣ не выдерживается вездѣ строго антитетическое строеніе: въ первой рѣчи св. Петра одинъ разъ ἀλλά (II, 16) и нѣтъ соотвѣтствующаго μέν, но во второй оно встрѣчается трижды (III, 13, 21, 22) при отсутствіи ἀλλά, которое четырежды употреблено въ обращеніи предъ Агриппой (XXVI, 16, 20, 25, 29) при двойномъ μέν (XXVI, 4, 9) безъ координирующаго δέ.

Здѣсь какъ будто капризна и смѣна регулярности уклоненіями отъ нея и игра въ комбинированіи частицъ. Но въ этихъ особенностяхъ единство литературно языковой основы пріобрѣтаетъ своеобразный и неизгладимый отпечатокъ индивидуальной творческой мысли, всегда одинаково характерной; — въ своемъ выраженіи она играетъ неуловимыми переливами на всемъ протяженіи труда и вездѣ выступаетъ съ рѣзкою отчетливостію своей самобытности, не допускающей ни многоличности, ни случайности. Это — типичность цѣлостной и уравновѣшенной персональности, и лишь въ ней находитъ свою мотивирующую и производящую причину отмѣченная стилистически-языковая особенность.

Съ этой стороны филологически компетентныя наблюденія точно совпадаютъ съ прежними заключеніями о руководящей идеѣ и внѣшнемъ строеніи Дѣяній и снова подтверждаютъ литературное ихъ единство. Въ свою очередь стремленіе къ отысканію разныхъ источниковъ — скорѣе всего — свидѣтельствуетъ о томъ, что разсматриваемая книга имѣетъ всю

## историческую достовѣрность[2]),

убѣждая въ полной освѣдомленности писателя. Съ фак-

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 15 Anm.

[2]) Обзоръ новой литературы о достовѣрности книги Дѣяній

тической стороны этотъ тезисъ, конечно, нуждается въ детальныхъ разъясненіяхъ, но по существу онъ не оспаривается даже и тѣми, которые отодвигаютъ анализируемую книгу въ глубь II-го вѣка, потому что утилизируемыя пособія были древнія. Но здѣсь встрѣчается тревожное затрудненіе въ сильномъ колебаніи текстуальнаго преданія, въ раздвоеніи его теченій [1]. Такъ, греко латинскій кодексъ D или Bezae Cantabrigiensis sec. VI [2]) весьма уклоняется отъ обычнаго текстуальнаго типа и содержитъ въ себѣ важныя отличія, для которыхъ нѣтъ подходящихъ аналогій во всей массѣ новозавѣтныхъ варіантовъ. И голосъ его не одинокъ. Съ нимъ немало созпадаютъ E (cod. Laudianus Oxoniensis) отъ конца VI вѣка, тоже греко латинскій, обнимающій только Дѣянія, и M отъ XI в. (манускриптъ Амвросіевской библіотеки въ Миланѣ № 137); изъ латинскихъ: f (cod. Floriacensis) вѣка VII, находящійся нынѣ въ Парижѣ; p (Parisinus, n. 321) saec. XIII и W (Wernigorodensis) saec. XV. Затѣмъ сюда же присоединяются со своими особыми чтеніями переводы сирійскіе (пешитта и филоксеновскій) и коптско-саидскій, а изъ патристическихъ авторитетовъ — Ириней, авторъ „Апостольскихъ Постановленій", Кипріанъ, Августинъ и — частію — Тертулліанъ [3]).

---

(Chase, Selwyn, Benson, Bartlet, Backmam, Bernard) см въ „The Church Quarterly Review" LV, 110 (January 1903), p. 388 — 405, а въ пользу ея (противъ P. Schmiedel'я) см. ibid. LIII, 105 (October 1901), p. 8 sqq.

[1]) См. H. Coppieters, De historia textus Actorum Apostolorum. Lovani 1902. а къ сему ср. „Revue d'histoire ecclésiastique" IV, 3 (15 Juillet 1903), p. 471—476.

[2]) Объ немъ см. еще у Fr. Blass, Zur Codex D in der Apostelgeschichte въ „Studien und Kritiken" 1898, III S.539—542, гдѣ чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ провѣрено по оригиналу сравнительно съ типографскимъ изданіемъ (въ 1864 г.) Scrivener'a; но въ 1899 году въ Кембриджѣ выпущено (въ двухъ томахъ, фототипическое воспроизведеніе кодекса Безы. См. и Pastor Ferdinand Graefe, Der Codex Bezae und das Lukasevangelium: textkritische Bemerkungen zum Lukasevangelium въ „Studien und Kritiken" 1898, I, S. 116 — 140.

[3]) См. еще Miscellanea Cassinense... per cura Dei P. Benedittini di Monte assino Tipografia di Montecassino 1897. Здѣсь въ „Anonimi de prophetis et prophetiis" (p. 17 — 23 въ patristica) ex cod. Sangallensi 133 sacr. IX усматриваются совпаденія съ D August. p. въ Дѣян. XI, 27—28 (p. 21: congregatis autem nobis, surgens ex illis nomine Agabus) и XIX, 2 — 7. См. и у Prof. Ad. Harnack въ „Theologische Literaturzeitung" 1898, 6, Sp. 71 — 173.

Въ своей совокупности всѣ эти источники даютъ крайне своеобразный текстъ оригинальнаго характера[1]). Существенныя его черты можно классифицировать по слѣдующимъ рубрикамъ.

I) Въ этой группѣ часто встрѣчаются примѣры распро страненности въ выраженіяхъ, III, 1 замѣтка о девятомъ часѣ предваряется въ D внесеніемъ τὸ δειλινόν — „въ послѣобѣденное время". IV, 1 τὰ ῥήματα ταῦτα. IV, 3 ἐ ράτησεν αὐτούς, IV, 24 καὶ ἐπιγνόντες τὴν τοῦ θεοῦ ἐνέργειαν, IV, 32 καὶ οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς διάκ ισ.ς οὐδεμία, V 18 καὶ ἐπορεύθη εἷς ἕκαστος εἰς τὰ ἴδια, VI, 8 (послѣ λαῷ διὰ τοῦ ὀνόματος Κυρίου. VII, 29 καὶ οὕτως ἐφυγάδευσεν Μωσῆν — все это добавлен.я D. Въ разсказѣ о видѣніи Савлу дается (въ F) такая подробность (IX, 8): sed ait ad eos: levate me de terra. Et cum levassent illum, nihil videbat apertis ocules[2]). Не менѣе новыхъ деталей въ извѣстіяхъ о дѣятельности Апостола Петра въ Кесаріи, а равно и по удаленіи оттуда, напр., о его проповѣдничествѣ по разнымъ мѣстамъ (διὰ τῶν χωρῶν διδάσκων αὐτούς), при чемъ онъ напередъ καὶ προσφωνήσας τοὺς ἀδελφοὺς καὶ ἐπιστηρίξας (αὐτοὺς) ἐξῆ ἔεν πολὺν λόγον ποιούμενος (XI, 2). О событіи въ Антіохіи и Писидіи за періодъ перваго путешествія св. Павла сообщается, что, не смотря на раздраженіе Иконійскихъ іудеевъ, ὁ δὲ κύριος ἔδωκεν ταχὺ εἰρήνην (XIV, 2) и что враги пришли оттуда въ Листру еще въ то время, когда благовѣстники (XIV, 19) „пребывали тамъ и учили" (διατριβ ντων δὲ αὐτῶν και δ.δασκόντων)[3]). XVI, 19 ὡς δὲ εἶδ ν οἱ κύρ οι τ ς παιδίσκης ὅτι ἀπεστερῆσθαι (ἀπεστέρηνται) τῆς ἐργασί ς αὐτῶν, ἧς εἶχ ν δι' αὐτῆς и XXI, 39 ἐν Τάρσῳ δὲ τῆς Κιλικίας γεγεννημένος замѣчательны лишь по растянутости фразы для одинаковой мысли, которая въ XXII, 26 усиливается повтореніемъ. что сотникъ услышалъ, ὅτι Ῥωμαῖον ἑαυτὸν λέγει. Въ XVII, 12 и 15 вѣра многихъ Верійцевъ противопола-

---

[1]) Возможную — при наличиомъ матеріалѣ — реконструкцію его даетъ Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum liber alter: secundum formam quae videtur Romanam edidit Fridericus Blass, Lipsiae 1896. См. и Prof. Theodor Zahn, Die Urausgabe der Apostelgeschichte des Lucas въ Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons und der altchristlichen Litteratur, 9, Teil, Leipzig 1916.

[2]) Prof. Fr. Blass II, 28: ἔφη δὲ πρὸς αὐτούς· „ἐγείρατέ με ἀπὸ τῆς γῆς". Καὶ ἐγει άντων αὐτόν, οὐδὲν ἔβλεπεν ἀνεῳγμένων τῶν ὀφθαλμῶν.

[3]) Такъ и пославянски въ Actus Epistolaeque Apostolorum palaeoslavenice ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti edidit Prof. Aemilianus Kałużniacki (Vindobonae 1896), p. 33: „Прибывающема же и учащема" . . .

гается невѣрію другихъ и упоминается о прохожденіи черезъ Өессалію съ воспрепятствованіемъ проповѣди здѣсь отъ Духа.

Уже и въ этихъ добавленіяхъ обнаруживается нѣсколько бóльшая точность, но она еще отчетливѣе выступаетъ II) въ хронологическихъ указаніяхъ. Вь I, 5 имѣемъ ἕως τῆς πεντηκοστῆς, а въ II, 1 καὶ ἐγένετο ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις τοῦ συμπληροῦσθαι τὴν ἡμέραν τῆς πεντηκοστῆς, ὄντων αὐτῶν πάντων ἐπὶ τὸ αὐτό..., такъ что собраніе было предъ днемъ пятидесятницы, изліяніе же Духа вь самый праздникъ утромъ (ср. II, 15). Въ XV, 30 поясняется, что посланные съ апостольскимъ опредѣленіемъ въ Антіохію ἐν ἡμέραις ὀλίγαις κατῆλθον и, очевидно, спѣшили съ радостною вѣстію, между тѣмъ путешествіе въ Іерусалимъ было *далеко не быстрое* (XV, 30, 33). XVI, 11 отмѣчаетъ, что отправленіе изъ Троады было τῇ ἐπαύριον. XVII, 19 своимъ μετὰ δέ τινὰς ἡμέρας κτλ. раскрываетъ, что Аөиняне не сразу заинтересовались ученіемъ св. Павла и не тотчасъ пригласили его въ Ареопагъ. Въ XVIII, 19 *подчеркивается*, что Апостолъ вошелъ въ Ефесскую синагогу τῷ ἐπιόντι σαββάτῳ, а въ XIX 9 присовокупляется, что онъ проповѣдывалъ въ школѣ тиранна ἀπὸ ὥρας πέμπτης ἕως δεκάτης. XX, 18 опредѣляетъ его Ефесское пребываніе — согласно XX, 31 — ὡς τριετίαν ἢ καὶ πλεῖον и отправленіе на судъ въ Римъ назначаетъ (въ XXVII, 1) τῇ ἐπαύριον, какъ и все описаніе плаванія гораздо обстоятельнѣе.

III) Таже тенденція проявляется и въ точнѣйшихъ отмѣткахъ насчетъ топографіи, разныхъ фактическихъ отношеній и дѣйствующихъ лицъ. Въ XI, 27 — 28 читается: ἦν δὲ πολλὴ ἀγαλλίασις συνεστραμμένων δὲ ἡμῶν ἔφη εἷς ἐξ αὐτῶν ὀνόματι Ἄγαβος σημαίνων..., откуда слѣдуетъ, что Дѣеписатель былъ однимъ изъ участниковъ этого Антіохійскаго собранія. Изъ XII, 1 сказано, что гоненіе Ирода сосредоточивалось ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ. XII, 10 восполняется въ томъ смыслѣ, что — по освобожденіи изъ темницы — Ангелъ и Петръ сначала κατέβησαν τοὺς ἑπτὰ σταθμούς. Въ XVI, 35 редакція ἡμέρας δὲ γενομένης, συνῆλθον οἱ στρατηγοὶ ἐπὶ τὸ αὐτὸ εἰς τὴν ἀγοράν, καὶ ἀναμνησθέντες τὸν σεισμὸν τὸν γεγονότα ἐφοβήθησαν καὶ ἀπέστειλαν τοὺς ῥαβδούχους κτλ. раскрываетъ намъ ближайшій мотивъ въ перемѣнѣ политики Филиппійскихъ военачальниковъ. Въ XVIII, 18, 21 сл. и 27 имѣются нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія объ Акилѣ, Прискиллѣ и Аполлосѣ. Въ XIX,4 сл. количество сыновъ Скевы низводится до двухъ (XIX, 16 ἀμφοτέρων). Въ XX, 15 упоминается о Трогилліи (какъ еще въ слав. пер. согласно text. rec) и въ XXI, 1 — о Мирахъ послѣ Патары. О пути изъ Кесаріи въ Іерусалимъ говорится (XXI, 16): οὗτοι δὲ (провожавшіе Апостола) ἤγαγον ἡμᾶς πρὸς οὓς ξενισθῶμεν, καὶ παραγενόμενοι εἴς τινα κώμην ἐγενόμεθα παρὰ Μνάσωνι Κυπρίῳ, который въ этой рецензіи

считается жителемъ не-Іерусалимскимъ. XXIV, 27 объясняетъ, что Феликсъ задерживалъ Павла въ узахъ не безъ вліянія своей жены Друзиллы (διὰ Δρούσιλλαν). Въ XXVIII, 16 и 19 пространнѣе и раздѣльнѣе сообщается: ὁ ἑκατοντάρχης παρέδωκεν τοὺς δεσμίους τῷ στρατοπεδάρχῃ, τῷ δὲ Παύλῳ ἐπετράπη μένειν καθ' ἑαυτὸν ἔξω τῆς παρεμβολῆς..., καὶ ἐπικραζόντων (τῶν Ἰουδαίων)· Αἶρε τὸν ἐχθρὸν ἡμῶν..., ἀλλ' ἵνα λυτρώσωμαι τὴν ψυχήν μου ἐκ θανάτου.

Всѣ эти конкретныя иллюстраціи достаточно убѣждаютъ, насколько глубокія и существенныя различія заключаетъ въ себѣ эта своеобразная редакція, между прочимъ послужившая основою для гипотезы о „западной“ рецензіи новозавѣтнаго текста, которая возникла на Востокѣ (и, всего вѣроятнѣе, въ Малой Азіи), но была въ распространеніи и имѣетъ больше представителей на Западѣ. Значитъ, *самый фактъ этой безпримѣрно-индивидуальной типичности* вполнѣ неоспоримъ, и дальше все дѣло лишь въ его научномъ истолкованіи. Здѣсь издавна и обычно старались свести всѣ особенности D къ простымъ варіантамъ, а ихъ обиліе объясняли либо произволомъ, яко бы понятнымъ для книги исторической, либо спеціальными тенденціями, напр., іудаистическими (Credner; A. Resch). Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ такія толкованія по своей мотивировкѣ принципіально ложны, ибо Дѣянія были для Церкви писаніемъ не менѣе каноническимъ, а вообще остается непостижимымъ и не можетъ быть объяснено удовлетворительно на самыхъ варіантахъ, почему, зачѣмъ и для чего допускались всѣ эти измѣненія и дополненія въ чисто фактическихъ данныхъ. Послѣднее рѣшительно говоритъ и противъ іудаистической тенденціозности, которую и провести и уловить въ такихъ индифферентныхъ подробностяхъ совсѣмъ немыслимо безъ заранѣе принятой и упорной предзанятости, всецѣло опровергаемой нейтральною объективностію самаго документа, какъ чисто историческаго реферата. Наконецъ, важно и то, что D—вовсе не единичный авторитетъ и имѣетъ немалую свиту солидарныхъ свидѣтелей, конечно, не могшую возникнуть по случайному капризу невѣдомаго и непостижимаго глоссатора. F. H. Chase [1]) — при сочувствіи J. Rendel Harris'a [2]) — думаетъ объяснить всѣ эти особенности вліяніемъ сирійской интерпретаціи, но весьма неубѣдительно, поелику 1) едва ли она могла захватить своимъ вліяніемъ столь широкій районъ, какой удостовѣренъ для

---

[1]) The Old Syriac Element in the Text of Codex Bezae, London 1893; ср. The Syro Latin Text of the Gospels, London 1895.

[2]) Four Lectures in the Western Text of the New Testament, London 1893.

разсматриваемой редакціи, и 2) обнаруживаетъ тѣсное сродство съ D лишь въ позднѣйшемъ филоксеновскомъ переводѣ, гдѣ допустимо совсѣмъ обратное взаимоотношеніе. Проф. W. M. Ramsay [1]) видитъ въ этихъ распространительныхъ уклоненіяхъ хорошій реальный комментарій отъ II вѣка Малоазійскаго происхожденія и пользуется его свѣдѣніями съ довѣріемъ и усердіемъ. Равно и проф. Ad. Harnack крайне не расположенъ къ D [2]) и утверждаетъ, что β — не единый текстъ, а „комплексъ корректуръ и глоссъ, который принадлежитъ уже первой половинѣ II го вѣка" [3]). Съ фактической стороны и эта гипотеза не примѣнима ко всей совокупности оригинальныхъ текстуальныхъ отличій, потому что они касаются совсѣмъ не только Малой Азіи, простираются далеко не на одну топографію и хронологію и не ограничиваются лишь книгою Дѣяній, но — частію — захватываютъ и третье Евангеліе. При подобномъ размахѣ компилятора, чувствовавшаго за собою право на всякія корректуры, естественно было бы ожидать отъ него болѣе существенныхъ и систематическихъ добавленій и измѣненій.

Въ результатѣ находимъ, что D со своими союзниками представляетъ слишкомъ рѣзкое исключеніе, которое и въ самой слабой степени не подкрѣпляется текстуально другими новозавѣтными писаніями. Очевидно, это есть явленіе совсѣмъ необычное, а потому и причина для него должна быть тоже особая. При этомъ всѣ варіанты имѣютъ видимость исторически-фактическаго вѣроятія и тѣмъ самымъ невольно вызываютъ догадку объ ихъ возможной первоначальности, восходящей къ самому автору. Въ этомъ смыслѣ уже около 250 лѣтъ тому назадъ извѣстный Голландскій критикъ Johannes Clericus (Jean Leclerc, род. въ Женевѣ 1657 г.) предполагалъ, что Lucam bis edidisse Actus [1]). Пол-

---

[1]) См. его труды: The Church in Roman Empire before A. D. 170 St. Paul the Traveller and the Roman Citizen.

[2]) Die Apostelgeschichte, S. 97 ff.

[3]) Lukas der Arzt, S. 79. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 311: „Such phenomena (cases of desplacement due to copyists) taken together with the fact that by the midil le of the second century (i. e. within fifty years of its compeo, sition) divergent recensions of the text were current, might suggest thaf Luke did not publish the book himself, whilethe roughnesses of the extant text, which have set correctors early at work, prompt the conjecture that the author did not mange to revise his δεύτερος λόγος for purposes of publication".

[4]) См. у Semler, J. J. Wetstenii libelli ad crisin atque interpretationem Novi Testamenti, Halis 1766, p. 8: „Clericus jam olim, nomine Critobuli Hierapolitani usus, fere fuit in hac

ное и точное обоснованіе этой идеи принадлежитъ новымъ временамъ и дано въ трудахъ Галльскаго профессора филолога-эллиниста Фридриха Бласса [1]). Его энергіи и компетентности мы обязаны законченною и прочно аргументированной теоріей, которая обнимаетъ всѣ факты и разсчитана на всѣ возможности. Посему она вполнѣ заслуживаетъ нѣсколько болѣе спеціальнаго разсмотрѣнія.

Установивъ группу родственныхъ памятниковъ класса D, Блассъ анализируетъ ихъ уклоненія отъ обычнаго, преобладающаго текста. При этомъ открывается, что всѣ они вовсе не напоминаютъ внѣшнихъ и чуждыхъ наслоеній, а находятся въ живой органической связи съ цѣлымъ и по языку совершенно отвѣчаютъ стилю Дѣеписателя. Такъ, въ разсказѣ о пребываніи св. Петра въ Кесаріи поясняется, что Корнилій могъ встрѣтить Апостола при вхожденіи въ городъ потому, что былъ предупрежденъ о его приближеніи посланнымъ на встрѣчу рабомъ (X, 25 и ср. ст. 8), а употребленные тутъ (въ стт. 24 и 25) глаголы περιμένειν (ср. Дѣян. I, 4) и ἐκπηδᾷν (ср. Дѣян. XIV, 14) свойственны именно нашей книгѣ. Слухъ Іерусалимскихъ братьевъ о принятіи язычниками слова Божія имѣетъ свое фактическое основаніе въ томъ, что св. Петръ проповѣдывалъ не краткое время (διὰ ἱκανοῦ χρόνου = per tempus non modicum), образовалъ немалую общину и по пути благовѣствовалъ по окрестнымъ странамъ (διὰ χωρῶν); терминологія и здѣсь опять Дѣеписательская, сходная въ тонкихъ оттѣнкахъ и сообразная со

---

sententia, Lucam bis edidisse Actus. Nec Hemsterhusius alienus fuit ab hac sententia, forte bis Apostolus quaedam scripsisse".

[1]) Die zwiefache Textüberlieferung in der Apostelgeschichte въ „Studien und Kritiken" 1884, I, S. 86—119. De duplici forma Actorum въ „Hermathena" XXI, p. 121—143. Ueber die verschiedenen Textformen in den Schriften des Lukas въ „Neue Kirchliche Zeitschrift" 1895, IX, S. 712—725. Neue Textzeugen für die Apostelgeschichte въ „Studien und Kritiken" 1896, III, S. 436—471. Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum lieber alter: editio philologica; apparatu critico, commentario perpetuo, indice verborum illustrata, Göttingen 1895. Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum liber alter: secundum formam quae videtur Romanam, Lipsiae 1896. Philology of the Gospels, London 1898. Zu den zwei Texten der Apostelgeschichte въ „Studien und Kritiken" 1900, I, S. 5—28. О движеніи этого вопроса см. у Prof. Otto Zöckler въ „Der Beweis des Glaubens" 1896, S. 438 ff.; 1898, I, S. 28—35; Pastor Ferdinand Graefe, Die Doppelausgabe der Schriften des Lukas: Sonderabdruck aus der Kirchlichen Monatsschrift въ Hefte für evangelische Weltanschauung und christliche Erkentnis, I. Serie, Nr. 6.

всѣми обстоятельствами (для κατάντησεν ср. Дѣян. XVIII, 19 и др.). Въ этомъ же родѣ и большинство всѣхъ существенныхъ отличій того текстуальнаго типа, который — во избѣжаніе недоразумѣній — обозначается у Бласса черезъ β.

Разъ все отмѣченное вѣрно, — мы научно вынуждаемся принять, что всѣ данныя особенности запечатлѣны характеромъ подлинной первичности и, слѣдовательно, принадлежатъ самому „автору" или составителю книги Дѣяній. Ничто иное недопустимо и немыслимо, ибо подобный подлогъ былъ бы феноменальнымъ исключеніемъ, — почти чудомъ, а его нельзя допускать безъ неустранимой необходимости, которой въ нашемъ случаѣ совсѣмъ не усматривается.

При указанныхъ предпосылкахъ вся текстуальная исторія рисуется —примѣрно—въ такомъ видѣ. „Второе слово" было предназначено для вельможнаго сановника Θеофила, и естественно, что писатель постарался представить ему экземпляръ исправный и лучшій даже по внѣшности, какъ это всегда и вездѣ бываетъ при аналогичныхъ условіяхъ. Но съ другой стороны трудно предположить, чтобы авторъ сразу могъ достичь желаннаго совершенства во всѣхъ отношеніяхъ и долженъ былъ изготовить предварительную редакцію. Посему вѣроятно, что — по условіямъ тогдашняго книжнаго дѣла [1]) — Дѣянія были написаны первоначально на дешевомъ папирусѣ (въ родѣ хранящихся въ Лондонѣ Аристотелевскихъ фрагментовъ) и были испещрены вносками, поправками, ремарками и т. п. Уже изъ этого черноваго коррегированнаго текста могли образоваться разные „изводы" по невнимательности или вольности копіистовъ, о чемъ говорятъ свидѣтельства древности, напр. Галена (XVII, 1). Мало того: — изъ показаній Катулла (XXII) о поэтѣ Суффенѣ мы знаемъ, что послѣдній не разъ переписывалъ свои стихи и окончательно выпускалъ ихъ на charta regia [2]); тоже вѣроятно и для открытаго въ новое время сочиненія (псевдо—) Аристотеля Περὶ πολιτείας Ἀθηναίων. Но тогда справедливо возникаетъ Цицероновскій вопросъ (epist. ad fam. VII, 8:2): quis solet eodem exemplo plu-

---

[1]) Объ этомъ см. у Theodor Birth, Das antike Buchwesen in seinem Verhältniss zu Litteratur, Berlin 1889 (и въ изложеніи проф. Ан. П. Лебедева въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ" XXXVII т. за 1888 г., кн. 1, стр. 153—252· „Профессія церковнаго писателя и книжное дѣло въ древне-христіанское время"), а о значеніи сего въ отношеніи писаній св. Луки см. Arnold Rüegg въ „Studien und Kritiken" 1896, I, S. 94 ff.; ср. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1, S. 247, 1.

[2]) Ср. Th. Birth, Das antike Buchwesen, S. 57 ff.

res (epistulas) dare, qui sua manu scribit? А Лука, скорѣе всего, былъ человѣкъ небогатый и, не имѣя при себѣ servus et arca, долженъ былъ переписывать „на-бѣло" самъ и приэтомъ опять дозволилъ себѣ достаточно всякихъ корректуръ, какъ это и доселѣ бываетъ съ каждымъ изъ насъ, дающимъ при перепискѣ нѣсколько варіацій, разнообразнаго свойства. Отсюда естественно получились двѣ формы одного произведенія и неизбѣжно пошли два текстуальныя теченія. Явленіе это не заключаетъ въ себѣ ничего необычнаго или страннаго даже по новѣйшей литературной практикѣ, а изъ древнѣйшей умѣстно напомнить объ особой редакціи третьей Демосѳеновской филиппики. Но вотъ и болѣе близкія — предметно — иллюстраціи [1]). По блаж. Іерониму, — Акила выпустилъ свой греческій переводъ В. З. въ двухъ изданіяхъ. По собственному признанію Тертулліана, его Adversus Marcionem испытало три переработки, а книга „Противъ іудеевъ" дошла въ двухъ изводахъ — Adv. Judaeos и въ Adv. Marc. III, 7—24. Institutiones Лактанція распространялись и въ первоначальной формѣ и въ „императорской" — съ посвященіемъ и обращеніемъ Константину (Constantine imperator!) при соотвѣтствующихъ текстуальныхъ измѣненіяхъ. Сочиненіе Περὶ τῶν ἐν Παλαιστίνῃ μαρτυρησάντων Евсевій написалъ около 311—314 г. г. кратко, присоединивъ къ VIII-й книгѣ „Церковной Исторіи", но между 319—324 г. г. изложилъ болѣе пространно въ отдѣльномъ самостоятельномъ трудѣ. Сходное принимается и для рѣчи Іоанна Мавропода (около 1050 г.) въ похвалу Василію В., Григорію Б. и Іоанну Златоусту. Пасхазій Радбертъ составилъ свой трактатъ De corpore et sanguine Christi еще въ 831 году, но черезъ 13 лѣтъ приспособилъ его для царственнаго адресата, Карла Лысаго. Проф. Фр. Блассъ напоминаетъ еще о двухъ изданіяхъ Аполлодоровыхъ χρονικῶν, а Свида сообщаетъ объ Ἀττικῶν ὀνομάτων ἐκδώσεις δύο. Для позднѣйшей эпохи достаточно указать на пять редакціонныхъ варіацій англійской поэмы Piers the Plowman [2]), изъ коихъ три обязаны самому автору. А сколько подобныхъ примѣровъ въ славянской письменности?

---

[1]) Эти примѣры см. у Prof. Fr. Blass, Acta Apostolorum I, p. 32; II, p. VI, 96; Joh. Dräseke въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie" 1894, II, S. 192—206; O. Zöckler въ „Greifswalder Studien", Gütersloh 1895, S. 132—133; Eb. Nestle, Philologia sacra, 1896, S. 43.

[2]) См. о The Vision of Piers Plowman у Edw. M. Thompson, Handbook of Greek and Latin Palaeography (London 1894), p. 290, и въ диссертаціи O. Mensendieck'a, Charakterentwicklung und ethisch-theologische Anschauungen des Verfassers von Piers the Plowman (Leipzig 1900).

Ясно теперь, что разбираемая гипотеза вѣроятна теоретически и правдоподобна исторически. Неудивительно, что въ ученомъ мірѣ она большинствомъ была встрѣчена съ сочувствіемъ [1]), при чемъ нѣкоторые провозгласили ее открытіемъ (Eb. Nestle) почти прямо геніальнымъ (O. Zöckler). Разумѣется, нѣтъ недостатка и въ оппонентахъ, не менѣе рѣшительныхъ въ своихъ сужденіяхъ[2]). Сила ихъ возраженій должна служить къ опредѣленію дѣйствительной цѣнности отмѣченной теоріи. Ее стараются подорвать и въ общихъ основаніяхъ и въ частныхъ приложеніяхъ. Обыкновенно ссылаются, что проектируемая рецензія въ своихъ текстуальныхъ поручителяхъ часто совпадаетъ съ господст-

---

[1]) См. Joh. Dräseke въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie" 1894, II, S. 192 — 206, и въ „Wochenschrift für klassische Philologie" 1895, Nr. 23; Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., Freiburg i. Br. und Leipzig 1894, S. 271; G. Salmon, Introduction to the Study of the N. T., Dublin 1894, p. 597 sqq., и въ „Hermathena" XXI, p. 225—242; C. Weymann въ „Historisches Jarbücher der Görresgesellschaft" 1894, S. 906 ff.; C. Holzhauer въ „Evangelische Kischenzeitung" 1895, Nr. 17; Eb. Nestle, Philologia sacra, S. 38 ff., 55—56, въ „Christlische Welt" 1895, Nr. 13—15 (ср. „The Expositor" 1895, IX, p. 235 sqq.) и въ „Studien und Kritiken" 1896, I, S. 102ff.; O. Zöckler въ „Greifswalder Studien" 1895, S. 109—145, и въ „Der Beweis des Glaubens" 1896, XI, S. 438 ff.; Prof. Joh. Ev. Belser въ „Biblische Studien" I, 3 (Freiburg im Breisgau 1896), S. 140—145, и въ „Theologische Quartalschrift" 1896, III, S. 493; H. Trabaut въ „Revue de théologie et de philosophie" 1896, IV, p. 378—386; H. J. White въ „The Critical Review" 1896, III, p. 246; Prof. P. Ewald въ Realencyklopädie XI, S. 704; Th. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas..., S.[2] 70; Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II[2], S. 341 ff., и въ Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons IX, Leipzig 1916; Prof. Ad. Hilgenfeld, Nachwort zu Acta apostolarum graece et latine въ „Zeitschrift für wessenschaftliche Theologie" XLI (N. F. VII), 3 (1899), S. 382—399 (466).

[2]) Ср. „Theologischer Jahresbericht" XV, 1 (Braunschweig 1896), S. 122—125. Arnold Meyer, Die moderne Forschung über die Geschichte des Urchristentums (Freiburgi. Br. 1898), S. 26. „Revue biblique international" VII (1898), 2, p. 288. „The Church Quarterly Review" LIII, 105 (October 1901), p. 7—8. D. Heinrich Appel, Einleitung in das N. T. (Leipzig 1922), S. 170, 178. Prof. Dr. Paul Feine, Einleitung in das N. T. (Leipzig 1923), S. 78—79. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 309—311.

вующею, сливается съ нею даже въ самыхъ характерныхъ особенностяхъ и потому исчезаетъ въ своей типичности, оказывается несуществующею отдѣльно. Это, разумѣется, справедливо въ значительной степени, но и за всѣми подобными изъятіями получается немалый остатокъ, который нельзя свести къ простымъ варіантамъ, а все прочее говоритъ лишь о томъ, что обѣ теперешнія разновидности идутъ отъ общаго первотипа [1]), откуда вполнѣ естественно, что въ историческомъ теченіи эти рецензіи взаимно переплетались и перемѣшивались текстуально, и ни одинъ списокъ не представляетъ ихъ въ оригинальной неприкосновенности [2]). Не менѣе вѣрно, что β не во всѣхъ своихъ отличіяхъ выдержана до конца и, будучи болѣе пространною, иногда передаетъ дѣло сокращеннѣе. Это затрудненіе сохраняетъ всю свою силу и для оппонентовъ Бласса. Весь вопросъ въ томъ, гдѣ и кѣмъ оно устраняется легче, проще и раціональнѣе? А приведенное наблюденіе прямо показываетъ, что тутъ видна опытная и властная рука, распоряжающаяся свободно и — на посторонній взглядъ — даже капризно, между тѣмъ позднѣйшій комментарій механически давалъ бы сплошныя addenda et corrigenda. Авторскія исправленія никогда не бываютъ только сокращеніями или расширеніями, всегда допуская то и другое. Посему контракціи вполнѣ возможны и въ литературныхъ работахъ Луки, и вся задача науки заключается въ томъ, чтобы угадать ближайшія побужденія и объяснить конкретные случаи сжатаго воспроизведенія (напр., въ IX, 12. XV, 20, 29 [ср. XXI, 25]. XVII, 18 и 31. XX, 6. XXVII, 11—13), наличность коихъ совершенно возможна, какъ и резонное ихъ истолкованіе.

Изъ фактическихъ данныхъ Prof. W. M. Ramsay подвергаетъ разбору два важнѣйшіе примѣра [3]). О возвращеніи Павла — послѣ третьяго благовѣстническаго путешествія — сказано (XXI, 16—17): „Съ нами шли и нѣкоторые ученики изъ Кесаріи, провожая насъ къ нѣкоему давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у котораго можно было бы намъ пожить. По прибытіи нашемъ въ Іерусалимъ, братія радушно приняли насъ". Непосредственный смыслъ фразъ какъ будто такой, что Мнасонъ находился во святомъ городѣ и устроилъ тамъ путниковъ по рекомендаціи про-

---

[1]) См. у Fr. Blass въ „Studien und Kritiken" 1909, I, S. 11, 19.

[2]) Отсюда легко объясняется, почему реконструкціи обоихъ типовъ получаются различныя, напр., у Ad. Hilgenfeld'а и Fr. Blass'а, на что спеціально — и напрасно—указываетъ Prof. James Moffatt, An Introduction, p. [3]310.

[3]) См. „The Expositor" 1895, III, p. 213 sqq.

водниковъ, но тогда будетъ крайне страннымъ, что Апостолъ со своею свитой не имѣлъ въ Іерусалимѣ надежнаго пристанища и нуждался для сего въ двойственномъ посредничествѣ. Разгадку находимъ въ D, откуда видно, что рѣчь идетъ о промежуточномъ селеніи, а присутствіе въ немъ Кипріота ничуть неудивительно послѣ раннѣйшихъ извѣстій о благовѣстническихъ хожденіяхъ по окрестнымъ странамъ Кипрянъ и Киринейцевъ (XI, 20). Такое пониманіе необходимо и фактически. Разстояніе отъ Кесаріи до Іерусалима достигало 86 millia passuum, по 639 русскихъ саженей каждая, или всего около 110 нашихъ верстъ, 115 километровъ. Это пространство трудно совершить въ одинъ дневной переходъ, и въ D полагается на весь путь два дня съ ночлегомъ у Мнасона. Такое представленіе дѣла настолько естественно и разумно, что проф. W. M. Ramsay (— вмѣстѣ съ J. Rendel Harris'омъ —) влагаетъ его и въ обычную редакцію, которой оно чуждо и можетъ усвояться лишь при пособіи D, почему этотъ текстъ и является болѣе первоначальнымъ. И если въ немъ аористъ ἤγαγον (ἦγον) выражаетъ достиженіе цѣли, то послѣднею была именно промежуточная остановка, а вовсе не предшествующая ей, какъ утверждаетъ W. M. Ramsay, напрасно ссылающійся на невѣроятность столь долгаго путешествія. Правда, въ D рѣчь оказывается не вполнѣ стройной, но вѣдь она и была потомъ исправлена, а это вполнѣ согласно съ Блассовой теоріей.

Въ XXI, 1 въ морскомъ маршрутѣ изъ Ефеса послѣ Патаръ называются еще Миры (κἀκεῖθεν εἰς Πάταρα καὶ Μύρα), и предъ нами оказывается новый географическій пунктъ, который послѣ былъ авторомъ устраненъ. По W. M. Ramsay'ю подобная фраза совершенно немыслима въ устахъ Луки, потому что выходило бы, что путники нашли корабль въ Мирахъ, а остается неизвѣстнымъ, какъ они попали туда чрезъ Патары. Выводится это заключеніе по аналогіи съ упоминаніемъ о Тимоѳеѣ (XVI, 1), котораго prof. Ramsay считаетъ Листрійцемъ; однако тутъ грамматическое строеніе иное — εἰς Δέρβην καὶ εἰς Λύστραν — и явно отмѣчаетъ, что города мыслятся раздѣльно и послѣдовательно. Въ виду сего естественнѣе замѣтку о нѣкоемъ ученикѣ связывать со вторымъ, какъ ближайшимъ къ ней, хотя нельзя забывать, что это вовсе не несомнѣнно, и, напр., Блассъ признаетъ Тимоѳея Дервійцемъ. Если же и здѣсь возможны разногласія, то тѣмъ менѣе справедливо усвоять безусловную категоричность слишкомъ общей редакціи εἰς Πάταρα καὶ Μύρα, гдѣ нѣтъ топографически-хронологической отчетливости и дается лишь суммарное описаніе, какъ и дальше (XXI, 2) сказано неопредѣленно: καὶ εὑρόντες πλοῖον διαπερῶν εἰς Φοινίκην, ἐπιβάντες ἀνήχθημεν, безъ указанія самого мѣста. Значитъ, D ничуть не отрицаетъ, что корабль былъ найденъ

въ Патарахъ, а позднѣйшее внесен е Миръ было бы совсѣмъ непонятно, такъ какъ съ ними ровно ничего особаго не связывается. Поэтому и законно было потомъ опустить ихъ во избѣжаніе недоразумѣній и по ненужности для повѣствовательнаго изображенія. Миры были важнымъ портомъ, о которомъ всѣ знали безъ всякихъ поясненій, что попутныя суда въ него обязательно заходили, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго плаванія уже въ открытомъ морѣ и для снисканія небеснаго благоволенія принесеніемъ жертвъ „морскому богу“; роль послѣдняго перешла въ христіанствѣ на св. Николая Миръ Ликійскаго, и отсюда позднѣйшій культъ Николы Морского или Мокраго, покровителя флота и мореплаванія. Все изложенное достаточно разъясняетъ, почему Миры были названы въ первой редакціи и изъяты изъ второй, дѣлая обратный процессъ неправдоподобнымъ.

Разборъ возраженій даетъ, по нашему мнѣнію, прочный результатъ, благопріятный для гипотезы Бласса, а сама она весьма удачно и всесторонне раскрываетъ всѣ редакціонныя разности Дѣеписательскаго текста. Равнымъ образомъ и фактическое взаимоотношеніе обѣихъ рецензій съ достаточною убѣдительностію говоритъ въ ея пользу. По безспорному голосу традиціи, первое Евангеліе сначала написано было „поеврейски“, но скоро подлинникъ былъ замѣненъ греческимъ переводомъ, который, какъ болѣе пригодный для употребленія, и вытѣснилъ свой оригиналъ совершенно. Подобно сему и окончательная литературная форма Дѣяній получила преимущественное значеніе, преобладающее вліяніе и почти исключительное распространеніе, а первоначальная сохранилась у немногихъ и можетъ служить лишь руководящимъ пособіемъ для конкретнаго истолкованія господствующаго, сокращеннаго типа. Аналогія эта, конечно, весьма неполная, но она будетъ чрезвычайно внушительна, если мы прибавимъ и взвѣсимъ, что „еврейскій“ подлинникъ былъ крайне неудобенъ для широкой публики, скоро скомпрометированъ сектантскими искаженіями и необходимо устранялся жизненными интересами всемірной христіанской миссіи, между тѣмъ этихъ затрудненій въ отношеніи книги Дѣяній не существовало, и не было необходимости въ совершенномъ вытѣсненіи первичнаго, пространнаго изложенія.

Мы исчерпали все важнѣйшее въ текстуальномъ преданіи Дѣеписательскаго разсказа и можемъ теперь констатировать, что послѣдній и съ этой стороны не возбуждаетъ сомнѣній въ своемъ содержаніи. Вмѣстѣ съ этимъ открывается путь къ признанію

## фактической достовѣрности книги Дѣяній Апостольскихъ

по самому источнику сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній.

По этому предмету имѣются безусловно убѣдительныя основанія въ самыхъ особенностяхъ повѣствовательной рѣчи. Она ведется въ формѣ объективнаго реферата, который не разъ прерывается субъективно-индивидуальными вторженіями со стороны автора. Въ разсказѣ о событіяхъ въ Троадѣ во время второго апостольскаго путешествія св. Павла употребляется фраза (XVI, 10): „*мы* положили отправиться въ Македонію“, и ее нельзя понять иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что въ благовѣстнической свитѣ былъ и самъ писатель. Онъ же является въ такой формѣ въ извѣстіяхъ по прекращенію Ефесскаго мятежа, когда читается, что вышедшіе впередъ „ожидали *насъ* въ Троадѣ“ (XX, 5). Это мы опять встрѣчается въ рѣчи объ отплытіи изъ Кесаріи въ Римъ (XXVII, 1: „когда рѣшено было плыть *намъ* въ Италію“) и отчетливо выступаетъ въ замѣткѣ о прибытіи въ вѣчный городъ (XXVIII, 16: „когда же пришли *мы* въ Римъ“).

Всѣ подобныя указанія случайны и не даютъ твердой опоры для выясненія ближайшихъ подробностей сопровожденія исторіографомъ великаго миссіонера. Естественно, что на этотъ счетъ возможны большія колебанія и немалые споры. Несомнѣнно однако, что если даже разсказъ въ третьемъ лицѣ не исключаетъ непремѣнно таинственнаго спутника изъ числа бывшихъ при тѣхъ или иныхъ эпизодахъ, то „мы“ прямо требуемъ его присутствія. А такіе пассажи составляютъ около 1/10 части книги Дѣяній (97 на 1007 стиховъ) [1]). Посему чрезвычайно важно для насъ, что очень большое количество знаменательныхъ событій исторіи Павловой и происходило на глазахъ писателя, наблюдалось имъ непосредственно. Пусть это не былъ Лука, но вѣдь и критика соглашается, что тутъ замѣтки очевидца, хотя бы и внесенныя въ цѣлостный трудъ позднѣе изъ безыменнаго дневника, а для оцѣнки достовѣрности сообщеній ничего больше и не требуется. Здѣсь констатируется тѣсная близость къ св. Павлу самого Дѣеписателя, или его невѣдомаго поручителя. Этимъ мы необходимо вынуждаемся думать, что Апостолъ языкcвъ самъ передавалъ своему довѣренному спутнику о выдающихся фактахъ и актахъ своихъ миссіонерскихъ подвиговъ. По примѣру Тимоѳея мы хорошо знаемъ, съ какою осмотрительностію выбиралъ онъ своихъ сотрудниковъ, а по обострѣнію

---

1) См. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 48, 1.

принципіальнаго вопроса объ эллинскомъ благовѣстничествѣ изъ-за Тита въ Галатіи (Гал. II, 3) видно его ближайшее, чисто апостольское взаимное соотношеніе съ помощниками. Понятно, что при подобныхъ интимно-внутреннихъ связяхъ и натуральна, и обязательна точная освѣдомленность въ апостольской работѣ всѣхъ ея призванныхъ участниковъ, поскольку они совершали ее съ личною апостольскою отвѣтственностію.

Отсюда получаемъ, что значительная часть книги Дѣяній является почти рефератомъ очевидца — прямо или косвенно. Но тутъ вызываетъ сильное удивленіе столь неожиданное и ничѣмъ не мотивированное примѣненіе формы „мы", при чемъ это лицо появляется въ родѣ Deus ex machina, ничуть не будучи необходимымъ для развязки запутанной коллизіи, поскольку таковой не было ни въ одномъ изъ разумѣемыхъ случаевъ. Фактически этого не было, ибо не могло быть такихъ внезапныхъ и отрывочныхъ сближеній. Тимоѳей — не образецъ и не оправданіе для болѣе рѣшительнаго повторенія, потому что тамъ и рекомендаціею братьевъ и потребностями миссіи удовлетворительно раскрывается, почему и зачѣмъ онъ ex abrupto былъ взятъ на великое служеніе. Здѣсь нигдѣ не отмѣчается и не предполагается ничего подобнаго, а потому для разумнаго пониманія мы должны допустить раннѣйшія соприкосновенія между благовѣстникомъ и ученикомъ. И D свидѣтельствуетъ, что пророкъ Агавъ въ Антіохіи предрекъ предстоящій голодъ, συνεστραμμένων δὲ ἡμῶν (XI, 27 — 28), между коими будетъ и пишущій, какъ членъ даннаго собранія. Тогда Антіохійскія событія оказываются происходившими предъ его взоромъ, а чрезъ другихъ Антіохійцевъ онъ получаетъ надежный доступъ къ основательному освѣдомленію съ разными движеніями въ этой важнѣйшей первохристіанской церкви.

Едва ли нужно аргументировать спеціально, что такое двойственное посредство — Антіохійской общины и Апостола Павла — открывало широкую и вѣрную возможность собрать хорошій и обильный матеріалъ касательно историческихъ судебъ возрастающаго христіанства. Такъ, насчетъ обращенія Савла заимствовано, конечно, изъ устъ его самого, а это величайшее событіе было тѣсно связано съ дѣятельностію Стефана, рѣчь котораго должна была глубоко запечатлѣться въ душѣ молодого фарисея и иногда тенденціозно считается первоосновою богословія Павлова, но, несомнѣнно, слышится извѣстными созвучіями въ апостольскихъ посланіяхъ. Слѣдовательно, и по этому предмету источникъ ясенъ и безупреченъ. Въ остальномъ прослѣдить его труднѣе, хотя и тамъ достаточно опорныхъ пунктовъ. Отмѣчается, что вмѣстѣ съ Павломъ референтъ былъ

въ Кесаріи у Филиппа (XXI, 8), и этотъ послѣдній, активно участвовавшій въ переохристіанскихъ движеніяхъ (VI, 5. VIII, 5 сл.), — разумѣется, — не замедлилъ посвятить во всѣ тайники славнаго прошлаго касательно провозглашенія имени Распятаго [1]). Не маловажно, что въ это время приходилъ сюда и Іерусалимскій пророкъ Агавъ (XXI, 10), имѣвшій прочную и обширную информацію о первенствующемъ христіанствѣ. За симъ достойно вниманія, что огорчившій нѣкогда св. Павла Іоаннъ Маркъ снова снискалъ его отеческое благоволеніе и быль съ нимъ въ Римѣ (Кол. IV, 10; Филим. 24 и ср. 2 Тим. IV, 11), гдѣ находился и Дѣеписатель. Такая встрѣча и содружество гарантировали многое. Племянникъ Варнавы (Кол. IV, 10) былъ сыномъ Маріи, владѣвшей въ Іерусалимѣ собственнымъ домомъ, который, видимо, былъ давнимъ и обычнымъ, общепринятымъ прибѣжищемъ для вѣрующихъ (Дѣян. XII, 12). Само собою понятно, что въ этой благочестивой семьѣ тщательно собирались и заботливо сохранялись дорогія христіанскія преданія и свѣтлыя воспоминанія. Ихъ извѣстность Марку безспорна, но не менѣе несомнѣнно, что онъ въ точности сообщилъ о нихъ своему сотоварищу, если мы видимъ, что послѣдній съ наглядною пунктуальностію и яркою живостію говоритъ объ избавленіи св. Петра, не забывая даже „отроковицы" Роды, съ ея опасеніями, радостями и пр. Наконецъ, имя Марка встрѣчается въ первомъ Петровомъ посланіи (V, 13), и всѣ древнія авторитетныя данныя удостовѣряютъ его тѣснѣйшую связь съ этимъ Апостоломъ, почему онъ былъ носителемъ и „истолкователемъ" традицій Петровыхъ, т. е. древнихъ, полныхъ и безспорныхъ. Возможно еще участіе Аристарха, Гаія [2]) и Силы [3]).

Если мы сообразимъ все изложенное, то получится, что почти все содержаніе разсматриваемаго творенія сводится къ свидѣтельствамъ участниковъ и очевидцевъ и не требуетъ иныхъ, темныхъ источниковъ и пособій, какіе столь напрасно отыскиваетъ критика другими рискованными способами. Для первой часи безспорны и письменные [4]) и устные матеріалы [5]), для второй — это самъ Лука [6]). Затрудненія и вопросы разрѣшаются простымъ фактомъ, обезпеченнымъ самою книгой, что

---

[1]) Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 111—112: Die Apostelgeschichte, S. 151—152, 185.

[2]) Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 97; Die Apostelgeschichte, S. 122—123.

[3]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 152, 157.

[4]) Prof Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 119, 122.

[5]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84—85.

[6]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 131.

# Дѣеписатель былъ спутникъ св. Павла

и чрезъ него и съ нимъ находился въ близкомъ общеніи съ кругомъ апостольскимъ и съ тѣми, кто изначально подвизался на поприщѣ созиданія христіанской церкви. Истинность этого тезиса стоитъ весьма твердо и не поддается критическимъ аттакамъ, такъ какъ непосредственность описаній отчетливо сказывается даже въ посторонних, технических подробностяхъ [1]). Не будемъ говорить о суетности тенденціозныхъ гаданій, будто „мы" есть только искусственный литературныи пріемъ и, будучи чистѣйшею фикціей, не предполагаетъ никакой конкретной личности, кромѣ фальсификатора. Это рѣшительно опровергается самимъ характеромъ соотвѣтствующихъ разсказовъ съ ихъ пластическою наглядностію и пунктуальною отчетливостію. Равнымъ образомъ подобное самозванство было бы чудесною необычайностію во всей новозавѣтной литературѣ, гдѣ нельзя указать ничего аналогичнаго для такого темнаго употребленія формы „мы", — тѣмъ болѣе, что этотъ подлогъ былъ бы совершенно безцѣльнымъ, ибо данный оборотъ примѣняется довольно рѣдко и не связывается съ какими-либо особыми интересами, а самая личность остается въ безвѣстной тѣни. Древніе литературные фальсификаторы умѣли дѣйствовать смѣлѣе и прямѣе.

Гораздо серьезнѣе возраженіе, яко бы книга Дѣяній противорѣчитъ посланіямъ св. Павла, а въ его спутникѣ это совсѣмъ немыслимо. Мы навсегда были бы разбиты на голову, еслибы столь убійственное утвержденіе оказалось справедливымъ хотя въ самой малой степени. Но должно напередъ замѣтить, что критика исходитъ здѣсь изъ субъективно-тенденціознаго пониманія личности эллинскаго благовѣстника и искажаетъ подлинный апостольскій образъ, какъ онъ представленъ въ собственныхъ писаніяхъ Павловыхъ и въ Дѣяніяхъ. Рисуютъ Апостола свирѣпымъ антиномистомъ и фанатичнымъ врагомъ еврейства. Понятно, что такой монструозный типъ не мирится съ историческою реальностію и отрицаетъ ее, доказывая тѣмъ, что въ ней онъ просто невозможенъ и — значитъ — никогда не существо-

---

[4]) Таковы, напр., описанія морского путешествія въ Римъ, о чемъ см. James Smith, The Voyage and Shipwreck ol St. Paul with Disserfations on the Life and Writings of St. Luke, and the Ships and Navigation of the Ancients (fourth Edition, revised and corrected by Walter E. Smith, with a Preface by the Lord Bishop of Carliste and a Memoir of the Autor), London 1880; Dr A. Breusing, Director der Seefahrtschule im Bremen, Die Nautik der Alten, Bremen 1886.

валъ фактически. Въ своихъ посланіяхъ св. Павелъ выступаетъ въ качествѣ осаждаемаго полемиста, сосредоточеннаго исключительно на догматическо отвлеченной защитѣ штурмуемыхъ основныхъ позицій, и — слѣдовательно — открывается односторонне. Поэтому и въ каѳолической церкви онъ сохранялся больше въ Дѣеписательскомъ изображеніи, чѣмъ въ эпистолярномъ [1]), ибо второе было узкотеоретическимъ и лишь первое явилось жизненно-цѣлостнымъ, хотя бы и не столь выдержаннымъ, какъ реально-многосложное. Правда, „протестантское сознаніе" не желаетъ знать ничего о такомъ Павлѣ [2]), но тутъ лишь застарѣлое предубѣжденіе, лишенное научной солидности. Безпристрастный въ этомъ вопросѣ проф. Ад. Гарнакъ даже о ритуализмѣ апостольскомъ свидѣтельствуетъ, что Павелъ будучи природнымъ евреемъ, могъ исполнять съ чистою совѣстію обрядовые и подобные акты по вліянію момента, но дѣлалъ это добровольно и съ исконнымъ благочестіемъ вездѣ, гдѣ не мѣшали сему миссіонерскіе интересы въ отношеніи іудеевъ. Павелъ не просто „становился" евреемъ для евреевъ, а фактически былъ и оставался также и іудеемъ. Ничто въ его посланіяхъ не говоритъ противъ того, что, бывая во святомъ городѣ, онъ участвовалъ въ храмовомъ культѣ наряду со своими Іерусалимскими братьями. По посланіямъ къ Римлянамъ и Галатамъ, это какъ будто невозможно, однако данное толкованіе вовсе не обязательно. Не менѣе допустимо расширенное пониманіе благовѣстнической личности Павловой, и сопоставленіе съ другимъ убѣждаетъ въ его прочности [3]). Тутъ самый критическій базисъ оказывается зыбкимъ, и естественно, что согласно сему принимаются лишь соотвѣтственные по содержанію аргументы, которые почитаются сильными именно своею слабостію.

Объ этомъ говорятъ и всѣ приводимые примѣры. По словамъ Дѣеписателя (IX, 8 сл.), повидимому, выходитъ, что — послѣ своего обращенія — Савлъ все время пребывалъ въ Дамаскѣ и оттуда — по showнямъ іудеевъ — удалился въ Іерусалимъ, гдѣ былъ рекомендованъ Варнавою „ученикомъ", а въ посланіи къ Галатамъ эти моменты раздѣляются тремя годами — съ путешествіемъ въ Аравію, послѣ чего новопросвѣщенный отправился во святой городъ прямо для „соглядані" Петра и — кромѣ его — видѣлъ тамъ только Іакова, брата Господня (Гал. I, 15 — 19). Раз-

[1]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S 121.

[2]) Prof. Ad. Harnack, Neue Uutersuchungen zur Apostelgeschichte, S 55.

[3]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 180—181.

ница въ этихъ рефератахъ несомнѣнна, но они ничуть не исключаются взаимно. Ихъ варіаціи и особенности понятны и неизбѣжны, поскольку цѣли тутъ не тожественныя: одинъ слѣдитъ за внѣшнимъ ходомъ событій и отмѣчаетъ внѣшнюю смѣну главнѣйшихъ стадій, — другой проникаетъ во внутренній міръ корифеевъ и обнаруживаетъ сокровенныя движущія причины явленій. Натурально, что совпаденія въ деталяхъ нѣтъ, — и тамъ говорится о покушеніи іудеевъ, здѣсь опредѣляется, по какимъ побужденіямъ и для чего Савлъ направился именно въ Іерусалимъ. Сообразно своимъ намѣреніямъ св. Павелъ передаетъ лишь о преднамѣченномъ свиданіи, а Дѣеписатель упоминаетъ о внѣшнихъ условіяхъ Іерусалимскаго пребыванія, при чемъ его неопредѣленное „Апостолы" (Дѣян. IX, 27) нимало не противорѣчитъ двойству таковыхъ въ лицѣ Петра и Іакова. Что до Аравійскаго эпизода, то хронологическіе термины Дѣяній (IX, 19, 23) — „дни нѣкія" и „дніе доволни" — по свойству библейскаго языка совершенно допускаютъ примѣненіе къ цѣлому трехлѣтію, хотя сами по себѣ и не предполагали бы его. На промежуточное удаленіе не имѣется прямого намека, и все таки мѣста для него достаточно. Мы думаемъ такъ. Сначала христіанская проповѣдь Савла была почти совсѣмъ безплодна и вызывала неблагожелательное удивленіе, но затѣмъ онъ болѣе и болѣе укрѣпляется и приводитъ іудеевъ въ замѣшательство самою христіанскою аргументаціей (Дѣян. IX, 21—22). Едва ли тутъ допустима тѣснѣйшая хронологическая преемственность, которая мало вѣроятна и психологически и фактически. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ обязателенъ связывающій оба момента перерывъ, каковымъ исторически и было Аравійское уединеніе Павлово Значитъ, соглашеніе по этому пункту далеко не невозможно, и безупречность Дѣеписателя защитима удовлетворительно [1]). Это справедливо и для другого примѣра. По сообщенію Павла (въ 1 Өесс. III,1, 2, 6), онъ восхотѣлъ остаться въ Аөинахъ одинъ и — для утѣшенія Өессалоникійцевъ — послалъ къ нимъ Тимоөея, съ которымъ встрѣтился потомъ уже въ Коринөѣ. По отчету Дѣяній (XII, 14 — 15. XVIII, 5), — Сила и Тимоөей остались въ Веріи, когда Апостолъ отправился въ Аөины, распорядившись о скорѣйшемъ прибытіи ихъ, хотя фактически они пришли къ нему даже не въ началѣ его Коринөской жизни. Изъ самыхъ этихъ сопоставленій ясно, что заповѣданная поспѣшность была относительная и фактически могла ограничиваться непредвидѣнными условіями, а потому

---

[1]) См. и Rev. P. Mordaunt Barnard въ „The Expositor" 1899, IV, p. 317—320. Note on Acts ıX. 19 ff.

совмѣстима и съ путешествіемъ Тимоѳея въ Ѳессалонику. Намъ не сказано, гдѣ и откуда именно было повелѣно и устроено данное отправленіе, и здѣсь допустимы разныя вѣроятныя комбинаціи. Вполнѣ мыслимо, что — разсчитывавшій прежде на Аѳинское сотрудничество названныхъ лицъ — св. Павелъ на мѣстѣ, сообразуясь со всею обстановкой, нашелъ его не столь необходимымъ и предпочелъ отправить ихъ въ Ѳессалонику въ виду рьяной и ожесточенной агитаціи членовъ Ѳессалоникійской синагоги (Дѣян. XVII, 13), о чемъ и далъ наказъ бывшимъ въ Веріи помощникамъ чрезъ сопровождавшихъ его до Аѳинъ Верійцевъ. Эта гипотеза удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ объективной научной пытливости и кажется самою правдоподобной, ибо Дѣеписатель упоминаетъ объ ожиданіи Апостоломъ въ Аѳинахъ Силы и Тимоѳея (XVII, 16) и ихъ краткій приходъ, конечно, отмѣтилъ бы съ пунктуальностію. Вся неясность создается лишь сжатостью Павловой фразы, но иногда тоже вызывается и Лукой, который отличается строгою экономностію языка [1]). Сюда относится третій случай сдержанности Дѣеписателя (XVI, 6. XVIII, 23) въ извѣстіяхъ о Галатійской церкви, гдѣ, судя по посланію къ ней, благовѣстникъ трудился некратко и немало. Но вѣдь всегда объ одномъ событіи можно передавать и сжато и пространно, ничуть не искажая истины и даже служа ей съ равнымъ усердіемъ. Требуется только, чтобы для сего были оправдательные мотивы, резонно объясняющіе подобныя уклоненія. Для Апостола они понятны и заключаются въ томъ, что онъ адресуется къ самимъ Галатійцамъ и, естественно, воспроизводитъ съ полнотой сцены своего пребыванія у нихъ — не въ качествѣ объективной справки, а по непосредственной реминисценціи. При изображеніи малоазійскаго періода второго апостольскаго благовѣстія Павлова historіографъ слѣдитъ преимущественно за осуществленіемъ велѣній Духа и потому не останавливается долго на Галатіи которая не входила въ предначертанный благовѣстническій планъ, какъ и дѣйствительно св. Павелъ сначала задержался тамъ чуть ли не прямо по болѣзни (Гал. IV, 13). Но что и по Дѣяніямъ первое посѣщеніе данной области было не мимолетнымъ, — объ этомъ мы должны догадываться по рѣшительной замѣткѣ (Дѣян. XVIII, 23), что при вторичномъ визитѣ Галатіи Апостолъ „утверждалъ тамъ всѣхъ учениковъ“ (ἐπι—στηρίζων πάντας τοὺς μαθητάς), а это предполагаетъ далеко не мгновенную раннѣйшую его дѣятельность миссіонерски-просвѣтительнаго характера.

---

[1]) C. D. Chambers, сравнивая Дѣянія съ другими греческими, писаніями — „священными“ и свѣтскими, — приходитъ къ убѣжденію что „Luke imposed upon himself a strict economy in language“: см. „The Journal of Theological Studies“ за мартъ 1924 г.

Не будемъ входить въ излишнія подробности по данному, симфонистическому вопросу. Для конкретнаго сужденія довольно и приведенныхъ иллюстрацій. Охотно и открыто констатируемъ, что соглашеніе Дѣяній съ Павловыми посланіями не совсѣмъ легко и часто покоится на гипотетическихъ предпосылкахъ. Однако все это возможно безъ всякаго пожертвованія научными пріемами [1]) и съ несомнѣнными пріобрѣтеніями для научнаго познанія. Тогда намъ нѣтъ надобности ни смущаться, ни утруждаться тенденціозными возраженіями, будто Дѣеписательскій типъ Апостола Павла не совпадаетъ съ его самоизображеніемъ. Мы спокойно можемъ ограничиться встрѣчнымъ требованіемъ, чтобы критика сначала исчерпала всѣ научныя средства къ возсозданію цѣлостной біографіи на основаніи данныхъ этихъ двухъ классовъ и съ неотразимостію раскрыла абсолютную неосуществимость подобной задачи по коренному взаимному противорѣчію между ними. Такова обязательная критическая норма въ отношеніи всѣхъ аналогичныхъ литературныхъ памятниковъ. Разъ въ нашемъ случаѣ она не выполнена, — мы получаемъ неоспоримое научное право принимать наиболѣе вѣроятное, что Дѣеписатель былъ близкимъ спутникомъ Павловымъ [2]). Отсюда въ дальнѣйшемъ вытекаетъ съ необходимостію, что „второе слово" къ Ѳеофилу произошло отъ того же лица, что̀ и первое, а это послѣднее — по твердому преданію — составлено св. Лукою. Поэтому должно думать, что

## Дѣеписатель — это Евангелистъ Лука.

Кто со скептицизмомъ упорнаго отрицанія отвергаетъ эту формулу, — тотъ прежде всего обязанъ убѣдить, что св. Лука не включается въ „мы" и не былъ разумѣемымъ тутъ спутникомъ Павловымъ. Въ этомъ смыслѣ высказано было нѣсколько предположеній, и разборъ ихъ долженъ служить къ косвенному освѣщенію подлиннаго предмета.

Со временъ Шлейермахера многіе (De Wette, Ulrich, Davidson, Bleek, Meyerhoff, Sorof) пробовали убѣдить, что это былъ Тимоѳей. Съ теоретической точки зрѣнія въ этой

---

[1]) См. для сего и Geo. W. Clark, Harmony of the Acts of the Apostles Philadelphia 1897.

[2]) Какъ извѣстно, нѣкоторые заходятъ въ этомъ отношеніи столь далеко, что готовы усвоять самому Апостолу Павлу и книгу Дѣяній и третье Евангеліе. См., напр., Howard Heber Evans, Saint Paul the Autor of the Acts of the Apostles and the Third. Gospels, London 1884.

догадкѣ нѣтъ ничего несообразнаго, но фактически она устраняется прямыми словами книги (Дѣян.XX, 4—5), что при возвращеніи Апостола изъ Еллады въ Македонію его сопровождали до Асіи Сосипатръ Пирровъ, Веріянинъ, и изъ Ѳессалоникійцевъ Аристархъ и Секундъ, и Гаій Дервянинъ и Тимоѳей, и Асійцы Тихикъ и Трофимъ, при чемъ „они, пошедши впередъ, ожидали насъ въ Троадѣ“. Здѣсь Тимоѳей со всею ясностію отличается отъ „мы“, и критика вынуждается считать двинувшимися заранѣе лишь Тихика и Трофима, но δέ (Ἀσιανοὶ δέ, Τυχικὸς καὶ Τρόφιμος) отмѣчаетъ распредѣленіе упоминаемыхъ лицъ по мѣстнымъ группамъ и заставляетъ относить οὗτοι ко всей ихъ совокупности со включеніемъ Тимоѳея, который и при другомъ толкованіи ничуть не предполагается въ числѣ „насъ“. Догадка (Scwanbeck'а) насчетъ Силы (Силуана) устраняется не менѣе легко и безповоротно, поелику форма „мы“ исчезаетъ именно тамъ, гдѣ онъ оказывался одинъ съ Павломъ, отличаясь отъ „насъ“, бывшихъ спеціально при Апостолѣ (XVI, 17: αὕτη κατακολουθοῦ(ήσα)σα τῷ Παύλῳ καὶ ἡμῖν. 19; ἐπιλαβόμενοι τὸν Παῦλον καὶ τὸν Σίλαν), и во всякомъ случаѣ не покрывающихся особо названнымъ лицомъ Силы. Мысль о Титѣ зародилась въ критическихъ кружкахъ (Horst, Kneucker, Krenkel, Jacobsen) вслѣдствіе неудовлетворительности всѣхъ другихъ и — по существу своему — поддерживается только этою искусственною комбинаціей. Опровэргать ее столь же трудно, какъ доказывать, потому что совсѣмъ не имѣется реальныхъ данныхъ для этой гипотезы. Тѣмъ не менѣе безпоч венность ея несомнѣнна, что понятно хотя бы по единичному соображенію. Изъ посланія къ Галатамъ (II, 1 сл.) ясно, что во время „вторичнаго“ посѣщенія Іерусалима св. Павломъ при немъ былъ Титъ, какъ его довѣренный личный представитель, присутствіе котораго вызвало напряженныя осложненія и грозило крайне опасными, почти роковыми затрудненіями. Для насъ здѣсь абсолютно безразлично, какой собственно визитъ разумѣется у Апостола: былъ ли онъ по причинѣ голода (Дѣян. XI, 30. XII, 25), на Апостольскій соборъ (XV, 2 сл.), или по завершеніи второго миссіонерскаго путешествія, — это все равно и нашего вопроса не касается. Важно и существенно лишь то, что нигдѣ тутъ не встрѣчается характерное „мы“, а это невѣроятно, еслибы Дѣеписателемъ былъ Титъ, потому что авторъ въ своемъ историче комъ рефератѣ опустилъ бы самый выдающійся моментъ своего участія въ благовѣстнической работѣ учителя и подчеркивалъ бы свое имя при тѣхъ эпизодахъ, гдѣ не игралъ особенной роли. Вотъ это дѣйствительно недопустимое contradictio in adjecto, освобождающее насъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ споровъ!...

Теперь достаточно сопоставить два ряда, чтобы полу-

чился прочный итогъ. Намъ предлагаютъ разныхъ лицъ, которыя не называются преданіемъ, а одно опредѣленное прямо указывается первымъ и вполнѣ согласно со вторымъ: — можно ли здѣсь колебаться въ убѣжденномъ выборѣ? Значитъ, не имѣется ни малѣйшихъ побужденій и достаточныхъ извиненій къ тому, чтобы считать Дѣеписателемъ, спутникомъ Апостола Павла, не Луку, а какого либо невѣдомаго и невѣроятнаго литературнаго икса. Въ равной мѣрѣ нельзя различать его и отъ третьяго Евангелиста, о чемъ столь много хлопочутъ безнадежные и неисправимые критики.

Мы не будемъ говорить о „филологическомъ“ сходствѣ обѣихъ книгъ, ибо близкое совпаденіе ихъ по языку достаточно раскрыто и почти общепринято. Мы остановимся на томъ существенномъ свойствѣ всякаго историческаго труда, что для него обязательна хронологическая пунктуальность. Ею не блещетъ въ изобиліи и третій синоптикъ, однако для начала проповѣди Іоанновой, тѣсно связанной съ открытіемъ общественнаго служенія Христова, даются многочисленныя и точныя хронологическія указанія синхронистическаго свойства (Лк. III, 1—2; ср. ст. 23). Ничего подобнаго не усматривается въ книгѣ Дѣяній, и отсюда раждаются сомнѣнія и возраженія. На первый взглядъ отмѣченное явленіе, дѣйствительно, кажется неожиданнымъ и непостижимымъ въ спеціально историческомъ трудѣ, но прежде всякихъ изумленій и отрицаній нужно вдуматься въ самый предметъ и тщательно взвѣсить всѣ данныя. Тогда мы поймемъ, что въ первоапостольской исторіи не встрѣчается и отдаленно равнаго событія, напоминающаго фактическое наступленіе спасительнаго избавленія Христова. Въ немъ былъ поворотный моментъ всего міроваго теченія и источникъ христіанской жизни, изъ него возникающей и съ нимъ безусловно обезпеченной въ своемъ существованіи. Посему въ послѣднемъ допустимо лишь непрерывное развитіе при внутренней преемственности всѣхъ стадій, изъ коихъ всѣ — принципіально — одинаковы, поелику равно держатся на общей для нихъ божественной первооснов. Съ этой точки зрѣнія было бы субъективнымъ произволомъ намѣренно выдвигать тѣ или иные отдѣльные пункты, которые въ этомъ случаѣ потребовали бы въ большинствѣ своемъ хронологической датировки, а эта погодная лѣтописность совсѣмъ не соотвѣтствовала задачамъ священной исторіографіи съ доминирующими въ ней сотеріологически практическими интересами. Этимъ вполнѣ удовлетворительно объясняется отсутствіе въ Дѣяніяхъ синхронистическихъ сближеній, хотя нельзя не напомнить, что Іерусалимскій голодъ называется бывшимъ ἐπὶ Κλαυδίου (IX, 28).

Затѣмъ несомнѣнно, что во „второмъ словѣ“ къ Θеофилу хронологическихъ терминовъ все-таки больше. Не всѣ

они отчетливы для насъ, но первѣйшая причина сему въ томъ, что наши свѣдѣнія въ этой области недостаточны, и мы не знаемъ всѣхъ фактическихъ отношеній и дѣйствительнаго положенія вещей, гдѣ все должно разрѣшаться съ безспорностію въ ту или другую сторону. За этими ограниченіями и изъятіями, у насъ остается достаточно опорныхъ пунктовъ для вѣроятныхъ хронологическихъ вычисленій. Важнѣйшимъ для общей хронологіи надо признать прямое свидѣтельство Дѣеписателя (XXV, 12. XXVI, 32), что св. Павелъ былъ отправленъ въ Римъ при игемонѣ Порціѣ Фестѣ. О его предшественникѣ Феликсѣ говорится, что — по своемъ отозваніи — онъ былъ обвиненъ іудеями предъ Нерономъ (13 октябри 54 г. — 9 іюня 63 г.) весьма серьезно и спасся отъ жестокой кары только по заступничеству своего брата Палланта (Jos. Flavii Antiqu. XX, 89), который былъ отравленъ этимъ императоромъ въ 62 году (Tacit. Annal. XIV, 65), почему смѣна „правителей“ Іудеи должна быть раньше этой даты. Солидарно и другое указаніе, что Іосифъ Флавій, родившійся въ первый годъ Кая (Калигулы: 16 марта 37 г. — 24 января 41 г.), или въ 37—38 году по р. Хр., разсказываетъ, что въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ ѣздилъ въ Римъ хлопотать за осужденныхъ Феликсомъ родственниковъ-священниковъ (Vita 3, 1), а это приводитъ къ 60-мъ годамъ. Трудно допустить, чтобы іудейскій историкъ слишкомъ замедлилъ со своею защитительною миссіей, открывшейся лишь съ увольненіемъ Феликса, а въ такомъ случаѣ имѣется достаточно времени до 62 года. Посему не безъ основанія принимается для назначенія Феста 61-й годъ [1]). Вычитая отсюда двухлѣтнее Кесарійское заключеніе (Дѣян. XXIV, 27), — для ареста Павлова будемъ имѣть 59 й годъ. Это точно согласуется съ историческими свѣдѣніями о Феликсѣ. По словамъ Тацита (Annal. XII, 54), онъ — въ качествѣ правителя Самарійскаго — и Куманъ Галилейскій были вызваны къ Сирійскому намѣстнику Квадрату въ 52 году, но первый оправдался и, повидимому, вскорѣ получилъ власть надъ Іудеей [2]). Неудивительно те-

---

[1]) Въ опредѣленіи времени для отозванія Феликса существуютъ немалыя колебанія (о чемъ см. Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes I², S. 483 ff.; I³, S. 577 ff. и ср. Prof. Ad Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Zweiter Theil (Chronologie), erster Band: Die Chronologie der Litteratur bis Irenaeus nebst einleitenden Untersuchungen. Leipzig 1897. S. 233). Большинство принимаютъ 60-й годъ, но нѣкоторые предполагаютъ раннѣйшія даты: Kellner — ноябрь 54 г., Val. Weber и O. Holtzmann — 55-й, Fr. Blass и Ad. Harnack — 56 й.

[2]) Ср. Prof. Theodor Mommsen, Römische Geschichte V, S. 525.

перь, если въ 60 году Апостолъ говоритъ Феликсу (Дѣян. XXIV, 10): ἐκ πολλῶν ἐτῶν ὄντα σε κριτὴν τῷ ἔθνει τούτῳ ἐπιστάμενος. Всѣ эти сопоставленія и совпаденія позволяютъ думать, что св. Павелъ былъ арестованъ въ 59 году, пробылъ въ заключеніи до 62 года и находился въ Римѣ подъ надзоромъ до 64 года.

Эта хронологія, конечно, лишь приблизительная и не гармонируетъ съ древними опредѣленіяаи (Евсевія въ Chron. по ed. A. Schone II, 148 sqq.; блаж. Іеронима De viris illustr. VII; ср. Евѳалія у Zacagnius, Monum. vet., p. 529, и Cramer'a въ Caten. ad Act. Apost.), которые назначаютъ иные термины: Феликсъ посланъ въ Іудею въ 10—11 й годъ Клавдія (въ январѣ 50/1 или 51/2 г. по р. Хр.), Фестъ — во второй годъ Нерона (въ октябрѣ 55/6 г.), Альбинъ — въ 7-й (61 й) г. Эту схему раздѣляютъ и нѣкоторые современные авторитеты [1], и — сама по себѣ — она не колеблетъ компетентности Дѣеписателя, а только сомнительна безотносительно и совсѣмъ напрасно создаетъ коллизіи между историческими показаніями документовъ, для чего нѣтъ ни поводовъ, ни оправданій. Евсевій почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ Юлія Африканскаго [2], который примыкаетъ здѣсь къ

---

[1]) Даты Евсевія, съ которыми точно совпадаютъ хронологическія вычисленія проф. Oscar Holzmann'a, всецѣло защищалъ и Ad. Harnack (Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius II, 1, S. 334 ff.), соотвѣтственно чему располагались у него и факты жизни Апостола Павла (S. 237 ff.): обращеніе въ 30 году (по смерти Христовой или чрезъ годъ послѣ нея), первое посѣщеніе Іерусалима — въ 33 мъ Апостольскій соборъ — въ 47-мъ, арестъ — въ 54 (53)-мъ, заключеніе въ Кесаріи — въ 54(53)-мъ — 56(55)-мъ. Этотъ ученый базировался на томъ фактѣ (S. 235), что Паллантъ (Pallas) лишился своего значенія при дворѣ въ февралѣ 56 г. (Tacit. Annal. XIII, 14—15). Но 1) эта датировка совсѣмъ не безспорна, ибо получается путемъ произвольной поправки (см. Prof. Th Zahn, Einleitung in das N. T. II[3], S 618—649) XIV-й годовщины рожденія Британника на XV-ю (S. 238), и 2) самъ Гарнакъ соглашается (S. 233), что Паллантъ не сразу потерялъ все вліяніе, которое (хотя бы и косвенно, чрезъ разныя посредства) могло продолжаться и послѣ, а тогда мы не имѣемъ права утверждать, что онъ могъ помогать Феликсу только и единственно около 56 года. Напротивъ, мы знаемъ, что Паллантъ былъ отравленъ по приказу Нерона въ 62 году и, слѣдовательно, считался вліятельно-опаснымъ лицомъ даже въ это позднѣйшее время, почему его раннѣйшее заступничество могло сохранять свою силу въ дружественныхъ придворныхъ кругахъ и послѣ смерти, хотя въ этомъ пунктѣ у Іосифа Флавія, кажется, напутано. См. еще замѣчанія у Prof. W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1897, III.

[2]) Ср. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1, S. 235, 241.

Іосифу Флавію, но именно за обсуждаемый періодъ послѣд ній недостаточно информированъ и пунктualенъ [1]) и далеко не всегда подтверждаетъ церковнаго историка, какъ это ясно по ближайшему къ нашей рѣчи примѣру: по Іосифу Фл. выходитъ, что Египтянинъ-возмутитель, предъ днями ареста Павлова увлекшій въ пустыню четыре тысячи разбойниковъ (Дѣян. XXI, 33), дѣйствовалъ при Феликсѣ (Antiqu. XX, 8 : 6) въ царствованіе Нерона — и это согласно съ Дѣеписательскими данными и съ проэктированною выше хронологіей, между тѣмъ по Евсевіевой системѣ св. Павелъ пришелъ въ Іерусалимъ при Клавдіѣ (24 января 41 г. — 13 октября 54 г.). Значитъ, всѣ эти разногласія вовсе не подрываютъ хронологической освѣдомленности Дѣеписателя, а если его упоминанія, сдѣланныя случайно и неопредѣленно, вызываютъ разныя толкованія, то это не противорѣчитъ авторской личности третьяго Евангелиста, потому что вѣдь и болѣе спеціальная замѣтка послѣдняго о Квириніевой переписи продолжаетъ плодить много споровъ и гипотезъ. Въ этомъ пунктѣ скорѣе подтверждается ихъ литературная солидарность, вполнѣ понятная при персональномъ тожествѣ.

Это заключеніе оправдывается и другимъ свидѣтельствомъ Дѣеписателя (XII, 19—23) о смерти царя Ирода Агриппы I (37, 40, 41—44 г. г. по р. Хр.), который — по Іосифу Флавію (Antiqu. XIX, 8 : 2) — скончался въ Кесаріи въ четвертый годъ Клавдія, или въ 44 году [2]), а по книгѣ Дѣяній (XII, 25) это было около времени пребыванія Варнавы и Савла въ Іерусалимѣ въ качествѣ Антіохійскихъ посланниковъ туда для помощи по случаю голода (XI, 27—30). Вотъ тутъ и высказываются [3]), что послѣднее событіе рисуется невѣроятными чертами, какъ бывшее „по всей вселенной" (XI, 23), почему и весь рефератъ о благотворительной миссіи изъ Антіохіи является фальшизымъ. Но Дѣеписатель не говоритъ, что все это происходило со строжайшею одновременностію [4]), а лишь „въ то время" (XII, 1), обнимавшее нѣсколько эпизодовъ и ничуть не покрывавшееся только фактомъ голодовки. Тогда нельзя никоимъ образомъ утверждать, что послѣдняя мыслится ставшею „вселенскимъ" не-

---

[1]) Ср. въ нашей брошюрѣ, О Квириніевой переписи по связи ея съ Рождествомъ Христовымъ (Кіевъ **1913**), стр. **29—30**.

[2]) Ср. къ сему свящ. І. И. Добронравовъ, Гоненіе Ирода Агриппы I-го на христіанъ: историческій комментарій къ XII главѣ книги Дѣяній, Сергіевъ Посадъ **1911**.

[3]) См. Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes I², S. 474; I³, S.S. 67—568.

[4]) Prof. W. M. Ramsay, St. Paul the Traveller and the Roman Citizen, p. 48 sqq.

счастіемъ въ одинъ годъ позорной смерти Иродовой. Это есть совершенно произвольное перетолкованіе, яко бы бѣдствіе разомъ и въ краткій срокъ охватило orbem Romanam, ибо разсказъ допускаетъ пониманіе въ смыслѣ разновременности пораженія по различнымъ мѣстамъ имперіи. А въ этомъ смыслѣ имѣется достаточно историческихъ оправданій. Светоній (Claud. 18) констатируетъ assiduae sterilitates въ правленіе Клавдія, другіе свидѣтели упоминаютъ о голодѣ въ Римѣ въ началѣ его (Dio Cass. LX, 11. Aurel. Victor. Caes. 4), въ 9—10 мъ или 11 мъ году (Euseb. Chron. ed. Schoene II, 152—153, по армянскому тексту и по блаж. Іерониму; Oros. VII, 6, 17; Tacit. Annal. XII, 43), а въ 8—9 мъ и въ Греціи (Euseb. Chron. l. cit.), затрудненія же столицы рѣшительно убѣждаютъ въ хлѣбномъ оскудѣніи богатыхъ поставщицъ зерна по Средиземному морю. Таковъ прежде всего Египетъ, но нѣтъ препятствій относить сюда и Іудею. Именно при Клавдіѣ (около 45 г.) іудейская прозелитка Елена, мать Адіабенскаго царя Изата, помогала жизненными продуктами страждущимъ Іерусалимлянамъ, закупая въ Египтѣ хлѣбъ и на Кипрѣ фиги (Jos. Flav. Antiqu. XX, 5 : 2). Развѣ это не соотвѣтствуетъ Дѣеписательской фразѣ по ея разумному значенію, что голоданіе захватывало разныя мѣстности Римской имперіи? И могъ ли кто нибудь говорить и понимать ее иначе, если всякому была очевидна явная абсурдность подобной интерпретаціи, обрекавшей на вымираніе цѣлое богатое государство? Но о многократныхъ голодовкахъ въ отдѣльныхъ его провинціяхъ по свойственной древнимъ преувеличенности вполнѣ дозволительно было говорить, какъ о „вселенскомъ“ голодѣ. Въ отношеніи Іудеи (и Іерусалима) мыслится, конечно, бывшій при Еленѣ Адіабенской голодъ около 45 г. Если мы даже допустимъ, что Варнава и Савлъ во все продолженіе его оставались во святомъ городѣ, — и тогда возвращеніе ихъ въ Антіохію упадетъ на 46 г., поелику двухгодичная длительность голоданія едва ли возмнжна.

Въ результатѣ находимъ, что Дѣеписательская дата вполнѣ пріемлема фактически и представляетъ достаточную опору для приблизительныхъ вычисленій, а развѣ это дисгармонируетъ съ исторіографическою манерой третьяго Евангелиста? Не правильнѣе ли будетъ совсѣмъ противное? Съ обратнымъ приходомъ Антіохійскихъ посланцевъ связывается наиважнѣйшее рѣшеніе Антіохійской церкви о спеціальномъ развитіи и расширеніи христіанской евангелизаціи (Дѣян, XII, 1 сл.). Этотъ моментъ былъ раздѣляющею гранью для новой, всемірной миссіи и хронологически квалифицируется вполнѣ резонно, какъ поворотный пунктъ въ движеніи апостольской исторіи, т. е. въ духѣ св. Луки. Равнымъ образомъ и послѣ хронологическія отмѣтки приво-

дятся весьма удачно, потому что арестъ Апостола сопровождался распространеніемъ до центра всей Римской державы самого благовѣстія Христова согласно эссенціальному его требованію и божественному предназначенію (Дѣян. XIX, 21. XXIII, 11. XXVII, 24). Частныя хронологическія расчисленія — соотвѣтственно постепенному ходу Дѣеписательскаго разсказа — сопряжены съ большими трудностями и подлежатъ особому изученію, но для нашей ближайшей цѣли этого здѣсь не требуется. Заслуживаетъ вниманія только общее заключеніе, что — не щедрый чрезмѣрно на хронологическія справки, — историографъ пользуется ими умѣло и примѣняетъ кстати, въ самыхъ удобныхъ случаяхъ. Это характерный методъ третьяго синоптика, и—по несомнѣнному сходству съ нимъ въ данномъ отношеніи—Дѣеписатель естественно отожествляется съ Евангелистомъ.

Такое научное наблюденіе снова удостовѣряетъ истинность изначальнаго преданія, что апостольскій вѣкъ обрисованъ опытною рукою св. Луки. Древнее общепринятое мнѣніе [1]) — помимо его исконности и повсюдности — обладаетъ всѣми свойствами фактической авторитетности. Оно называетъ его Антіохійцемъ, и кодексъ D прямо причисляетъ Луку къ членамъ Антіохійскаго братства. Свящ. лѣтописецъ былъ спутникомъ эллинскаго благовѣстника, не рѣдко соучаствуя въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ и образуя съ нимъ объединенное „мы“,—и по посланіямъ апостольскимъ безспорно, что Лука находился при Павлѣ въ Римѣ и въ первыя (Кол. IV, 14. Филип. 23) и во вторыя (2 Тим. IV, 10) узы. Ясно по этому, что онъ дѣйствительно сопровождалъ Апостола языковъ и находился въ тѣсныхъ и длительныхъ связяхъ, былъ для него „возлюбленнымъ“ „споспѣшникомъ“, сохранившимъ сомоотверженную вѣрность своему учителю въ тяжкія времена измѣны другихъ. Этотъ Лука былъ по образованію и по профессіи врачъ и, конечно, обладалъ сравнительно высокою научною просвѣщенностію а это опять же совпадаетъ съ несомнѣнными литературными достоинствами третьяго Евангелія и книги Дѣяній. Не менѣе

---

[1]) Только у св. І. Златоуста (in Ascens. Domini et in principum Act. hom. II, 8: M. gr. LII, 780) и у патр. Фотія (ad Amphil. quaest. 123, al. 145: M. gr. CI, 716) отмѣчается колебаніе, что книгу Дѣяній одни усвояли Клименту Римскому, другіе Варнавѣ, третьи Лукѣ, но здѣсь несомнѣнно смѣшеніе съ посланіемъ къ Евреямъ, — смѣшеніе случайное и, можетъ быть, даже не первоначальное, а обязанное позднѣйшей необдуманной корректурѣ или глоссѣ (у Златоуста, почему подлинность разумѣемой гомиліи иногда оспаривается), ибо никто и никогда ничего подобнаго о „второмъ словѣ“ къ Өеофилу не высказывалъ.

понятно, что мужъ человѣколюбивѣйшей спеціальности былъ привлеченъ къ спасительному врачеванію изболѣвшаго языческаго міра и присоединился къ великому миссіонеру имено въ тотъ моментъ, когда онъ рѣшилъ перешагнуть на почву Греціи.

Со всѣхъ сторонъ и при всякихъ точкахъ зрѣнія блестяще оправдывается древнехристіанское и непрерывное убѣжденіе, какъ будто имѣющее слабые отголоски и въ текстуальныхъ варіаціяхъ [1]), что Дѣеписателемъ былъ св. Евангелистъ Лука. Въ такомъ случаѣ не видится ни основаній, ни побужденій отвергать

## подлинность книги Дѣяній,

засвидѣтельствованной весьма прочно и отчетливо. Уже въ Климентовомъ посланіи цитируются (I Cor. 2) слова Господа „пріятнѣе давать, чѣмъ принимать", а они встрѣчаются лишь у Дѣеписателя (XX, 35), трудъ коего явно предполагается у Варнавы (epist. 19) и въ Διδαχή (4), въ посланіяхъ (Smyrn. 3 и Дѣян. X, 41; Magnes. 5 и Дѣян. I, 26) и въ мученическихъ актахъ св. Игнатія Богоносца (5 и Дѣян. XXVIII, 13—14), у Поликарпа Смирнскаго (Phil. I, 2 и Дѣян. II, 24. X, 42), въ письмѣ (усвояемомъ J. Quarr въ „Hermathena" XXII, p. 318—357 Ипполиту Римскому) къ Діогнету (3 и Дѣян. XVII, 24 сл.) и у Іустина Мученика (Apol. I, 50 и Cohort. ad Graec 10 ср. Дѣян. VII, 22; Dial. c. Tryph. 36 и Дѣян. XXVI, 22). У Тертулліана (adv. Marc. V, 2) прямо упоминается книга Дѣяній, которая была въ обращеніи у эвіонитовъ (Epiphan. haer. XXX, 16), северіанъ (Euseb. h. e. IV, 29), манихеевъ (August. de utilit. credent. 7; contra Adamant. XVII, 5; contra Faust. XIX, 31) и у Ѳеодота (Epiphan. haer. LIV,5), извѣстна компилятору апокрифа „Завѣты XII ти патріарховъ" (Test. Beniam. 9, 11) равно язычнику Лукіану и — въ качествѣ писанія священнаго — изъясняется у I. Златоуста. Свидѣтелями западной традиціи служатъ Мураторіевъ фрагментъ, посланіе Ліонскихъ и Вьеннскихъ христіанъ и Ириней, изъ Африканцевъ имѣемъ Тертулліана и отъ Александ-

---

Дѣян XX, 13, которое гласитъ, что „мы пошли впередъ на корабль и поплыли въ Ассъ, чтобы взять оттуда Павла", у одного армянскаго комментатора читается такъ: „но Лука и тѣ, кто со мною, пошли на бортъ", а поелику фраза тутъ получается неясная и искомымъ лицомъ не могъ быть Павелъ, котораго надо было принять лишь потомъ, то Dr. J. Rendel Harris вполнѣ правдоподобно проектируетъ слѣдующій текстъ: „но я, Лука, и тѣ, кто со мною". См. „The Expository Times" XXIV, 12 (September 1913) p. 530a—531b, и ср. ibid. XXV, 1 (October 1913), p. 44b.

рійцевъ — Климента и Оригена. Не удивительно, что у Евсевія (h. e. III, 25) Дѣянія причисляются къ τὰ ὁμολογούμενα, и его утвержденіе гласитъ, что это благопріятное сужденіе покоилось на всеобщемъ согласномъ признаніи всѣхъ по причинѣ непрерывности христіанскаго преданія, или по его исконности.

Съ этой точки зрѣнія не особенно важны и критическія сомнѣнія насчетъ подлинности и древности соотвѣтствующихъ патристическихъ памятниковъ, потому что они — принципіально — ничуть не ослабляютъ ихъ истинной свидѣтельской силы. Дѣло въ томъ, что тамъ не просто констатируется голый фактъ наличности той или другой новозавѣтной книги, но каждая принимается въ достоинствѣ апостольской и рекомендуется по обязательной для всѣхъ священности, а это указываетъ на ея раннѣйшее существованіе и церковное санкціонированіе. Фальсификатъ недавній, конечно, не могъ сразу пріобрѣсти подобнаго исключительнаго авторитета, и одна повсюдность послѣдняго несовмѣстима съ мыслію о подлогѣ. Разумѣется само собою, что для появленія литературныхъ контрафакцій долженъ быть основательный мотивъ въ настойчивыхъ запросахъ жизни, чтобы онѣ не возникали ex abrupto и казались не чудесными, а натуральными продуктами для удовлетворенія фактическихъ потребностей. Обыкновенно думаютъ и рекламируютъ, что въ данномъ случаѣ этимъ возбудителемъ было примирительное стремленіе, желавшее сгладить крайности петринизма и павлинизма и сблизить оба эти направленія, почему образъ эллинскаго миссіонера приспособляется къ Апостолу обрѣзанія, который въ свою очередь подгоняется къ стилизированной личности Павловой, чтобы получилось нѣчто среднее, усвоенное и увѣковѣченное „каѳолическою" церковію. Едва ли такія тенденціи соотвѣтствовали настроеніямъ той эпохи, когда, напр., изъ Климентинъ намъ слишкомъ извѣстно, что теперь приходилось не Павла уравнивать съ Петромъ, а — напротивъ — Петра надѣлять рѣчами и актами Павловыми. Всякое иное пониманіе и построеніе будетъ не историческимъ и, слѣдовательно, не реальнымъ, или фальшивымъ.

Наконецъ, должно отмѣтить и то, что книга Дѣяній усвояется не какому-нибудь христіанскому свѣтилу апостольскихъ временъ, а скромному спутнику Павловому съ именемъ совсѣмъ не громкимъ. Эта черта является наилучшимъ удостовѣреніемъ фактической истинности традиціи, которая иначе—подобно всѣмъ апокрифически-апокалиптическимъ современнымъ произведеніямъ—сумѣла бы украсить себя болѣе блистательнымъ ореоломъ. Критика же должна съ научною солидностію раскрыть, почему Дѣянія приписаны невидному апостольскому мужу Лукѣ, и не можетъ объяснить этого съ при-

близительною убѣдительностію, почему наиболѣе трезвые представители ея не усматриваютъ иного исхода, какъ согласиться, что онъ фактически сопровождалъ эллинскаго миссіонера и ему принадлежатъ отдѣлы съ „мы“ и всѣ связанныя съ ними части въ видѣ цѣлой историографической книги, которая и будетъ его авторскою литературною собственностію.

Но если предъ нами подлинное твореніе спутника Павлова Луки, то и

## время изданія книги Дѣяній

нельзя отодвигать за границы апостольскаго вѣка [1]), хотя точнѣйшую дату отыскать не легко. Дѣеписательскій разсказъ прерывается на упоминаніи о двухлѣтнемъ пребываніи Апостола Павла въ Римѣ, и отсюда многіе — еще со временъ Евѳалія — утверждали, что тогда именно и было составлено это Павлинистическое твореніе, въ наибольшей части посвященное жизнеописанію эллинскаго миссіонера. Но это мнѣніе опирается на шаткомъ предположеніи объ одновременности событій съ ихъ письменнымъ изображеніемъ что̀ всячески и всегда несправедливо принципіально и фактически. У новѣйшихъ ученыхъ присоединяется еще вспомогательный аргументъ, будто — иначе — Лука не умолчалъ бы о дальнѣйшей судьбѣ своего учителя. Такое гаданіе созидается на фальшивомъ пониманіи книги Дѣяній въ качествѣ чисто историческаго труда, между тѣмъ она преслѣдуетъ совершенно идейные интересы и выдвигаетъ отдѣльныя личности лишь въ мѣру соотвѣтствія имъ, почему индивидуальныя подробности были для нея не нужны во всѣхъ реалистическихъ чертахъ. Дѣянія — вовсе не біографія двухъ первохристіанскихъ корифеевъ [2]) и ничуть не возвышаетъ ни того, ни другого [3]), а рисуетъ историческое осуществленіе спасительнаго божественнаго плана, — и когда послѣдній оказывается исполненнымъ, — писатель немедленно кончаетъ по благочестивому убѣжденію, проникавшему всю работу: soli Deo gloria! [4]). Болѣе точную дату находятъ, у Иринея (Contra haer. III. 1:1 у M. gr. VII, 244, и Eusab. h. e. V 8:3) въ словахъ о Петрѣ и Павлѣ, что μετὰ δὲ τὴν τοῦ

---

[1]) И прежде Prof. Ad. Harnack утверждалъ, что Дѣянія нужно относить къ **80—93** г. г. (Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1, S. 250) или даже лишь чрезъ нѣсколько времени по разрушеніи Іерусалима (Lukas der Arzt, S. 18).

[2]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 5.

[3]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 6.

[4]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte. S. 49.

τὴν ἔξοδον опубликовали свои Евангелія Маркъ и Лука, а ἔξοδος обычно означаетъ exitum vel excessum e vita (ср. Лк IX, 31. 2 Петр. I, 15)[1]). Однако подобное толкованіе этого конкретнаго выраженія встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія и не является безусловно несомнѣннымъ и повсюдно обязательнымъ (см. Евр. XI, 22: περὶ τῆς ἐξόδου τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ изъ Египта). Напротивъ, въ латинскомъ фрагментѣ этого ересеолога читается, что послѣ извѣстнаго промежутка Апостолы exierunt in fines terrae (M. gr VII, 844) для благовѣстнической проповѣди согласно Маркову свидѣтел ству о нихъ (XVI, 20), что ἐκεῖνοι δὲ ἐξελθόντες ἐκήρυξαν πανταχοῦ По этимъ соображеніямъ терминъ ἔξοδος въ нашемъ случаѣ можетъ отмѣчать „уходъ" учениковъ Господнихъ изъ Палест ны въ разныя страны для миссіонерскаго служенія. Но если даже понимать его въ общепринятомъ смыслѣ, — это не рѣшаетъ безповоротно нашего вопроса, поскольку не безъ права догадываются (Prof. Fr. Blass), что разсматриваемое свидѣтельство явилось ex conjectura въ виду фразы 2 Петр. I, 15, гдѣ благовѣстникъ говоритъ: σπουδάσω δὲ καὶ ἑκάστοτε ἔχειν ὑμᾶς μετὰ τὴν ἐμὴν ἔξοδον, τὴν τούτων μνήμην ποιεῖσθαι, и не имѣетъ независимой фактически-исторической цѣнности.

Гораздо важнѣе другое обстоятельство ближайшее къ предмету нашей рѣчи и достаточно несомнѣнное научно. Не безъ основанія полагаютъ, что книга Дѣяній была задумана вмѣстѣ съ третьимъ Евангеліемъ[2]). Допускается хоть то, что при заключеніи Евангельской исторіографіи у автора былъ готовъ планъ и апостольской[3]). Поэтому разстояніе между ними по времени происхожденія могло быть лишь небольшое. А о первой формулировано что она издана до разрушенія Іерусалима[4]). На сторонѣ сего вся научная вѣроятность. Дѣеписатель изображаетъ всемірное распространеніе христіанства и его царственное утвержденіе въ языческой Римской имперіи. При этомъ онъ не скрываетъ, что такое расширеніе благовѣстнической миссіи было связано фактически съ немалыми осложненіями и затрудненіями для самой безупречной совѣсти исповѣдниковъ Распятаго

---

[1]) Проф. о. Д. И. Богдашевскій (архіеп Василій), Опыты по изученію Свящ. Писанія Н. З., вып. II: Книга Дѣяній Апостольскихъ стр. 78.

[2]) См. выше на стр 31, 32,1, 77 4.

[3]) См. Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N. T., Freiburg im Breisgau 1901, S. 123, zw. Aufl. ibid. 1905, S. 125.

[4]) См. Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 220; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 81 ff.

придерживавшихся формъ и нормъ іудейскаго богопочтенія. Крушеніе Iерусалимскихъ святынь развязывало этотъ запутанный историко догматическій узелъ и прямо освобождало всѣхъ отъ іудейско-религіозныхъ привязанностей и соподчиненій. Едва ли мыслимо, чтобы св. Лука не отмѣтилъ этотъ кардинальный моментъ, столь существенный для его принципіальныхъ цѣлей, если онъ продолжаетъ ограждать права и практику эллинскаго благовѣстія систематическими ссылками на косность и противленіе Израиля. Посему законно утверждать, что писанія Луки вышли раньше паденія Iерусалима [1]).

За долго ли до этой роковой катастрофы? — мы не можемъ опредѣлить даже по конкретнымъ указаніямъ третьяго Евангелиста, въ которыхъ какъ будто слышатся военные громы со всѣми ихъ ужасами. Но вся атмосфера тогда была насыщена ясными предвѣстіями и всеобщими предчувствіями неминуемой бѣды, отчетливой во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ очертаніяхъ, а христіане знали о ней со всею точностію по прямымъ предреченіямъ Христа, отмѣтившаго многое съ конкретною детальностію (Мѳ. XXIII, 32 сл. XXIV, 1 сл. и паралл.). При подобныхъ условіяхъ наглядность Луки ничуть не удивительна и вовсе не требуетъ непосредственнаго наблюденія, если мы знаемъ по надежнымъ примѣрамъ, что по особому прозрѣнію иногда ясно предусматривались впередъ даже мелкіе историческіе факты[2]).

Мы скорѣе приблизимся къ искомой грани по соображенію съ тѣмъ, постулируютъ ли писаніяЛуки къ смерти Павловой? И въ этомъ пунктѣ возможны и имѣются разногласія, но мы лично вполнѣ отрицаемъ эту предпосылку. Для насъ абсолютно непостижимо и недопустимо, чтобы благовѣстнически преданный ученикъ ограничился констатированіемъ, что Апостолъ проповѣдывалъ въ Римѣ царство Божіе и училъ о Господѣ Iисусѣ Христѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно (Дѣян. XXVIII, 31), когда ему было извѣстно, что уста Павловы были скованы смертными узами въ Римской столицѣ именно за миссіонерскую дерзнованность, и всякая проповѣдническая учительность смолкла навсегда [3]). Это психологически немыслимо и невѣроят-

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, R. 81.

[2]) Соотвѣтствующіе примѣры см. у Prof. Fr. Blass'a, Evangelium se undum Lucam (Lipsiae 1897), p. VII—VIII.

[3]) Нужно еще имѣть въ виду, что древніе „жизнеописатели" любили сосредоточиваться на послѣднихъ годахъ своихъ героевъ и часто въ особенности останавливались на ихъ смерти: см. у Prof. James Moffatt, An introduction, p. 629.

но въ виду бодраго тона Дѣеписательской рѣчи, которая явно внушаетъ, что двухлѣтіе закончилось благополуно, открывая болѣе отрадныя перспективы полнаго освобожденія.

По этимъ резонамъ мы принимаемъ, что книга Дѣяній издана до смерти Павлова [1]) въ началѣ 60-хъ годовъ[2]) —около 65 года.

Такая датировка оправдывается и нѣкоторыми общими соображеніями касательно новозавѣтной письменности, которая въ своемъ достоинствѣ обезпечивалась лишь апостольскимъ происхожденіемъ, потому что только апостольство уполномочивало на благовѣстничество [3]). Христіанское преданіе прекрасно понимало то принципіальное неудобство, что нѣкоторыя произведенія составлены не „самовидцами", и посему старалось оградить ихъ санкціонирующимъ одобреніемъ послѣднихъ, когда второе Евангеліе утверждало согласіемъ Петра, третье — соизволеніемъ Павла, а труды всѣхъ трехъ синоптиковъ — благословеніемъ Іоанна Богослова. Эта аппробирующая надобность, безъ сомнѣнія, еще яснѣе сознавалась и живѣе чувствовалась во время изданія новозавѣтныхъ писаній — среди ожесточенныхъ волненій еще не сформировавшихся христіанскихъ общинъ. Не даромъ же св. Павелъ, не смотря на неисчислимыя миссіонерскія тяготы, тщательно устранялъ своихъ помощниковъ отъ активнаго участія въ его литературныхъ сношеніяхъ и всегда дѣйствовалъ здѣсь отъ своего личнаго имени. Поэтому умѣстно и законно допустить, что и „второе слово" къ Ѳеофилу было обработано подъ надзоромъ великаго Апостола языковъ. Онъ безошибочно предвидѣлъ свое отшествіе ко Господу и, конечно, передалъ эту грустную вѣсть не одному Тимоѳею (2 Тим. IV, 6 сл.), и единственный его „соузникъ" Лука (IV, 10) зналъ объ этомъ въ точности. Приближеніе этой тяжелой катастрофы естественно вызываетъ неотложную потребность оглянуться назадъ и воспроизвести всѣ „подвиги добраго теченія" апостольскаго, сохранить ихъ для потомства въ назиданіе и побужденіе къ соотвѣтствующему подражанію. Съ этой точки зрѣнія книга Дѣяній, удовлетворявшая даннымъ запросамъ, въ совершенствѣ совпадаетъ съ извѣстною намъ благовѣстнически-пастырскою попечительностію св. Павла о христіанскихъ братьяхъ и пріобрѣтаетъ авторитетъ послѣдняго апостольскаго завѣта.

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 81, 86.

[2]) Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschishte. S. 219—221; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 63 ff.

[3]) Ср. Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte S. 15 См. и выше на стр. 113.

При такой хронологіи и

## вопросъ о мѣстѣ изданія книги Дѣяній

рѣшается въ пользу Рима, на который указывалъ блаж. Іеронимъ (De viris illustr. VII). Другія древнія извѣстія пріурочиваютъ апостольскую дѣятельность Луки — больше всего — къ Ахаіи, но они относятся къ позднѣйшему періоду его самостоятельнаго благовѣстничества и не колеблютъ нашей догадки, неизбѣжной по фактическому сцѣпленію историческихъ событій. А то обстоятельство, что Дѣеписатель не опредѣляетъ самыхъ незначительныхъ Италійскихъ мѣстечекъ, въ родѣ „Аппіевой площади" и „трехъ гостинницъ", можетъ косвенно говорить, что работа совершалась при непосредственномъ ихъ наблюденіи и въ отдаленіи отъ сценъ Палестинскихъ, какъ и первоначальные читатели были детально знакомы съ Итальянскою топографіей, т. е. были Римскими христіанами. Тверже преданіе текстуальное, и оно служитъ хорошимъ свидѣтелемъ по разсматриваемому вопросу. Его серьезныя колебанія раскрываются гипотезою двухъ рецензій, изъ коихъ частная возводится къ первоначальчой копіи, написанной въ Римѣ, здѣсь оставшейся и отсюда распространявшейся, почему — при β — она называется еще „Римскою" въ отличіе отъ исправленной, которая именуется „Антіохійской". И всѣ достовѣрные факты точно согласуются съ данною мыслію, поскольку поручители пространнаго текстуальнаго типа — почти исключительно — западнаго происхожденія, примѣненія и употребленія. Ясно, что первоисточникъ ихъ находится въ центрѣ Запада, каковымъ былъ Римъ, гдѣ, очевидно, онъ получилъ свое реальное бытіе въ первичной редакціи Дѣеписательскаго труда. Наконецъ, формулированное мнѣніе освѣщаетъ и условія образованія литературной двойственности книги Дѣяній, если мы примемъ, что первыя записи своего ученика просмотрѣлъ Апостолъ Павелъ и сдѣлалъ свои замѣчанія насчетъ измѣненій и исправленій, которыя и совершены Лукою послѣ (въ Антіохіи) въ связи со всѣми данными. Естественно, что ревизованный текстъ получилъ особенный авторитетъ, а первичный сохранилъ за собою частный интересъ детальныхъ показаній соучастника.

Совокупность всѣхъ изложенныхъ основаній и соображеній невольно наклоняетъ въ пользу Рима, какъ мѣста написанія, и самую книгу Дѣяній приводитъ подъ контроль и благословеніе великаго благовѣстника.

Этимъ принципіально гарантируется

## достовѣрность сообщаемыхъ въ ней рѣчей.

### I) Рѣчи Апостола Павла [1]).

Вопросъ этотъ отличается литературно критическою сложностiю и не можетъ быть рѣшенъ теоретически. Причины сему слѣдующiя.

Всѣ согласны что Лука имѣетъ большiя историографическiя достоинства, какъ историческiй повѣствователь, какъ мастеръ слова, тонкiй стилистъ [2]) съ литературнымъ искусствомъ эллина [3]) почти несравнимымъ [4]), съ великимъ даромъ стилистической подражательности самымъ разнообразнымъ лицамъ и комплициямъ [5]). Но именно отсюда и возникаютъ законныя сомнѣнiя и подозрѣнiя. Языковое мастерство отличается чисто эллинскими особенностями и связывается съ писательскою небрежностiю въ отношенiи историко-фактической, реальной точности [6]). Мы знаемъ, что св. Лука умѣетъ глубоко и интимно входить въ существо дѣйствующихъ лицъ и чрезвычайно удачно по содержанiю и формѣ усвояетъ имъ тѣ или иныя рѣчи. Естественно спрашивается теперь, не были ли эти послѣднiя ловкимъ изобрѣтенiемъ самого писателя и не ретушированы ли имъ по своему, даже вопреки разумѣемому оратору, хотя бы и на основанiи нѣкоторыхъ документальныхъ матерiаловъ? Въ

---

[1]) Этотъ отдѣлъ составленъ по трактату Prof. Percy Gardner, The Speeches of St. Paul in Acts въ Essays on Some Biblical Questions of the Day by Members of the University of Cambridge ed. by Prof. H. B. Swete, London 1909, p. 378—419. См. также соотвѣтствующiе отдѣлы въ диссертацiяхъ Ив. А. Арбоолевскаго, Первое путешествiе св. Апостола Павла съ проповѣдью Евангелiя (Дѣян. XIII—XIV), Сергiевъ Посадъ 1900; о. Д. С. Глаголева, Второе великое путешествiе св. Ап. Павла, Тула 1893; iеромонаха Григорiя (Борисоглѣбскаго), Третье великое благовѣстническое путешествiе св. Ап. Павла, Сергiевъ Посадъ 1892, Н. Д. Протаслова, Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы (Дѣян. XXV — XXVI), Москва 1913. Проф. о. Д. И. Богдашевскiй, Опыты по изученiю Свящ. Писанiя Н. З., вып. II, стр. 10 сл.

[2]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 80.

[3]) Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 146; Die Apostelgeschichte, S. 74.

[4]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 68.

[5]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 152: „Lukas ein Meister in der Nachbildung von Stilarten gewesen ist“.

[6]) Prof. Ad. Harnack, Lukas des Arzt, S. 80 ff.

случаѣ утвердительнаго отвѣта весь дидактическій матеріалъ третьяго Евангелія и Дѣяній утрачиваетъ всякую объективно-историческую цѣнность, а объ изображаемыхъ персонажахъ мы должны будемъ думать, что они рисуются по субъективному авторскому шаблону — съ извѣстною тенденціозностію и индивидуальнымъ пристрастіемъ.

Подобныя предположенія тѣмъ допустимѣе, что все такое было свойственно древней исторіографіи, которая вовсе не культивировала реализма, любила творить типы и надѣлять ихъ желательными рѣчами и манерами. Это мы видимъ уже у раннѣйшаго изъ спеціальныхъ историковъ, Геродота, когда онъ, говоря о междуцарствіи въ Персіи (III, 80 — 82), выводитъ сановниковъ съ разсужденіями о преимуществахъ демократіи, олигархіи — въ духѣ греческихъ софистовъ и съ явнымъ разсчетомъ оправдать защитника послѣдней Дарія. Тутъ не столько историческое повѣствованіе, сколько прозаическая драма, гдѣ вмѣсто живыхъ фигуръ — характеры, вмѣсто историческаго дѣйствія — сценическія представленія. Намъ даются какъ бы „небылицы въ лицахъ“. У Ѳукидида прямо преобладаетъ риторика — въ длинныхъ и обработанныхъ рѣчахъ, которыя отражаютъ болѣе спеціально-политическіе взгляды писателя, чѣмъ подлинную исторію. Саллюстій въ разсказѣ о заговорѣ Катилины самъ присочинилъ фразистыя орацiи римскихъ сенаторовъ, хотя былъ при данныхъ событіяхъ и могъ непосредственно слышать и пунктуально воспроизвести все, что тамъ говорилось въ то время. Одинаковыя особенности наблюдаются у другихъ классическихъ источниковъ (напр., Діона Кассія и Тацита) и этимъ самымъ удостовѣряются въ своей общепринятой нормативности.

Необходимо ожидаются аналогичные пріемы и у Луки, который по своимъ дидактическимъ частямъ стоитъ въ срединѣ между Геродотомъ и Тацитомъ, съ ихъ этически — драматическими тенденціями, и между сторонниками риторическихъ интересовъ, Ѳукидидомъ и Саллюстіемъ. Всюду у него господствуетъ идея надъ фактами, къ которымъ онъ довольно невнимателенъ и, не соблюдая точности, часто впадаетъ въ дисгармоніи. Медицинская тренировка, признаваемая за Лукой, не спасала его отъ указанныхъ дефектовъ, ибо не имѣла современной пунктуальности, за отсутстіемъ физіологически анатомическаго фундамента, и не полагала строгаго различія собственно медицины и всякихъ вѣроисцѣленій. И нельзя отрицать, что Лукѣ не чуждъ былъ этотъ взглядъ на христіанство, какъ чудотворную врачебную силу [1]), для которой лица служили только объектами примѣненія.

---

[1]) Ср. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 100—102.

Все убѣждаетъ, что у Луки царитъ духъ греческой исторіографіи, небрежной въ отношеніи фактической детальности, но пристрастной къ типологическому методу, при чемъ люди и событія просто олицетворяютъ извѣстныя истины своими словами и поступками. А Лука находится подъ обаяніемъ своихъ великихъ идей, которыя были для него реальнѣе самыхъ фактовъ. Эта духовная склонность должна была особенно обнаруживаться въ сообщаемыхъ рѣчахъ, — и въ книгѣ Дѣяній онѣ, яко бы, носятъ такія черты, что ими явно лишь иллюстрируются разныя стороны и направленія первенствующаго христіанства въ его развитіи ко всемірному распространенію и всецѣлому возобладанію. Фактическіе случаи всегда слишкомъ тонко подходятъ къ дидактическому содержанію, а оно вполнѣ оправдывается ими, но это сплошное и гармоническое соотвѣтствіе выглядитъ крайне искусственнымъ.

Въ итогѣ констатируется, что у Луки художественный литературный мастеръ, какъ будто, поглощаетъ и топитъ реалистически—точнаго историка, много отнимая у его трудовъ объективной значимости. Такъ достоинства разрѣшаются недостатками, а мы существенно ограничиваемся въ драгоцѣнныхъ матеріалахъ для первохристіанской эпохи. Съ такими печальными результатами нельзя примириться безъ самой тщательной провѣрки, которую и произведемъ сначала по отношенію къ рѣчамъ Павловымъ въ книгѣ Дѣяній.

1) Рѣчь въ Антіохіи Писидійской (Дѣян. XIII, 16—41) является первымъ сохранившимся опытомъ спеціальнаго миссіонерскаго опыта св. Павла, и по ней тѣмъ резоннѣе судить объ исторической точности Луки, что тамъ онъ не присутствовалъ. Значитъ, если эта рѣчь исторически пріемлема, — это еще болѣе безспорно для другихъ, гдѣ Дѣеписатель былъ самъ; если она сомнительна, — тогда дозволителенъ скептицизмъ и касательно всѣхъ остальныхъ, разъ онъ не постѣснялся допустить измышленія въ самомъ невыгодномъ для него случаѣ.

И намъ энергически подчеркиваютъ сходство съ рѣчами Петра и Стефана, которыя своею общностію могутъ внушать, что тутъ мы имѣемъ авторскіе loci topici, а вовсе не слова живыхъ лицъ. Но теоріи о принципіальныхъ догматическихъ различіяхъ между Павломъ и „предними“ и о радикальномъ переворотѣ, произведенномъ проповѣдію Стефана въ сторону подготовленнаго имъ павлинизма, суть лишь критическія фикціи, и мы не менѣе законно можемъ выводить изъ отмѣченной общности, что у Апостоловъ была независимая, объективная основа въ одномъ и обязательномъ для всѣхъ преданіи.

Для подрыва Антіохійской рѣчи требуются точныя конкретныя данныя, а такихъ нѣтъ. Рѣчь эта носитъ ветхоза-

вѣтно-библейскій колоритъ и, изложивъ кратко судьбу богоизбраннаго Израиля, констатируетъ совершившееся смертію Христовой спасеніе, къ которому и призываетъ „дѣтей рода Авраамова“ и боящихся Бога. Библейскій колоритъ вполнѣ понятенъ для „слова наставленія“ въ синагогѣ послѣ чтенія закона и пророковъ при обращеніи къ іудеямъ и прозелитамъ. Библейскія мѣста цитируются и комментируются Павлинистическимъ способомъ. Не совсѣмъ ожиданное упоминаніе Іоанна Крестителя объясняется тѣмъ, что его ученики встрѣчались и, очевидно, имѣли вліяніе въ Малой Азіи и по эллинистическому міру (Дѣян. XVIII, 25. XIX, 3). Содержаніе и характеръ рѣчи — достаточно Павлинистическія и соотвѣтствуютъ ея цѣли. Желая привлечь довѣрчивое вниманіе слушателей, св. Павелъ, какъ іудей къ іудеямъ, говоритъ о дорогой для всѣхъ ихъ національной исторіи, затѣмъ отъ разсмотрѣнія Ветхаго Завѣта переходитъ къ обѣтованному въ немъ Избавителю, свидѣтельствуетъ о Его смерти и небесномъ превознесеніи и оканчиваетъ увѣщевательными предостереженіями: — развѣ все это не было самымъ натуральнымъ въ разумѣемыхъ историческихъ условіяхъ? Конечно, тутъ не находится спеціально Павлинистическихъ доктринъ, но послѣднія въ своей острой исключительности изобрѣтены критикой, а съ другой стороны, мы не видимъ ихъ, напр., въ посланіяхъ къ Ѳессалоникійцамъ, ибо св. Павелъ зналъ и умѣлъ сообщать и умалчивать важнѣйшіе догматическіе пункты своевременно и умѣстно по своимъ миссіонерскимъ интересамъ.

Слѣдовательно, для Антіохійской рѣчи вполнѣ понятно Павлинистическое ея происхожденіе по матеріалу и по способу обработки.

2) Труднѣе для подобной оцѣнки рѣчь Апостола Павла въ Аѳинахъ (Дѣян. XVII, 22—31), потому что она спеціально приспособлена не къ язычникамъ вообще, а лишь къ опредѣленной Аѳинской публикѣ, для которой могла быть вполнѣ удачною замѣтка о „невѣдомомъ Богѣ“. Правда, для насъ она связана съ нѣкоторыми неясностями, но въ ораторско-миссіонерскомъ отношеніи конструированіе рѣчи на тезисѣ о невѣдомомъ Богѣ, Который не долженъ быть превращаемъ въ невѣдомыхъ божествъ, есть мастерской пріемъ, и проф. Ад. Гарнакъ справедливо не видитъ основаній, почему бы его надо непремѣнно усвоять Лукѣ, а не самому Павлу [1]). Вѣдь по существу задачи проповѣдникъ для своего успѣха долженъ былъ въ самой скептической аудиторіи найти убѣдительную для слушателей точку опоры. Для іудейства служила такою ветхозавѣтная почва, а

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 95.

въ язычествѣ ее представляло лишь чувство неудовлетворенности при исканіи „невѣдомаго“ и — слѣдовательно — съ готовностію принять открываемаго и познаваемаго. Ясно, что пунктъ отправленія взятъ правильно, но тогда прямо предначертывался и дальнѣйшій путь — рѣшительнаго обличенія идольства и неизбѣжной отвѣтственности за приверженность къ нему предъ судомъ Предопредѣленнаго Мужа, по воскресеніи Его. Все развитіе мыслей и натурально и логично, какъ и фактическія матеріи безусловно вѣроятны, ибо образованные греки, — даже при теоретическомъ отрицаніи народнаго культа, — готовы были оправдывать послѣдній посредствомъ аллегоризаціи и слишкомъ мало цѣнили эсхатологію, въ крайнемъ случаѣ допуская развѣ поглощеніе человѣческаго бытія на лонѣ природы. Посему была существенная необходимость напомнить объ этой важнѣйшей религіозной истинѣ, а она показалась слушателямъ больше курьезною, чѣмъ серьезной. Все это должно было внушить, что въ этой средѣ пока нельзя было разсчитывать на сколько-нибудь солидный успѣхъ, почему единственная плодотворная задача могла теперь заключаться лишь въ томъ, чтобы разбудить дремлющія души отъ духовной спячки, зародить въ нихъ сомнѣніе насчетъ своего квіетизма, расшевелить и оживить высшія влеченія Это вызвало нѣкоторую общность содержанія, . сходную по характеру съ аналогичнымъ обращеніемъ Павла къ язычникамъ въ Листрахъ (Дѣян. XIV. 15—18). Въ силу этого понятно, что въ Аѳинской рѣчи нѣтъ Павлинистической доктринальной отчетливости, и проповѣдникъ не касается человѣческихъ обособленій, уничтожаемыхъ только во Христѣ, но выразительно говоритъ о его натуральномъ единствѣ, чтобы обезпечить вліяніе для благодатнаго примиренія, а послѣднее утвердить на природныхъ взаимныхъ связяхъ всѣхъ людей и на врожденныхъ стремленіяхъ ихъ къ Богу.

Эти концепціи, не воплощая всецѣло павлинизма, вполнѣ согласны съ нимъ. Общность матерій не давала удобства для детальнаго построенія, и отсюда не удивительно, что Аѳинская рѣчь не отличается картинной экспрессіей, но этимъ удостовѣряется и ея фактическая историчность и совершенная пунктуальность Луки. Дѣеписатель, конечно, былъ способенъ „сочинить“ болѣе блестящій образецъ, однако предпочелъ умѣренность по вниманію къ документальнымъ извѣстіямъ о томъ, гдѣ онъ, повидимому, не былъ. На то же указываетъ и объективная замѣтка о маломъ успѣхѣ Аѳинскаго проповѣдничества [1]), ибо зачѣмъ было изобрѣтать цѣлые эпизоды и украшать ихъ ораторскими

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 95.

скими цвѣтами вопреки основнымъ тенденціямъ о побѣдоносномъ распространеніи христіанства, когда оно здѣсь рисуется потерпѣвшимъ чуть не фіаско? Между тѣмъ тутъ приложено немалое стилистическое усердіе, такъ какъ по своей эллинской формѣ Аѳинская рѣчь является классическою и одна она способна создать самую высокую литературную репутацію [1]). Въ ея подлинности убѣждаетъ и вся дикція — очень своеобразная, но не специфически Лукина, поскольку имѣется лишь одно слово, свойственное Лукѣ (καθότι), при 19 нелуканистическихъ. По формальной обработкѣ ее нельзя назвать и прямо Павлинистическою въ виду наличности 14 ти непавлинистическихъ терминовъ, но все-же безспорно, что въ ней одно слово — специально Павлово (σέβασμα) и два характерныхъ для Павлова вокабуляра (εὐκαρπεῖν и ἀνθρώπινος) нелуканистическихъ слова. Во введеніи къ рѣчи (Дѣян. XVII, 16 — 21) — совсѣмъ иная пропорція: 9 нелуканистическихъ реченій при трехъ явно луканистическихъ: διαλέγεσθαι, εἰς τὰς ἀκοάς, σταθείς. Всѣ эти особенности требуютъ согласиться, что у Луки былъ документальный отчетъ, въ которомъ онъ немного редактировалъ вступленіе, а рефератъ рѣчи оставилъ въ возможной неприкосновенности. И если еще дозволительны какія-либо сомнѣнія, то, простираясь исключительно на качества источника, они тѣмъ сильнѣе оттѣняютъ историческую объективность Луки. Отсюда и общій выводъ формулируется у проф. Ад. Гарнака такъ: „что касается рѣчи въ Аѳинахъ съ ея прелюдіей въ XIV, 15 слл., то, — если критика когда-нибудь снова найдетъ глазомѣръ и вкусъ, — никто больше не станетъ отвергать, что здѣсь геніальность въ подборѣ мыслей столь же велика, сколько и историческая вѣрность, хотя бы она въ немногихъ словахъ обобщала то, что Павелъ, вѣроятно, предлагалъ язычникамъ въ основоположительныхъ миссіонерскихъ проповѣдяхъ“ [2]).

3) Рѣчь св. Апостола Павла въ Милетѣ къ Ефесскимъ пресвитерамъ (Дѣян. XX, 18—35), будучи весьма знаменательною по обстановкѣ и по случаю произнесенія, должна была твердо запечатлѣться въ душѣ присутствовавшаго тамъ Луки и имѣетъ всѣ данныя въ пользу своей исторической подлинности [3]), будучи обобщеніемъ подлинныхъ

---

[1]) Cp. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 102.

[2]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 110.

[3]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 409: „Die Rede zu Milet ist somit höchst wahrscheinlich eine authentische Rede, soweit von der Authentie kurzer Referate die Rede sein kann“.

словъ Павловыхъ [1]). Къ этому заключенію принудительно наклоняетъ сильное созвучіе ея съ Павловыми посланіями, почему она иногда (Schulze въ „Studien und Kritiken“ 1900. S. 120) считается прямо скомпилированною изъ 1 Өесс., какъ другіе (напр., W. Soltau въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ 1903, S. 123 — 154) примѣняютъ это наблюденіе въ подрывъ достовѣрности всѣхъ Павловыхъ рѣчей въ книгѣ Дѣяній. Но это есть уже одностороннее и тенденціозное толкованіе, а безспоренъ собственно фактъ частыхъ и характерныхъ совпаденій.

a) Дѣян. XX, 19: „...работая Господу (δουλεύων τῷ Κυρίῳ) со всякимъ смиренномудріемъ и многими слезами“.

Ср.

Рим. I, 1: „Павелъ — рабъ (δοῦλος) Iисуса Христа“.

1 Кор. II, 3: „и былъ я у васъ въ немощи и въ страхѣ и въ великомъ трепетѣ“.

2 Кор. X, 1: „я же лично между вами скроменъ“.

b) Дѣян. XX, 20: „я не пропустилъ ничего полезнаго, о чемъ вамъ не проповѣдывалъ бы“.

Ср.

1 Кор. X, 33: „и я угождаю всѣмъ во всемъ, ища не своей пользы, но пользы многихъ“.

c) Дѣян. XX, 24: „...развѣ еже скончати теченіе мое (τὸν δρόμον μου) съ радостію“.

Ср.

Гал. II, 2: „да не како вотще теку, или текохъ“ (τι ἔχω ἢ ἔδραμον).

d) Дѣян. XX, 32: „и нынѣ предаю васъ Богу, могущему дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными“.

Ср.

Кол. I, 12: „благодаря Бога и Отца, призвавшаго насъ къ участію въ наслѣдіи святыхъ во свѣтѣ“.

e) Дѣян, XX, 33 — 34: „Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи“.

Ср.

1 Өесс. II, 9: „вы помните, братія, трудъ нашъ и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого изъ васъ, мы проповѣдывали“.

---

[1]) Prof. James Moffatt, An Introduction. p. 305: „of the later speeches, that at Miletus is probabby nearest to a summary of the original words of Paul“.

1 Кор. IV, 12: „и трудимся, работая своими руками“.

2 Кор. XI, 9: „... да и во всемъ я старался и постараюсь не быть вамъ въ тягость“.

f) Дѣян. XX, 35: „такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ“.

Ср.

Рим. XV, 1: „мы, сильные, должны сносить немощи безсильныхъ“.

Этими сопоставленіями вполнѣ подтверждается давно извѣстная истина, что „никакой другой отрывокъ въ книгѣ Дѣяній не соприкасается съ Павловыми посланіями ближе, чѣмъ именно эта (Милетская) рѣчь“, при чемъ важно, что „и самыя темы ея не встрѣчаются больше во всей книгѣ“ [1]) и, слѣдовательно, являются дѣйствительно вызванными описанными историческими условіями, къ которымъ точно подходятъ.

Приведенныя параллели, склоняющія въ пользу Милетской рѣчи, находятъ подкрѣпленіе и въ нѣкоторыхъ ея особенностяхъ. Къ нимъ относится, напр., не вполнѣ выдержанная обработка ея, неестественная въ литературной компиляціи, и совершенно понятная въ устномъ изложеніи: такъ, на стихѣ 32-мъ все развитіе, достигнувъ логическаго завершенія, должно бы прерваться, между тѣмъ дальше слѣдуютъ еще мелкія указанія. Возражаютъ, что стихъ 28-й постулируетъ къ епископальному устройству въ формѣ неизвѣстной св. Павлу, но этотъ предметъ — крайне темный и не можетъ служить рѣшительнымъ аргуметномъ въ какую либо сторону уже потому, что въ данномъ пунктѣ никакого противорѣчія съ апостольскими воззрѣніями не усматривается и не отыскивается. А затруднительность въ стихѣ 28-мъ сочетанія, по которому искупительная кровь провозглашается Божіей, хотя разумѣется Христова, скорѣе говоритъ о пунктуальности воспроизведенія, ибо фальсификаторъ не допустилъ бы подобной неловкости. Едва ли серьезна ссылка и на стихъ 29-й, поскольку Апостолъ Павелъ по опытамъ своей жизни долженъ былъ предвидѣть опасности для своихъ общинъ отъ проникавшихъ туда лютыхъ волковъ, о чемъ слишкомъ мучительно свидѣтельствовали, напр., Коринѳъ и Галатія. Самый языкъ носитъ чисто Павлинистическую типичность, ибо мы имѣемъ спеціально Павловы реченія πλὴν ὅτι, καὶ νῦν ἰδού, δεσμὰ καὶ θλίψεις, νουθετεῖν, или характерно Павлинистическія, но чуждыя Лукѣ: μὴ φείδεσθαι, ταπεινοφροσύνη, ὑποστέλλεσθαι, νύκτα καὶ ἡμέραν, τὸ συμφέρον Глаголъ περιποιεῖσθαι свойственъ Павлу

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 109 u. Anm. 1.

(1 Тим. III, 13) и Лукѣ (Еванг. XVII, 33), однако употребляется у нихъ въ разныхъ смыслахъ, а въ Милетской рѣчи (Дѣян. XX, 28) имѣетъ строго Павлинистическое примѣненіе.

4) Рѣчь предъ прокураторомъ Феликсомъ (Дѣян. XXIV, 10—21) служитъ образцомъ судебно-юридической апологіи и съ этой стороны является единственною въ своемъ родѣ, драгоцѣннѣйшею для насъ и потому, что даетъ намъ нѣкоторое понятіе о защитѣ Апостола въ Римѣ предъ судомъ Кесаря, а въ посланіяхъ св. Павлу не приходилось становиться на такую юридическую точку зрѣнія. Посему ее можно оцѣнивать лишь по внутреннимъ признакамъ. Здѣсь прежде всего примѣчательно строгое соотвѣтствіе содержанія съ цѣлію и положеніемъ вещей. Предъ языческимъ правителемъ, формально смотрѣвшимъ на все „дѣло Павлово", было совсѣмъ безполезно дебатировать догматическіе вопросы, но требовалось только доказать отсутствіе „состава преступленія" въ гражданско-юридическомъ государственномъ смыслѣ. Къ этому именно и направляется вся аргументація, которою Апостолъ старается убѣдить, что онъ совершенно неповиненъ въ происшедшихъ безпорядкахъ, къ чему не имѣлось повода у фарисеевъ и догматически, ибо ораторъ былъ и остается солидаренъ съ ними касательно воскресенія мертвыхъ. Во всемъ этомъ получается впечатлѣніе непосредственнаго воспроизведенія, которое обезпечивается и (вѣроятною) наличностію Луки при данной рѣчи. Достаточное искусство юридическаго построенія согласно съ извѣстнымъ намъ образомъ Павла — миссіонера, умѣвшаго прекрасно приспособляться ко всякой обстановкѣ (ср., напр., 1 Кор. IX, 18 слл.) и здѣсь — въ качествѣ римскаго гражданина предъ римскимъ сановникомъ-судіею — удачно и умѣстно пользующагося пріемомъ captatio benevolentiae, но послѣднее не было простою лицемѣрною ловкостію льстиваго говоруна, а миссіонерски мудрымъ и фактически обоснованнымъ склоненіемъ слушателей въ пользу великихъ и спасительныхъ истинъ: это вѣрно для рѣчей настоящей, Аѳинской (Дѣян. XVII, 22), предъ синедріономъ (XXIII, 6) и предъ Феликсомъ (XXIV, 10) [1]). И едва ли пріемлемо для чистой науки и убѣдительно для кого-либо голое предположеніе, что анализируемую рѣчь скорѣе могъ составить Лука, когда мы видимъ, что она вполнѣ натуральна и въ устахъ св. Павла. И если эксплуатируютъ (Prof. H. H. Wendt), что недостойно Апостола выдвигать единственный пунктъ сходства своего съ фарисеями, умалчивая о множествѣ различій, то какъ же иначе онъ и могъ дѣйствовать въ инте-

---

[1]) См. и Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 181; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 58, 60—62.

ресахъ созданія благопріятной атмосферы для обсужденія? А о принципіальныхъ разногласіяхъ фарисеи хорошо были освѣдомлены и св. Павелъ нимало не скрывалъ этого предъ ними, теперь же (Дѣян. XXIV, 21) просто примѣняетъ бывшій случай при разсмотрѣніи въ синедріонѣ даннаго дѣла (XXIII. 6 сл.), въ которомъ доктрина воскресенія мертвыхъ вообще привлекала большое вниманіе (XXIV, 15). Заявленіе о приходѣ Павловомъ въ Іерусалимъ для доставленія милостыни народу своему оспариваютъ тенденціозно, поскольку это вѣроятно и фактически и по исторической важности. Идея всеобщаго воскресенія — праведныхъ и неправедныхъ — напрасно считается непавлинистическою, и потому на нее нельзя съ неотразимостію опираться въ полемикѣ противъ подлинности обозрѣваемой рѣчи. Если въ литературной шлифовкѣ и усматриваютъ слѣды Лукиной ретуширующей руки, то нельзя все же забывать несвойственныхъ для нея, но характеристичныхъ для Павла реченій ἀπρόσκοπος, συνεδη σις, δι' τῶν при вѣроятности для него ἅπαξ λεγομένων въ родѣ εὐθύμως и ἀσκεῖν.

5-6). Рѣчи въ Іерусалимѣ при арестѣ (Дѣян. XXII, 1—21) и въ Кесаріи предъ Агриппой (Дѣян. XXVI, 2—29) имѣютъ много общаго, и это оправдывается общностію положенія Павла, который въ обоихъ случаяхъ говорилъ предъ іудейскою аудиторіей и долженъ былъ аппелировать къ іудейскому религіозному сознанію. Не менѣе естественно и законно, что въ этихъ рѣчахъ преобладаютъ автобіографическія детали. Апостолъ стоялъ предъ лицемъ непосредственной опасности, когда требовалось только устранить роковой взрывъ и было бы совсѣмъ не кстати входить въ отвлеченныя догматическія словопренія. Нужно было просто успокоить взволнованныя страсти и воспаленныя предубѣжденія оскорбленнаго религіознаго чувства, а для сего важно было лишь доказать, что онъ — не измѣнникъ, не предатель и не богохульникъ. Разумѣется, тутъ ссылки на очевидные для всѣхъ факты жизни были самыми умѣстными и убѣдительными. Правда, предъ Агриппою II-мъ св. Павелъ касается мессіанскихъ чаяній и доктрины воскресенія мертвыхъ, но столь коренныя истины вѣры, конечно, не чужды были уму этого развращеннаго царя и напоминаніе о нихъ могло служить къ пробужденію его національно-религіозной совѣсти въ пользу обвиняемаго носителя національныхъ еврейскихъ идеаловъ. Съ этихъ сторонъ все въ обѣихъ рѣчахъ натурально.

Вѣрное въ общемъ, — это сужденіе однако подвергается большимъ подозрѣніемъ въ частностяхъ, ибо въ фактическихъ сообщеніяхъ встрѣчается немало дисгармоній въ самой книгѣ Дѣяній и въ посланіяхъ Павловыхъ. Это имѣемъ по отношенію къ важнѣйшимъ моментамъ исторіи Павла — о его обращеніи (Дѣян XXII, 6. XXVI, 12 и ср. IX,

3; 1 Кор. XV, 8) и о порученіи ему благовѣствованія въ языческомъ мірѣ (Дѣян. XXII, 14. XXVI, 15 и ср. IX, 13; Гал. I, 11, 15). Безспорно, что по этимъ пунктамъ есть нѣкоторые диссонансы, но неужели ихъ совсѣмъ не замѣчалъ Дѣеписатель? А если, „да“, то зачѣмъ ему было „сочинять“ три, даже четыре (включая Римскую въ главѣ XXVIII-й) рѣчи и самому вносить въ нихъ завѣдомыя несогласованности? Не вѣрнѣе ли научно принять, что онъ имѣлъ надежные, авторитетные и обязательные для него источники, которые и воспроизводитъ съ полною объективностію [1])? Засимъ несомнѣнно и то, что разумѣемыя несоотвѣтствія вовсе не столь существенны въ разсматриваемомъ вопросѣ. Характерно уже то, что дисгармонія съ самосвидѣтельствами Павловыми весьма слабая и потому ничуть не исключаетъ подлинности анализируемыхъ рѣчей. Наоборотъ, гораздо больше расхожденій съ другими указаніями самой книги Дѣяній, но это скорѣе говоритъ о добросовѣстности Луки, неприкосновенно цитирующаго свои источники безъ искусственнаго взаимнаго приспособленія ихъ. При извѣстномъ литературномъ мастерствѣ, ему, конечно, легко было избѣжать всякихъ контрастовъ между собственными композиціями. И нельзя здѣсь ссылаться на его эллинистическую невнимательность къ реалистическимъ деталямъ, ибо вопросъ шелъ о наиважнѣйшихъ фактахъ, съ которыми Лука связываетъ всѣ свои построенія до того, что послѣднія на нихъ держаться и съ ними падаютъ. Тутъ авторская небрежность прямо немыслима, а точность тѣмъ болѣе допустима, что несогласованность усматривается нами лишь потому, что самыя событія недоступны намъ въ подробностяхъ, которыя могли вполнѣ примиряться realiter. Вообще, содержаніе не представляется невѣроятнымъ въ устахъ Павла, а древне-греческая пословица „жестоко ти есть противу рожна прати“ (Дѣян. XXVI, 14), употребляемая у Эсхила (Agam. 1624) и Пиндара (Pyth II, 173) съ небольшими измѣненіями, для него не менѣе правдоподобна, чѣмъ присловіе „нѣсть во углѣ сотворено сіе“ (XXVI, 26), поскольку они были распространенными и могли ходить въ Палестинѣ поарамейски.

Въ языкѣ обѣихъ рѣчей находятся особенности, которыя объясняются ихъ свойствами. Апологія предъ іудеями есть переводъ съ „еврейскаго“ и потому удерживаетъ арамаизмы въ XXII, 19—20 и, вѣроятно, въ XXII, 16. Естественно, что этотъ переводъ принадлежитъ Лукѣ и отражаетъ его языковыя качества (а не Павлинистическія) — σύνειμι, εὐλαβής, ἐξαίφνης (еще у Мрк. XIII, 35), αὐτῇ τῇ ὥρα ἐπιστάς. Вопреки сему въ рѣчи предъ Агриппой при 8 явно

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 110.

Луканистическихъ реченіяхъ встрѣчается не менѣе 12-ти, которыя свойственны лишь Павлу, а не Лукѣ. Въ двухъ терминахъ, общихъ обоимъ, сохраняется исключительно Павлинистическій смыслъ: ἡγεῖσθαι=почитать себя (XXVI, 3) — 11 разъ (кромѣ Евр) въ такомъ значеніи у Апостола языковъ (2 Кор. IX, 5. Филипп. II, 3, 6, 25. III, 7, 8[2]. 1 Өесс. V, 13. 2 Өесс. III, 15. 1 Тим. I, 12. VI, 1) и ни однажды у Луки; καταντᾶν метафорически (XXVI, 7) лишь у перваго (1 Кор. X, 11. XIV, 35. Еф. IV, 13. Филипп. III, 11), между тѣмъ у второго всегда буквально (Дѣян. XVI 11. XVIII, 19, 24. XX, 15. XXI, 7. XXV, 13. XXVII, 12. XXVIII, 13). Употребляется (XXVI, 4) аттическая форма ἴσασιν (—вмѣсто οἴδασιν —), но она примѣняется именно у эллинскаго благовѣстника въ Ефес. V, 5.

Обзоръ Павловыхъ рѣчей въ книгѣ Дѣяній даетъ благопріятный результатъ въ пользу возможной исторической точности Луки. Это заключеніе подтверждаютъ и

## II) рѣчи Апостола Петра.

Относительно ихъ [1]) высказывается то общее убѣжденіе, что онѣ слишкомъ сглаживаютъ и смягчаютъ характерную типичность образа Петрова и приближаютъ его къ столь же стилизованному портрету эллинскаго благовѣстника, а это свидѣтельствуетъ объ активномъ творческомъ участіи примирительныхъ тенденцій, которыя принадлежатъ позднѣйшему періоду созидачія „каѳолической церкви“. Понятно, что вмѣстѣ съ послѣдними и соотвѣтственныя рѣчи Петровы переносятся изъ апостольской эпохи и оказываются совсѣмъ измышленными, или совершенно извращенными при литературной обработкѣ ихъ въ компиляціи книги Дѣяній.

Это принципіальное сужденіе далеко не столь категорически подтверждается частными замѣчаніями и постоянно требуетъ экзегетическихъ натяжекъ и текстуальныхъ насилій. Значитъ, въ самой основѣ тутъ есть нѣчто искуственное, которое легко разоблачается самыми простыми сообра-

---

[1]) См. у проф. Ө. И. Мищенко, Рѣчи св. Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, Кіевъ **1907**, и ср. объ этой диссертаціи въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ **1911** г., №№ 1, 2, 4, 5, 7—8, стр. **364—379**, **754—771**, **221—239**, **467—492** „критическія замѣчанія“ проф. М. Д. Муретова, а равно его же Древне-еврейскія молитвы подъ именемъ Апостола Петра съ приложеніями о литературныхъ особенностяхъ твореній Ап. Петра и о значеніи термина „καθολικός“, Св. Тр. Сергіева Лавра **1905**.

женіями. Для устойчивости формулированнаго заключенія необходимо, чтобы оно оправдывало себя во всѣхъ своихъ предпосылкахъ и успѣшно достигало своей научной цѣли. Но мы видѣли, что рѣчи св. Павла чужды всякой нереальности и — напротивъ — отличаются достаточною историческою подлинностію. Въ такомъ случаѣ по параллелизму съ ними должны быть признаны не менѣе автентичными и рѣчи Петровы, ибо тѣ и другія будутъ одинаково соотвѣтствующими запросамъ и настроеніямъ вѣка Павлова, т. е. апостольскаго, когда жили и дѣйствовали оба эти великіе благовѣстники. Въ этомъ убѣждаютъ и безспорныя фактическія аналогіи. Въ древне-христіанскихъ литературныхъ памятникахъ мы имѣемъ немало фальсификацій предполагаемаго критиками свойства, и всѣ они проникнуты духомъ рѣшительной прямолинейности, не допускающей ирінической постепенности и идейныхъ компромиссовъ. Ограничимся ссылкою на близкія къ нашей темѣ „Климентины", гдѣ Апостолъ Петръ рисуется съ нѣкоторыми Павлинистическими налетами, но за то отъ св. Павла, какъ таковаго, не остается ничего индивидуальнаго кромѣ еретическаго злочестія. Тамъ одинъ вытѣсняетъ и поглощаетъ другого, а въ Дѣяніяхъ находимъ совсѣмъ иное, что „Лука не предпочитаетъ ни котораго изъ нихъ" [1]) и, слѣдовательно, чуждъ самомалѣйшихъ интересовъ намѣренной аккомодаціи между ними, какъ и сама критика постоянно трубитъ о рѣзкомъ различіи Петринистическихъ и Павлинистическихъ стихій у Дѣеписателя. Очевидно, во взаимномъ прилаживаніи не было надобности, поскольку именно таковы были подлинные историческіе факты, вполнѣ объяснявшіе себя и поддерживавшіе. Въ этомъ пунктѣ критическая реконструкція терпитъ самое жестокое внутреннее пораженіе. По своимъ задачамъ она стремится къ просвѣтленію исторической примрачности, которая создается скудостію документальныхъ свидѣтельствъ. Отъ нея обязательно требовалось по самой цѣли, чтобы критика устранила наличную туманность и по возможности восполнила существующую недостаточность, а въ замѣнъ этого предлагается безжалостно пожертвовать драгоцѣнными матеріалами въ видѣ Петровыхъ посланій, которыя отвергаются въ качествѣ неподлинныхъ. Получается ли что-либо особо полезное для вѣры и знанія послѣ такого героическаго самоотреченія? Вѣдь тогда мы остаемся безъ всякихъ почти источниковъ, а всѣмъ извѣстно, что въ безвоздушной пустотѣ свѣтъ не свѣтитъ и ничего не освѣщаетъ... Тоже неизбѣжно и въ историческомъ познаніи, для обезпеченія котораго мы должны взять всю

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 6.

совокупность дошедшихъ матеріаловъ въ книгѣ Дѣяній и въ Петровыхъ посланіяхъ, не насилуя ихъ заранѣе теоретическими предубѣжденіями.

Взглянемъ теперь на сохранившіяся „рѣчи" Апостола Петра (Дѣян. I, 15 — 26. II, 14 — 36, 38 — 40. III, 4 — 6, 12 — 26. IV, 8 — 12, 19, 20; 24 — 30. V, 3 — 9. V, 29 — 32. VIII, 20 — 23. IX, 34; 40; X, 26 — XI, 18. XV, 7 — 11) при этихъ предположеніяхъкоторыя ограждаются имѣющимися документальными данными и должны быть провѣрены вытекающими примѣненіями. А они въ существѣ своемъ таковы.

Детальный анализъ наглядно показываетъ, что по своему спеціальному содержанію Дѣеписательскія рѣчи Апостола Петра строго совпадаютъ съ его посланіями [1]) и могутъ служить къ огражденію или провалу послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ взаимоотношеніе таково, что подозрѣнія противъ посланій нельзя прямо переносить на рѣчи, а признаніе ихъ вполнѣ законно и справедливо распространять на первыя, потому что апостольскія рѣчи сообщаются во всей ихъ доскональной исторической обстановкѣ и — слѣдовательно — допускаютъ конкретную провѣрку своей подлинности.

Тщательное сличеніе съ изображаемыми Дѣеписателемъ условіями наглядно убѣждаетъ, что рѣчи Петровы точно отвѣчаютъ имъ по содержанію и тону, а — значитъ — и не должны возбуждать объективныхъ сомнѣній въ своей историчности. Иначе мы вынуждены будемъ отбросить и историческую часть Дѣяній и тѣмъ самымъ совершить научное самоистребленіе ради школьныхъ теоретичеткихъ фантасмагорій.

Можно ли понять и оправдать подобный сокрушительный разгромъ въ полученномъ по законному наслѣдству богатомъ достояніи? Пожалуй, зто было бы нѣсколько извинительно, еслибы послѣднее оказалось фальшивымъ и фиктивнымъ, ложно присвоившимъ неподобающую цѣнность. Въ этомъ смыслѣ и говорятъ, что Дѣеписатель даетъ искуственно поддѣланный образъ Петра, какъ іудаиста, но

---

[1]) См. Ѳ. И, Мищенко, стр. 349: „Мы видимъ между рѣчами Ап. Петра въ Дѣяніяхъ и посланіями его удивительное совпаденіе въ основныхъ пунктахъ и духѣ ученія. Какъ въ рѣчахъ Дѣяній, такъ и въ посланіяхъ вѣетъ одинъ духъ, господствуетъ одно направленіе. Читая рѣчи, мы находимъ въ сущности тѣ же воззрѣнія, что и въ посланіяхъ. Одно только можно дать естественное объясненіе такого поразительнаго сходства въ ученіи — это то, что авторъ посланій долженъ былъ произнести и тѣ рѣчи, которыя изложены въ Дѣяніяхъ. На нашъ взглядъ внутреннее содержаніе рѣчей даетъ убѣдительное даказательство принадлежности ихъ по содержанію Ап. Петру".

стилизованнаго по типу Павла, которому онъ былъ идейно противоположенъ и практически враждебенъ. Но что̀ мы должны съ необходимостію ожидать отъ Петра исторически? Онъ былъ еврей по роду и іудей по воззрѣніямъ, а принятіе имъ христіанства совершилось безъ тяжелыхъ катастрофъ, предварявшихъ обращеніе Савла. Справедливо заключать отсюда, что Петръ усмотрѣлъ во Христѣ совершенную реализацію ветхозавѣтныхъ іудейскихъ чаяній и потому Господа Спасителя почиталъ окончательнымъ ихъ истолкователемъ, обязательнымъ для всего Израиля по искупительному достоинству и по догматическому авторитету. Для него вполнѣ натуральна апостольская миссія благовѣстника у обрѣзанія, а въ этой миссіи не было ли самымъ естественнымъ, что проповѣдникъ будетъ отправляться отъ священныхъ іудейскихъ традицій и разъяснять ихъ въ духѣ христіанства, какъ божественнаго завершенія всего спасительнаго промышленія? Съ этими нормами безусловно гармонируютъ всѣ Дѣеписательскія рѣчи Петра, являясь исторически совершенно умѣстными въ его устахъ. Нѣтъ ни малѣйшихъ уклоненій въ принципіальномъ отношеніи ради крайняго павлинизма, изобрѣтеннаго и защищаемаго критическою тенденціозностію. Всѣ подобные случаи освѣщаются невѣрно и пристрастно. Если самъ Христосъ и Евангеліе — эссенціально божественны, то Его лицо и дѣло тоже божественны и не могутъ быть скованы временными приспособительными рамками. Искупленіе и благовѣстіе — универсальны и безусловно требуютъ соподчиненія прежнихъ аккомодативныхъ методовъ, санкціонированныхъ, но преходящихъ и практически приспособленныхъ къ опредѣленной національной средѣ. И развѣ рѣчи Петровы не подтверждаютъ этого или даютъ нѣчто бо́льшее и непріемлемое идейно? Не скорѣе ли нужно сказать совсѣмъ обратное по документальнымъ свидѣтельствамъ? Въ нихъ весьма замѣчательно, что Петръ мотивируетъ допущеніе язычниковъ въ Церковь Христову фактическими знаменіями благодатнаго призванія и по причинѣ ихъ считаетъ традиціонныя ограниченія такими, которыя теперь не могутъ препятствовать велѣніямъ божественнаго Духа (Дѣян. X, 47. XI, 17). Эту позицію фактическаго оправданія для универсальнаго примѣненія благовѣстія Христова св. Петръ рѣшительно держалъ и на Апостольскомъ соборѣ (Дѣян. XV, 7 сл.), выражая свое исконное и принципіальное воззрѣніе, что Евангеліе въ силу божественности своей необъятно по предназначенію, но реально расширяется по прямымъ указаніямъ свыше. Есть ли это специфическій „павлинизмъ“, или обязательный „евангелизмъ“, неотразимый для всякаго при сознательномъ восприятіи вѣры Христовой? И противорѣчатъ ли сему хоть сколько-нибудь данныя Павловыхъ посланій? Въ отчетѣ о

наиболѣе яркомъ эпизодѣ Антіохійскаго столкновенія св. Павелъ раскрываетъ всецѣлое единство съ Петромъ въ принципіальномъ исповѣданіи абсолютнаго господства спасительной вѣры, но рѣшительно отмѣчаетъ, что его великій собратъ не сдѣлалъ сразу и фактически не дѣлалъ всѣхъ практическихъ выводовъ, сообразуя ихъ съ повелительнымъ голосомъ миссіонерскаго опыта (Гал. II, 14 сл.). Не таковы ли по своей идейной сторонѣ и всѣ рѣчи Петровы въ книгѣ Дѣяній и не ограждается ли ихъ историческая реальность живымъ голосомъ Апостола Павла?

Дальше возможенъ разговоръ лишь о литературной обработкѣ. А въ этомъ отношеніи безспорна Петринистическая оригинальность при несомнѣнной Луканистической типичности [1]), но это сочетаніе наиболѣе вѣроятно исторически, ибо св. Петръ говорилъ, конечно, поарамейски, а Лука хорошо зналъ этотъ языкъ и умѣлъ переводить на греческій удачно[2]), т. е. своимъ стилемъ, но съ сохраненіемъ отличительныхъ особенностей оригинала.

Внимательное разсмотрѣніе убѣждаетъ въ исторической подлинности рѣчей Петровыхъ и въ точности воспроизведенія ихъ Дѣеписателемъ[3]). Тоже заключеніе оправдываетъ и

## III) рѣчь архидіакона Стефана [4]).

О ней говорится, что она была предвосхищеніемъ и первоисточникомъ павлинизма и потому фактически невозможна въ столь раннюю первохристіанскую пору, или исторически нереальна и литературно измышлена. При такой формулировкѣ все рѣшеніе вопроса сводится къ выясненію дѣйствительнаго соотношенія проповѣди Стефановой съ начертанною Дѣеписателемъ перспективой. Существуетъ ли между ними взаимно гарантирующая симфонія, или односторонне уничтожающій диссонансъ?

---

[1]) См. Ѳ. И. Мищенко, стр. 350. „Въ изложеніи рѣчей, съ одной стороны, выступаютъ особенности, чуждыя оригинальному стилю Дѣеписателя, и большею частію отвѣчающія характеру Ап. Петра и иногда прямо повторяющіяся въ его писаніяхъ. Съ другой — чрезъ всѣ рѣчи *въ равной мѣрѣ проходятъ* обороты и выраженія, несомнѣнно принадлежащія перу св. Луки".

[2]) См. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84,[1].

[3]) См. Ѳ. И. Мищенко, стр. 353—354.

[4]) Спеціально о ней см. трактатъ К. В. Орлова, Рѣчь св. Первомученника Стефана: ея общій характеръ, задача и содержаніе въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" 1900 г., №№ 9 и 10, стр. 1—27, 167—188. Ср. еще у проф. о. Д. И. Богдашевскаго (архіеп. Василія), Опыты по изученію Свящ. Писанія Н. З., вып. II, стр. 15—16.

Содержаніе Стефановой рѣчи (Дѣян. VII, 2 — 53) излагается въ слѣдующемъ резюме [1]): „Богъ изначала сообщилъ исторіи Израиля развитіе, которое вело къ осуществленію данныхъ Аврааму обѣтованій такимъ, именно, образомъ, какъ это осуществилось чрезъ Іисуса Назарянина, и которое закончится упраздненіемъ храмового культа и измѣненіемъ закона Моисеева, но Израиль... свое постоянное и упорное противленіе Духу Святому выразилъ отверженіемъ Христа. Однако, какъ раньше Богъ, не смотря на противленіе Израиля, всегда осуществлялъ въ его исторіи свою волю, такъ и теперь Іисусъ Христосъ исполнитъ все, что пришелъ совершить для спасенія человѣка, и невѣрующій Израиль, подобно своимъ отцамъ, за непослушаніе Богу и Христу подлежитъ отверженію, но уже — полному такъ какъ во Христѣ—исполненіе всѣхъ обѣтованій Божіихъ Израилю" [1]).

Значитъ, основными пунктами проповѣди Стефана служили тѣ положенія, что 1) христіанство было увѣнчаніемъ закона, заканчивающимъ и поглощающимъ его, а потому 2) принятіе христіанства легалистически обязательно и мессіански спасительно, отверженіе же номистически грѣховно и индивидуалистически гибельно.

При какихъ условіяхъ и по какому поводу развивались эти мысли?

Стефанъ былъ въ тогдашнемъ Іерусалимѣ наиболѣе вдохновенный и энергичный благовѣстникъ словомъ и дѣломъ пламеннаго активнаго темперамента съ большимъ наступательнымъ характеромъ въ отношеніи своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Естественно, что эта нападательная стремительность приводитъ къ неизбѣжнымъ столкновеніямъ и жаркимъ спорамъ, а ея сокрушительность побудила противниковъ ликвидировать грозу въ самомъ корнѣ и навсегда. Стефанъ былъ арестованъ и преданъ суду по обвиненію въ богохульствѣ.

Въ этомъ ему и предстояло теперь защищаться, но былъ ли реально этотъ юридически вмѣняемый фактъ? Св. Стефанъ нигдѣ не отрицаетъ его категорически, почему необходимо предполагается неправильное перетолкованіе рѣчей Стефановыхъ противъ закона и культа, поскольку тутъ усматривалось хула на Бога (Дѣян. VI, 11). Отсюда ясно, что Стефанъ отвергалъ номизмъ въ его исторіи и богопочтеніи не безусловно, но лишь въ качествѣ божественнаго и потому вѣчнаго учрежденія въ спасительномъ промышленіи Божіемъ. Однако подобныя мысли, будучи для іудеевъ равно отвратительными въ устахъ язычниковъ, не были со стороны ихъ богохульными и становились таковы-

---

[1]) См. К. В. Орловъ, стр. 188.

ми лишь у номистовъ, дѣлавшихся чрезъ это ренегатами и измѣнниками. Для совершеннаго оправданія въ своей совѣсти предъ судьями Стефану нужно было доказать, что онъ не отступникъ и не предатель закона, а это возможно было лишь при томъ единственномъ условіи, что онъ строго *подчиняется послѣднему и въ своей противоіудейской* христіанской полемикѣ. Потребности личной апологіи необходимо обращали оратора къ объективному освѣщенію номизма въ историческомъ озареніи.

Значитъ, историко фактическая постановка защиты вызывалась конкретнымъ положеніемъ дѣла и вполнѣ вѣроятна. Въ самой рѣчи требовалось обосновать, что переходъ въ христіанство и христіанское комментированіе законничества ничуть не были богохульными по существу. Для сего обязательно было раскрыть, что номизмъ всецѣло находится на сторонѣ обвиняемаго, а потому осуждаетъ самихъ обвинителей. Поскольку же онъ—христіанинъ, этимъ утверждается съ неизбѣжностію, что законъ по своей природѣ, цѣли и дѣйствію въ исторіи былъ мессіанскимъ и завершается христіанскимъ исполненіемъ, въ которомъ и растворяется совершенно со всѣми своими спеціальными институтами. Тутъ христіанское обращеніе необходимо въ силу самаго законничества и доставляетъ всѣ его спасительныя блага, благодатно почерпаемыя лишь въ христіанствѣ. По прямой пропорціональности, противленіе послѣднему будетъ не случайнымъ актомъ, создавшимся недоразумѣніями насчетъ дѣла Христова и проповѣдію апостольской, а является неизбѣжнымъ итогомъ непониманія самой души номизма съ соотвѣтственнымъ нарушеніемъ его во всей исторіи, которая разрѣшается безбожнымъ и непоправимымъ убійствомъ предвозвѣщеннаго Праведника, Христа-Спасителя. Категорическій выводъ теперь тотъ, что Стефанъ легалистически правъ своимъ христіанствомъ, а его враги номистически преступны и легально неизвинительны въ своемъ буйномъ антихристіанскомъ упорствѣ.

Задача рѣчи оказывается достигнутой: — Стефанъ принципіально и фактически доказалъ свою номистическую правоту, обязательную и для всѣхъ слушателей. Можно сказать, что для интересовъ индивидуальной апологетики вся трактація представляется слишкомъ длинной, между тѣмъ легко было закончить все короче, энергичнѣе и безъ напраснаго раздраженія аудиторіи рѣзко обличительными пассажами. Но не надо забывать, что Стефанъ выступалъ въ качествѣ христіанскаго благовѣстника, защищающаго не столько свое лицо, сколько пропагандируемое имъ дѣло, а послѣднее — по его пререкаемости для іудеевъ (Дѣян. VI, 9) — требовало убѣждающаго номистическаго оправданія, которое — въ силу самой противоположности сталкиваю-

щихся взглядовъ — необходимо получало укоризненную формулировку.

Посему мы должны согласиться, что рѣчь Стефана, являясь вполнѣ оригинальною [1]), предполагаетъ спеціальный источникъ [2]) и персонально и принципіально вполнѣ обезпечивается въ своей исторической реальности всею фактическою обстановкой. Тугъ, отверженіе первой неминуемо повлечетъ и отрицаніе второй. Но ... „чесо ради гибель сія“? Для спасенія разумной постепенности и прагматической связности христіанскаго развитія въ апостольскую эпоху? А нарушается эта закономѣрность яко бы тѣмъ, что рѣчь Стефана проникнута позднѣйшимъ павлинизмомъ, невозможнымъ въ указываемое для нея время. Однако все въ этомъ смыслѣ ограничивается проповѣдію, что Евангеліе завершаетъ собою законъ и христіанство нормально смѣняетъ номизмъ, будучи божественно неограниченнымъ его исполненіемъ. Но развѣ это было послѣдующимъ пріобрѣтеніемъ теоретической мысли Павловой и не служитъ эссенціальнымъ выраженіемъ самого христіанскаго факта? И развѣ всякій сознательный обращенецъ изъ іудейства не понималъ этого въ силу самаго христіанскаго исповѣданія, какъ божественно легализованнаго и универсальнаго? Въ такомъ случаѣ устраненіе фактическихъ выводовъ не потребуетъ ли кассированія историческихъ христіанскихъ явленій? Нѣчто подобное и принимаютъ нѣкоторые со всею тенденціозною дерзостію, отрицая бытіе и Христа и Апостоловъ — со включеніемъ Павла, но что же это за наука, которая — вопреки своему смыслу — ничего не созидаетъ, а все разрушаетъ и опустошаетъ, оставляя послѣ себя лишь теоретическіе миражи и субъективные фантомы?

И рѣчь архидіакона Стефана, имѣющая всю историческую вѣроятность, и всѣ другія дидактически — репродуктивныя части книги Дѣяній ничуть не ведутъ къ столь печальнымъ и страшнымъ результатамъ. Безпристрастный анализъ Павлинистическихъ отрывковъ рѣшительно убѣждаетъ проф. Ад. Гарнака, что „изъ свободы, какую усвояли себѣ древніе историки вставлять въ подходящихъ мѣстахъ цѣлыя рѣчи ( — будутъ ли это рефераты о дѣйствительно сказанномъ, или собственныя проекціи — ), Лука сдѣлалъ широкое, но счастливое употребленіе. Какъ въ Евангеліи смѣняются дѣла и слова Христовы (Дѣян. I, 1), такъ точно оба эти элемента должны располагаться и во второй книгѣ. Рѣчи преобладаютъ въ первой и послѣдней четвертяхъ ея, во второй же и третьей пространственно отступаютъ, но

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 109.
[2]) Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 606, 631.

тѣмъ онѣ значительнѣе здѣсь. По нашему воспріятію и, можетъ быть, равно и первыхъ читателей, высшими пунктами являются рѣчи въ 15-й, 17-й и 20-й главахъ; однако начальныя, какъ и рѣчи Христовы, суть истинно основоположительныя, а заключительныя увѣряютъ читателей, что ихъ великій миссіонеръ Павелъ былъ призваннымъ отъ Бога посредникомъ миссіи и великимъ свидѣтелемъ за Христа предъ правителямъ и царями" [1]). А изученіе рѣчей Петровыхъ „утверждаетъ, что Дѣеписатель пишетъ не какъ поэтъ и художникъ, а какъ точный историкъ, и въ формѣ чужихъ словъ даже въ отрывочныхъ фразахъ передаетъ не собственныя мысли, а только то, что дѣйствительно когда-нибудь было сказано упоминаемыми у него лицами" [2]).

Въ концѣ концовъ дидактическая стихія въ Дѣеписательскихъ повѣствованіяхъ оказывается вполнѣ гарантированною въ своей исторической правдивости и литературной подлинности. Но тогда тѣмъ несомнѣннѣе

## фактическая достовѣрность книги Дѣяній.

Писатель ея былъ апостольскій мужъ живыхъ традицій и изображаетъ многое, гдѣ былъ прямымъ участникомъ, двигавшимъ событія и пережившимъ во всѣхъ перепетіяхъ, почему для своей исторіографіи онъ въ значительной степени является и actor и auctor. Въ тоже время св. Лука былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ самыми выдающимися личностями апостольской эпохи и чрезъ нихъ имѣлъ надежный доступъ къ обстоятельному и точному освѣдомленію. Значитъ, его матеріалъ — фактически реальный и исторически безспорный [3]). И это впечатлѣніе возможной достовѣрности столь неотразимо, что категорически рекомендуется „въ отношеніи такого историческаго труда, какъ книга Дѣяній, критическая сдержанность даже для тѣхъ частей, которыя представляютъ нѣчто поразительное", ибо „лучшее познаніе извѣстныхъ источниковъ и открытіе новыхъ изобличило несправедливость поспѣшныхъ сужденій о первохристіанскомъ

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 16.

[2]) Проф. Ѳ. И. Мищенко, Рѣчи св. Апостола Петра въ книгѣ Дѣяній, стр. 305.

[3]) По вопросу объ исторической достовѣрности книги Дѣяній см. и „The Church Quarterly Review" LIII, 105 (October 1901), p. 8 sqq. (противъ Schmiedel'я); LV, 110 (January 1903), p. 388—405 (обзоръ тогдашней новой литературы).

преданіи“ [1]). А если подойти къ Дѣяніямъ съ новѣйшими хронологическими требованіями, то они удовлетворяютъ даже высшимъ притязаніямъ насчетъ хронологическихъ датъ и въ рѣшающихъ пунктахъ, — насколько мы можемъ контролировать ихъ, — оказываются прочными, хотя и прискорбно отсутствіе непрерывности въ хронологической нити [2]). Можно утверждать, что и касательно хронологическихъ неопредѣленностей эта работа является почтеннымъ историческимъ трудомъ, а въ цѣломъ — признаніе достовѣрности данной книги возвышается и детальнымъ изученіемъ хронографическаго метода автора во всемъ, гдѣ онъ говоритъ и гдѣ умалчиваетъ; въ общемъ, это есть подлинно историческое литературное произведеніе [3]), способное выдержать конкурренцію съ аналогичными современниками и, напр., по хронологическимъ указаніямъ Лука иногда болѣе надеженъ, чѣмъ Филонъ [4]). Не нужно забывать и то, что историографическая точность древнихъ писателей была весьма условная, и тутъ сопоставленіе съ ними новозавѣтныхъ авторовъ прекрасно иллюстрируетъ ихъ достоинства. „Если мы, — говоритъ проф. W. M. Ramsay — сравнимъ новозавѣтныя писанія съ наилучшими образцами классической литературы, то будемъ поражены гораздо болѣе многочисленнымъ затрудненіями въ послѣднихъ, чѣмъ въ первыхъ“ (ср. 144) Для конкретной наглядности достаточенъ одинъ красочный примѣръ. Въ 51 году до р. Хр. Цицеронъ путешествовалъ по Малой Азіи, о чемъ имѣется много его писемъ за данное время и за 2—3 дальнѣйшихъ мѣсяца. Не смотря на обиліе и детальность сообщеній и статистическихъ отмѣтокъ, — тамъ масса неясностей, вызывающихъ разногласія и споры при истолкованіи. По O. E. Schmidt'у, 126 миль (не менѣе 155 километровъ) отъ Филомемія до Иконіи Цицеронъ совершилъ въ три дня т. е. по 42 мили (около 52 километровъ) ежедневно, но для человѣка сидячей городской жизни въ 55 лѣтъ это невѣроятно, почему и самъ Schmidt считаетъ обычный дневной переходъ Цицерона въ 30 миль, а W. M. Ramsay понижаетъ до 25 ти. Однажды Цицеронъ говоритъ, что на своемъ пути онъ останавливался 2 дня въ Лаодикіи, 5 — въ Апамі , 3 — въ Синнадѣ, 3 — въ Филомелiѣ (epist. ad Atticum V, 20), въ другомъ мѣстѣ называетъ цифры 2, 4, 3, 3 (ep. ad Fam. XV, 4), въ третьемъ — 3, 3, 3 (ep. ad Att. V, 16): — и такія разнорѣчія встрѣчаются въ письмахъ на раз-

---

[1]) Prof. A d. H a r n a c k, Die Apostelgeschichte, S. 205.
[2]) Prof. A d. H a r n a c k, Die Apostelgeschichte, S. 45.
[3]) Prof. A d. H a r n a c k, Die Apostelgeschichte, S. 41.
[4]) Prof A d. H a r n a c k, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 80, 1.

стоянiи лишь нѣсколькихъ дней! Таже неустойчивость у Цицерона и въ датахъ насчетъ плановъ будущаго. За недолгое пребыванiе въ Лаодикiи онъ дважды писалъ своему другу Аттику, что отправится въ Килилiю около или послѣ 15 мая (ер. ad Att. V, 21. VI, 1), другому прiятелю тогда же назначалъ для сего время около 1 мая (ер. ad Fam. XIII. 57), еще въ двухъ письмахъ указывалъ 7-е мая (ер. ad Att. VI, 2; ad Fam. II, 13) [1]).

Этотъ параллелизмъ, характеризующiй основныя свойства сравниваемыхъ величинъ, позволяетъ намъ резюмировать окончательный итогъ въ томъ смыслѣ, что Дѣянiя содержатъ матерiалъ богатый и возможно достовѣрный какъ въ дидактическихъ, такъ и въ повѣствовательныхъ частяхъ.

Пусть все это безспорно, но вѣдь обработка даже документальныхъ данныхъ бываетъ весьма различная по качеству и формамъ, а — слѣдовательно — и по достоинству. Значитъ, теперь необходимо разсмотрѣнiе дѣла именно съ этой стороны, чтобы опредѣлить, сколь велика

## историко литературная цѣнность книги Дѣянiй.

Тутъ прежде всего важно, что св. Лука не перегружаетъ своего труда излишнимъ матерiаломъ и не нагромождаетъ его механически и безпорядочно, а — напротивъ — принимаетъ со строгимъ разборомъ, примѣняетъ съ разумною экономiей и располагаетъ по идейно выдержанному плану. Онъ проникаетъ своимъ духовнымъ взоромъ во внутреннiе тайники разрозненныхъ фактовъ и — въ цѣломъ — созерцаетъ въ нихъ предначертанную издревле величественную картину неудержимаго возрастанiя христiанскаго благовѣстiя отъ славы Iерусалимской въ силу Палестинскую ко свѣту во откровенiе всѣхъ языковъ. У него настоящее покоится на прошломъ и предвѣщаетъ будущее, какъ это свойственно истиннымъ генiямъ, всегда витающимъ во всѣхъ трехъ направленiяхъ и сферахъ [2]). Здѣсь исторiя естественно бываетъ стройнымъ пульсирующимъ организмомъ. Посему и у Дѣеписателя всѣ детали оживотворяются и живутъ, какъ била животворнымъ ключемъ самая апостольская жизнь. И если нѣтъ наибольшаго поруганiя и тягчайшаго посрамленiя для историка, что онъ мертвитъ въ

---

[1]) Sir W. M. Ramsay, The First Christian Century: Notes on Dr Moffatt, Introduction to the Literature of the New Testament (London 1911), p. 143—149.

[2]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 9.

школьныхъ схемахъ и схоластически убиваетъ своею механическою корректностію наличную дѣйствительность, то и для св. Луки наилучшею литературною рекомендаціей служитъ простое объективное констатированіе, что у него оживотворяются всѣ фактическія явленія животворящимъ ихъ зиждительнымъ духомъ.

Это свойство одинаково примѣнимо и къ широкой группировкѣ историческихъ данныхъ, которыя концентрируются вокругъ личностей Петра и Павла. Такова была господствующая манера наивысшей и образцовой древней исторіографіи, а у Дѣеписателя она развертывается во всемъ своемъ блескѣ, потому что особенно способствуетъ рельефному оттѣненію и точнѣйшему уразумѣнію историческаго движенія, которое вполнѣ выражаетъ и раскрываетъ. Понять это не трудно и доказать легко. Св. Петръ наиболѣе выступаетъ на первыхъ страницахъ книги Дѣяній, и тутъ каждая строка проникнута его вліяніемъ, прямо и косвенно сводится къ нему. Но развѣ это не естественно, а искусственно? Вѣдь именно здѣсь рисуется намъ созиданіе христіанства на іудейской почвѣ и въ соприкосновенности со священными завѣтами Израиля, а св. Петръ былъ Апостоломъ обрѣзанія (Гал. II, 7, 9) и типическимъ выразителемъ принципа Израильскаго благовѣстія. Посему историкъ съ нимъ связываетъ всѣ нити не произвольно, ибо онѣ фактически сходились въ Петрѣ. Онъ былъ заправляющимъ, регулирующимъ и объединяющимъ центромъ, — и Дѣеписатель вполнѣ законно смотритъ отсюда по всѣмъ периферіямъ даннаго круга на апостольскомъ небосводѣ. Однако этотъ центръ неизбѣжно долженъ былъ перемѣститься въ согласіи съ предначертаннымъ ходомъ Евангелія, вышедшаго за границы іудейства и чрезъ эллинизмъ простершагося на весь міръ. Натурально, что при столь необъятномъ горизонтѣ измѣняется вся перспектива, и на ней выдѣляются новыя доминирующія фигуры. Предъ нами теперь обширный просторъ языческой вселенной, покрытой вѣковымъ мракомъ со слабыми проблесками „свѣтящаго во тьмѣ свѣта“. Ихъ нужно было раздуть въ живой пламень неугасимаго огня, не мерцающаго въ своемъ блескѣ, всюду органически проникающаго и все согрѣвающаго энергіею возрожденія. Само собою понятно, что совершившій этотъ историческій подвигъ и долженъ былъ всего отчетливѣе сіять на озаренномъ фонѣ orbis Romani, а таковымъ былъ св. Павелъ. Неудивительно, что отселѣ почти базызъятно выдвигается его великая миссіонерская личность, поелику въ ней былъ и источникъ и фокусъ всемірной евангелизаціи, какъ и de facto онъ былъ Апостоломъ необрѣзанія и служителемъ благовѣстія у язычниковъ.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ частнѣйшая, персонали-

стическая группировка совпадаетъ съ подлиннымъ христіанскимъ прогрессомъ, раскрывая его со стороны внутреннихъ мотивовъ и во внѣшнемъ конкретномъ обнаруженіи. И подобная гармонія идейнаго съ дѣйствительнымъ, общаго съ индивидуальнымъ есть прекраснѣйшее качество объективно-историческаго изображенія, если оно не хочетъ забывать, что жизни не бываетъ безъ принципіальныхъ основъ и что она успѣшно созидается ея лучшими носителями, которые покоряютъ косныя массы и возбуждаютъ ихъ къ активности. При такой композиціи всего произведенія — и частные эпизоды входятъ въ цѣлое, усиливая художественное впечатлѣніе, какъ тоны и полутоны на картинѣ истиннаго мастера.

Все сказанное достаточно опредѣляетъ научно-литературныя достоинства исторіографіи Дѣяній и вызываетъ справедливыя похвалы компетентныхъ авторитетовъ. Здѣсь наиболѣе отчетливъ и внушителенъ голосъ проф. Ад. Гарнака, всесторонне и критически изучившаго разсматриваемую книгу. Общая тема ея заключалась въ томъ, чтобы исторически представить силу духа Христова въ Апостолахъ [1]), поскольку Лука справедливо считаетъ только ихъ полномощными для христіанской миссіи [2]). Но для сего требовалось проникновенное постиженіе самой сущности Евангелія Христова во всѣхъ его неисчислимыхъ и многообразныхъ проявленіяхъ, почему самая мысль цѣлостнаго и точнаго воспроизведенія событій именно въ этомъ освѣщеніи была сколько простою, столько же и геніальной [3]). Но первохристіанство было слишкомъ густо окрашено іудаистическимъ колоритомъ, и нужно было непосредственное соприкосновеніе съ нимъ и близкое знакомство [4]), чтобы вѣрно угадать и раскрыть его истинную природу. Съ этой стороны самое предпріятіе описать дѣло въ такомъ тонѣ являлось необыкновеннымъ мужествомъ [5]), а плодомъ его было то, что Лука оказался первымъ историкомъ Церкви, который въ своемъ первоклассномъ по композиціи и по стилю трудѣ далъ нѣчто совершенно исключительное и непреходящее [6]). Тутъ мы имѣемъ правильно развивающійся историческій образъ, гдѣ апостольско-церковная исторія органически связывается съ евангельскою, и обѣ получаютъ прочную устойчивость взаимной и собственной преемственности; въъ этомъ отношеніи

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 4, 6.
[2]) ibid., S. 15.
[3]) ibid., S. 5, 6.
[4]) ibid., S. 2, 10.
[5]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S 103.
[6]) ibid. S, 102.

Дѣеписатель оказывается создателемъ апостольской традиціи наряду съ евангельскою [1]), а его произведеніе есть не только дѣйствительный историческій трудъ въ своей совокупности, но и надежный во множествѣ своихъ деталей [2]), удачно дополняющій Павловы посланія [3]). Безспорный спеціалистъ въ области древне классической греческой литературы, покойный профессоръ Фридрихъ Бляссъ категорически свидѣтельствуетъ о Дѣяніяхъ, что „эта книга не просто выдѣляется по своему прекрасному строенію, но и обнаруживаетъ такое искусство, которое было бы ничуть не недостойно писателя греческаго или римскаго" [4]). Другой авторитетный свѣтскій профессоръ (of Humanity) W. M. Ramsay въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ и спеціальныхъ изслѣдованіяхъ выражаетъ искреннее удивленіе и глубокое почтеніе предъ исторіографическимъ трудомъ св. Луки и ставитъ его чуть ли не выше всѣхъ однородныхъ произведеній какъ по общей концепціи, такъ и по литературной обработкѣ деталей.

Присоединяясь вполнѣ къ этимъ заслуженнымъ отзывамъ, мы со своей стороны должны прибавить, что высокое художество Дѣеписателя состоитъ собственно въ строгой вѣрности и вдохновенной яркости воспроизведенія спасительныхъ дѣлъ божественнаго Художника, мастерски собирая въ литературной концентраціи живительно сіяющіе лучи солнца правды во Христѣ Іисусѣ. Этимъ и мотивируется и гарантируется въ новозавѣтномъ канонѣ

## священно-догматическое значеніе книги Дѣяній,

что она точно и неотразимо показываетъ божественное строеніе Церкви Христовой на землѣ для искупительнаго обновленія человѣчества во вся роды вѣка. Будучи сверхъестественнымъ плодомъ безконечной любви Божіей, христіанство обязательно требуетъ божественнаго совершителя, независимаго отъ космически стихійныхъ ограниченій, но преобразующаго ихъ верховною силой. Только въ этомъ случаѣ оно будетъ прочнымъ по своему основанію и благодатнымъ въ своемъ вліяніи. Само собою понятно, что этотъ элементъ истинной божественности одинаково необходимъ и въ дальнѣйшемъ развитіи, поелику тутъ даже малѣй-

---

[1]) Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 224.
[2]) ibid., S. 222.
[3]) Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 117.
[4]) Prof. Fridericus Blass, Acta Apostolorum I, p.13.

шее уклоненіе отъ этой нормы грозитъ превращеніемъ царств нно властвующаго начала въ рабски приспособительное. Посему обязательно, что божественное на Голгоѳѣ должно быть таковымъ и въ исторіи по всей вселенной.

Книга Дѣяній объективнымъ повѣствовательнымъ путемъ убѣждаетъ до осязательности, что это существенное требованіе соблюдалось въ историческомъ процессѣ всегда и съ неизмѣнностію. Земная миссія Господа кончилась, и Онъ возносится къ Отцу Своему. Тѣмъ не менѣе ученики не остаются сирыми и получаютъ обѣтованіе объ Утѣшителѣ, Который пребудетъ съ ними во вѣкъ. Это — Духъ Святый, равночестный и равносущный, имѣющій и могущій продолжать дѣло Христово съ адекватною божественностію. Отнынѣ Онъ является главнѣйшимъ движущимъ факторомъ христіанства, его возвращающею и сохраняющею силой. Въ этомъ отношеніи христіанское процвѣтаніе принципіально было вполнѣ обезпечено и не могло колебаться фактически. И мы знаемъ, что Апостолы оставались въ уединенномъ безмолвіи до тѣхъ поръ, пока не были озарены свыше, — и лишь теперь открывается ихъ проповѣдническое благовѣстничество. Послѣднее чрезъ Духа было Христовымъ и свою божественную внѣмірность ярко обнаруживало сопутствующими знаменіями и чудесами (ср. Мр. XVI, 20) во всѣ важнѣйшіе моменты исторической первохристіанской жизни. Изъ этого уже прямо вытекало, что божественная энергія располагала орудіями и способными и достойными для воплощенія ея плановъ И это несомнѣнно до непоколебимости, разъ всюду являются на страницахъ Дѣяній Апостолы Христовы, носители обѣтованій Господа и истинные преемники Его земного служенія. Поэтому и подвигъ ихъ не менѣе незыблемъ и содержитъ въ себѣ всѣ ручательства божественной спасительности. Вся важность здѣсь сосредоточивается именно въ принципѣ апостольскаго строительства Церкви Христовой, — и онъ совершенно безспоренъ для нея по верховенству св. Петра въ первый періодъ и по доминирующей активности богоизбраннаго Павла во второй. О всѣхъ частностяхъ говорить не было надобности, потому что ихъ солидарность предполагается самою стройностію движенія. При такихъ условіяхъ было невозможно, чтобы цѣль оказалась невыполненною или пострадала въ своей чистотѣ при фактической реализаціи. И тутъ всячески непреложно, что заповѣдь Христова — объ апостольскомъ свидѣтельствѣ, силою Духа, въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли (Дѣян. I, 8) — была опредѣляющею нормой христіанскаго благовѣствованія, всецѣло проникала и неуклонно руководила имъ на всѣхъ стадіяхъ поступательнаго шествованія Евангелія Христова. Вотъ почему христіанскій ростъ идетъ съ послѣдовательною постепенностію, чуж-

дою и вынужденнаго коснѣнія и человѣческой торопливости,. ибо онъ нерасторжимъ отъ внутренняго самообладанія и увѣренъ въ своемъ торжествѣ. Неудивительно, что христіанство достигаетъ полнаго успѣха и въ гражданскомъ центрѣ государственнаго господства пріобрѣтаетъ владычество надъ вселенной (Кол. II, 23). Это совпаденіе божественнаго осуществленія божественными средствами соотвѣтственно божественному предначертанію было величайшею гарантіей будущаго, его вѣчной несокрушимости и неисчерпаемой жизненности. Церковь — Христова въ своемъ основаніи и Основателѣ — была Христовою чрезъ своихъ провозвѣстниковъ и въ самомъ распространеніи, почему останется Христовой и во все теченіе земногоміробытія: — вотъ незыблемый итогъ Дѣеписательской исторіографіи въ увѣнчаніи евангельскаго обоснованія апостольскимъ строительствомъ и въ божественномъ обезпеченіи его будущаго абсолютнаго торжества, когда будетъ Богъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. XV, 23).

---

Стр. 92, 20, 19 св. вызывали . . . долженъ .

София (Болгарія). 1930, V, 12 (IV, 29) - понедѣльникъ.

# ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРН.

Внутренняя историографическая связь третьяго Евангелія и книги Дѣяній . . . . . . . . . . . . . . . . . 5 — 6.
Писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній по указанію ихъ 6 — 15.
Св. Лука - писатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній . . . 15 — 28.

ТРЕТЬЕ ЕВАНГЕЛІЕ.

Источники и условія происхожденія третьяго Евангелія . . 29 — 34.
Задача и характеръ третьяго Евангелія . . . . . . . . . 34 — 38.
Объемъ источниковъ и способъ пользованія ими у третьяго Евангелиста . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 38 — 48.
Литературныя достоинства историографическихъ трудовъ св. Луки . . . . . . . . . . . . . . . . . . 48 — 65.
Цѣль третьяго Евангелія . . . . . . . . . . . . . 66 — 74.
Ближайшее предназначеніе третьяго Евангелія . . . . . . 74 — 78.
Время изданія третьяго Евангелія . . . . . . . . . . 78 — 81.
Мѣсто написанія третьяго Евангелія . . . . . . . . . 81 — 82.
Подлинность третьяго Евангелія . . . . . . . . . . . 82 — 83.
Текстъ третьяго Евангелія въ теперешней редакціи . . . 83 — 92.
Анализъ содержанія третьяго Евангелія . . . . . . . . 92 — 107.
Планъ третьяго Евангелія . . . . . . . . . . . . . . . 107 — 108.
Общій характеръ повѣствовательной изобразительности въ третьемъ Евангеліи . . . . . . . . . . . . . . . 108 — 111.

КНИГА ДѢЯНІЙ СВ. АПОСТОЛОВЪ

Положеніе и значеніе книги Дѣяній въ новозавѣтномъ канонѣ. 112 — 113.
Наименованіе книги „Дѣянія Апостоловъ“ по сравненію съ ея содержаніемъ . . . . . . . . . . . . . . . . . . 113 - 116.
Цѣль и характеръ апостольской историографіи . . . . . 116 118.
Содержаніе книги Дѣяній . . . . . . . . . . . . . . 118 123
Фактически-художественный объективизмъ изображенія и законченность книги Дѣяній . . . . . . . . . . . 123 - 131.
Единство автора книги Дѣяній съ устраненіемъ гипотезъ о механической компилятивности изъ разныхъ источниковъ . . . . . . . . . . . . . . . . . 131 — 136.

Языкъ книги Дѣяній . . . . . . . . . . . . . . . . . . 137 — 139.
Историческая достовѣрность книги Дѣяній . . . . . . . . 139 — 151.
Фактическая достовѣрность книги Дѣяній по источнику свѣдѣній . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 152 — 154.
Дѣеписатель — спутникъ св. Павла . . . . . . . . . . 155 — 159.
Дѣеписатель — Евангелистъ Лука . . . . . . . . . . . 159 — 167.
Подлинность книги Дѣяній . . . . . . . . . . . . . . . 167 — 169.
Время изданія книги Дѣяній . . . . . . . . . . . . . . 169 — 172.
Мѣсто изданія книги Дѣяній . . . . . . . . . . . . . 173.
Достовѣрность сообщаемыхъ въ книгѣ Дѣяній рѣчей:
I) св. Апостола Павла . . . . . . . . . . . . 174 — 185.
II) св. Апостола Петра . . . . . . . . . . . . 185 — 189.
III) Архидіакона Стефана . . . . . . . . . . . . 189 — 193.
Фактическая достовѣрность книги Дѣяній . . . . . . . . 193 — 195.
Историко-литературная цѣнность книги Дѣяній . . . . . 195 — 198
Священно-догматическое значеніе книги Дѣяній . . . . . 198 - 200.

---

София (Болгарія). 1932. III. 25 (12) — пятница.